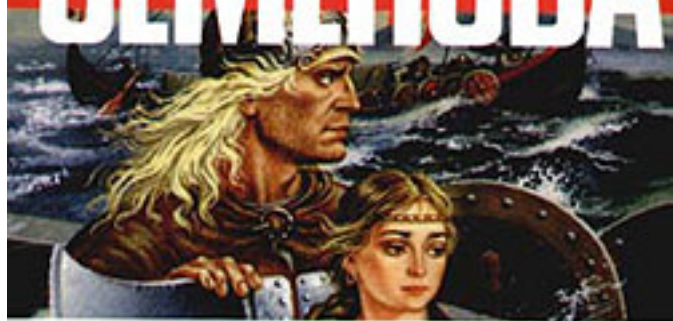

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

**ЛЕБЕДИНАЯ
ДОРОГА**

азбука-классика

Мария Васильевна Семенова Лебединая Дорога (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Азбука»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178160
Лебединая Дорога: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-91181-263-8*

Аннотация

Мария Семенова – автор знаменитого романа «Волкодав», основоположник жанра «русское фэнтези» – всегда пишет о сильных людях. В морском абордажном бою и на стенах пылающего города, в снежных горах и черной непроходимой чаще, в темнице и небесном чертоге ее герои до конца стоят за правду, идут на смерть, защищая друзей, и побеждают зло силой добра.

Викингам, чьи корабли идут по Лебединой Дороге, нечего терять, они оставили прошлое позади, их не пугают великие опасности и кровавые битвы, ибо павшие в сражениях воссядут в Вальгалле, Чертоге Одина, а выжившие покроют себя славой. Драконьи корабли уходят в чужие земли, где правят не Асы и Ваны людей севера, но славянские Дажьбог и Ярила... Все дальше и дальше ведет дружину Лебединая Дорога...

Содержание

Лебединая Дорога	5
Книга первая	5
Часть первая	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	22
9	26
10	30
11	31
12	35
13	38
14	43
15	47
16	49
17	53
18	58
19	61
20	65
21	69
Часть вторая	73
1	73
2	77
3	80
4	84
5	89
6	92
7	94
8	98
9	102
10	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Мария Семенова Лебединая Дорога (сборник)

Лебединая Дорога

Книга первая На чужом берегу

Часть первая Морской дом

1

В море властвует морской Бог Ньёрд. Когда этот Бог гневается, случается шторм.

Далеко-далеко, над самым сердцем океана, в ночной тьме закручивался облачный водоворот. Половину населенного мира покрывала его непогожая сень. По краям ласкал землю тихий весенний дождь, дарующий плодородие полям. Ближе к середине гремели грозы, проносился порывистый ветер. А над Западным морем клубилась косматая тьма.

От горизонта и до горизонта пировал бешеный вихрь, и оскаленное море сотрясало береговые кручи. Ветер гнул сосны и ворошил земляные крыши домов.

Вдали от берега под летящими тучами одна за другой катились чёрные горы. Ветер срывал тяжёлые гребни и нёс их прочь, и трудно было понять, где кончалась вода и начиналось небо.

Вдали от берега погибал корабль.

Буря разорвала его парус, расштатала деревянные члены. Волны перебрасывали одна другой разваливавшийся, переставший сопротивляться остов.

Между палубными досками сочилась вода. Солёная сырость пропитывала свёрнутые ткани, обволакивала бочки с зерном и мукой. Деревянные борта скрипели и прогибались. За рёвом ветра не было слышно, как глубоко в тёмном трюме корабля стучал о крепкую дверь тяжёлый висячий замок.

За дверью сидела молодая девчонка, купленная в городе Ладоге на невольничьем торгу.

Уже целую вечность ее мотало туда-сюда по зыбкому осклизлому полу. Очередная волна цепко хватала корабль – конец! Тёмное дно и бородатый морской дед – отпустит ли русалкой по озёрам, по чистым речкам возвратиться домой? Было или не было – выплывало из-за лесов прохладное светлое утро, и она босиком выбегала из родительского дома в родном Кременце... Были же у неё когда-то и мать, и отец, и смешные младшие сестрёнки, и... прощай, родимый, вспоминай свою суженую, другая разует тебе резвые ноженьки в святую купальскую ночь, не поминай лихом – прощай!

Но корабль с предсмертными стонами карабкался на волну, сбрасывая с палубы потоки воды. Иногда до слуха невольницы долетали проклятия и команды, обрывки молитв. Вот мимо закутка торопливо зашлёпали мокрые сапоги, послышался негромкий металлический звон.

Девчонка вскочила на ноги, что было мочи забарабанила в толстую дверь:

– Отворите!

Веще чутьё подсказало ей – вот сейчас корабль будет покинут. Быть может, это камни оцерили впереди вечно голодные зубы. Или пучина расступилась перед носом корабля. Или просто не было больше надежды спасти купленное добро...

Новая волна повалила судно набок, отбрасывая её от двери. Она вскочила и кинулась обратно.

– Отворите!

Но корабельщикам было не до неё. Вскоре лодка отвалила от борта и тут же исчезла в кипевшей темноте. Судорога корабля снова швырнула девчонку на пол, и она больше не пыталась подняться.

Теперь стеречь её было некому. А может быть, её намеренно оставили здесь – умиловать морского деда? Высоко наверху хрустнула мачта, словно кость, переломленная уда-

ром. Море протянуло из-под двери холодные пальцы. Толстая коса сперва поплыла, но скоро отяжелела, набрякла...

Рассвет ненадолго разогнал тучи, и вздыбленные спины волн утратили жуткую черноту. Зелёно-розовые, размежёванные прозрачными тенями, они гряды за грядой надвигались на остров и бешено вскипали у подножия скал. Сверху было хорошо видно, как они налетали на камни, медленно рушились навзничь и тотчас же с рёвом восставали для новой схватки...

Благосклонные Боги создали мир наподобие жилого двора. С той только разницей, что вместо забора его ограждала беспредельная океанская ширь. Рано или поздно люди пересекут и её. Ибо нет такой ограды, за которую человек не попытался бы заглянуть.

Но тем мореходам ещё предстояло родиться.

Неистовый ветер рвал кожаный плащ, разглаживал жёсткую бороду, нёс за плечи длинную гриву волос, не то седых, не то от рождения белёсых. Голубые глаза, почти не щурясь, обшаривали утренний горизонт. Ветер и человек были давнишними друзьями. Олав кормщик, по прозвищу Можжевельник, родился на корабле. На том самом, что стоял на якоре в бухте, под защитой скал.

В давно минувшие времена волны выгрызли у острова середину и, словно удовлетворившись, навсегда утихли в отвоёванной бухте. Самому жестокому шторму не удавалось вкатить сюда тяжёлую зыбь. Корабль отдыхал.

Это была боевая лодья – длинный, хищно вытянутый чёрный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. Такой корабль, стремительно бегущий по морю, назывался «дрэки» – дракон. Жители южных земель, привыкшие бояться полосатого паруса, со страху переиначили: драккар. Во время походов форштевень корабля украшали резной мордой чудовища – на страх недругам и всяким злым силам, таящимся в морской глубине. Но теперь дракон был снят и убран под палубу. Негоже пугать духов гостеприимного острова.

Олав кормщик сын Сигвата гордился своим кораблём и любил его. Корабль – это дом, это богатство, это преданный друг. Не всякий рождается на палубе, но для многих боевой корабль становится ещё и могилой. И нет могилы почётней.

Весь вчерашний день и половину ночи викинги боролись со штормом. Разъярённые волны врывались на палубу, окатывая гребцов и грозя унести за борт. Люди сидели по двое на весло, привязавшись к скамьям, и работали не жалея сил. Впрочем, они знали свой драккар и не боялись, что море сумеет с ним справиться. Так и вышло: в конце концов Олав разыскал в море этот островок и направил корабль в бухту, ориентируясь по гремевшему во мраке прибою. Он знал, что здесь всегда можно укрыться. Бросив якорь, мореходы спустили мачту, закрыли затычками гребные люки и натянули над палубой кожаный шатер. Большинство воинов спало ещё и сейчас.

Олав спустился вниз и пошел по прибрежным камням к кораблю.

Возле сходней стоял один из викингов и умывался, раздевшись до пояса.

– Ветер отходит, Халльgrim хёвдинг, – сказал ему Олав. – Буря начинает стихать.

Халльgrim хёвдинг, то есть вождь, был суровым великаном тридцати трех зим от роду. Вершинная пора жизни, которую он не успел ещё миновать... Но выглядел он старше, как все, кто избрал своим домом палубу боевого корабля. И уж если он повышал голос, отдавая команды, то этого голоса не мог заглушить никакой ураган.

Он стряхнул воду с длинных усов и проворчал:

– Хорошо.

С подветренной стороны острова было почти так же тихо, как в бухте. Серые громады скал уходили высоко в небо, заслоня от ветра, и даже на порядочном расстоянии от берега вода была гладкой. Ветер лишь изредка ерошил её рябью, обваливаясь откуда-то сверху.

По кромке воды шли мужчина и мальчик. Мужчина был молод и очень похож лицом на Халльгрима – и странно было бы им, двоим братьям, не походить друг на друга. Но мальчишка казался похожим на вождя ещё больше, потому что был его сыном. Звали его Видгой, и минуло ему пятнадцать зим.

Сын хёвдинга шагал впереди, а мужчина придерживался за его плечо и спотыкался о камни, через которые Видга переступал без труда.

Неожиданно мальчик остановился.

– Корабль лежит на мели, – сказал он, присматриваясь. И добавил: – Это торговый корабль, и его не было здесь вчера.

Ломавшийся голос обещал со временем стать в точности как у отца.

Слепой отозвался, помолчав:

– Мало похоже, чтобы там были живые.

Видга сказал:

– Они потонули, Хельги. Или ушли на лодке.

Брат отца был едва на десять зим старше его, и мальчишка чаще звал его просто по имени.

Отлив оставил вокруг корабля по колено воды. Мертвое судно лежало на боку, показывая покрытое зеленью брюхо. Мачта плавала возле борта, удерживаемая снастями. Время от времени набегавшие волны сильнее раскачивали толстое бревно, и оно глухо било в смоленые доски. Пройдя вброд по воде, Видга и Хельги взобрались на палубу.

Расторопный песок уже начал заполнять внутренности судна. В развороченном трюме гуляла вода – морской Бог Ньёрд уложил в свои сундуки весь груз купца...

По-прежнему не было видно ни души. Но тут слепой снова взял Видгу за плечо, и его пальцы настороженно сжались.

– Здесь кто-то есть.

Его рука указывала вниз, в полузатопленное чрево лодки. Видга присмотрелся и различил отгороженный закуток. На двери, погружённая в воду, ещё колебалась ржавая бляха замка. Железный страж упрямо караулил брошенное добро.

Мало ли что могло затаиться на покинутом корабле... Но не годится викингу трусить. Видга решительно спустился в трюмный лаз и подобрался к двери. Песчаная отмель уже начала втягивать добычу в свои недра – вода здесь была Видге по грудь.

– Эй! – окликнул он вполголоса, дёрнув замок.

Ни звука.

Хельги слез в трюм следом за Видгой, ощупал дверь и вытянул из-за ремня топор.

– Отойди-ка...

Его удар был точен и силен. Замок громко лязгнул и канул в мутную воду. Видга на всякий случай приготовил нож и рывком распахнул дверь.

Халльгрим хёвдинг уже собирался идти искать сына и брата, когда те сами вышли к кострам.

Хельги нёс на руках человеческое тело, закутанное в плащ.

– Ее зовут Ас-стейнн-ки, – сказал он, опуская свою ношу возле огня. – Это не совсем так, но лучше не выговаривать.

Потревоженная голосами, она приподняла веки, чтобы безучастно оглядеть склонённые над ней бородатые лица... Потом её ресницы вздрогнули и опустились опять.

2

Где та страна, в которой пища сама приходит на стол?

Издrevле сурова была Норэгр, омытая волнующимся морем, увенчанная горами, порезанная каменными расщелинами фиордов... Были в ней стремительные реки и клокочущие водопады, были обильные дичью леса, были цветущие горные пастбища и ночные сполхи в провалах зимнего неба.

Только одного не было почти совсем – пахотной земли.

Чтобы собрать урожай, за полями ухаживали, точно за больными детьми. Очищали от камней, унавоживали, сдабривали толчёными ракушками и яичной скорлупой. Но пашня оставалась скудна.

Море, вплотную подступавшее едва не к каждому жилому двору, часто оказывалось щедрее земли. В зелёной морской глубине косяками ходила жирная сельдь. А за сельдью с разинутыми ртами следовали киты. И случалось, что скот дотягивал до новой травы, питаясь рыбьими головами.

Вот и стоял в каждом дворе просторный корабельный сарай. А в сараях дремали на катках дубовые корабли.

И было так.

Однажды выбитые градом поля не отдали обратно даже того, что было посеяно. Разгневанный морской хозяин отогнал от берегов рыбы стада. Оскудело пастбище, и у коров пропало молоко.

А дети рождались.

Самого первого викинга отправил в море голод.

Кто придумал снарядить корабль и уйти искать страну, где коровы доились сметаной, а треска ловилась и летом и зимой? Сыскался крепкий хозяин, выставил морскую лодью, не боявшуюся бурь. Вооружились и сели в неё отчаянные парни. И пустились вдоль побережья на юг. Брали на берегах скот и зерно. Платили – когда серебром, а когда собственной кровью... И вернулись возмужавшие, украшенные рубцами, пропахшие солью лебединой дороги. Привезли съестные припасы на зиму и украшения подругам. И пленников-трэлей – работать в хозяйстве. Развесили по стенам иссечённые щиты. И мечи, зазубренные в схватках. И поставили у дорог памятные камни в честь друзей, которым возвратиться не довелось.

А потом выросли дети тех, первых. И стали отправляться на добычу не только в голодные, но и в сытые годы. А потом и у них выросли свои дети. И мирных Богов земледелия возглавил одноглазый Один – покровитель воинов и войны... Всё дальше от родных берегов заплывали драконоголовые корабли. Соседи-южане, совсем не трусливые люди, только молились.

Драккары разваливали форштевнями волны. Каждого вождя окружал хирд – крепко сколоченная дружина. За вождя и друг за друга хирдманны стояли насмерть. Таков был их закон, и этот закон приносил им победу. Они высаживались на берег и учиняли такое, что уцелевшие жители долго потом вскрикивали во сне...

И уходили обратно на север. К прекрасной и суровой родной земле. Там ждал тёплый длинный дом за оградой в знакомом фиорде. И заботливые матери, и ласковые жёны, и любопытные, восторженно галдящие дети...

Четверо сыновей было у старого Олава кормщика: Бьёрн, Гуннар, Гудрёд и Сигурд. Двое средних ждали на берегу, Бьёрн с Сигурдом – самый старший и самый младший – сопровождали отца. Суровый бородатый Бьёрн сидел на высоком сиденье у рулевого весла. Драконий хвост, венчавший корму, поднимался над его головой. Боевая лодья слушалась его не хуже, чем самого Олава, но разглядел чужака не он. Сигурд, белоголовый крепыш, и Видга сын хёвдинга одновременно вытянули руки:

– Корабль!

Девчонка, найденная на острове, сидела рядом с Хельги на дубовой скамье, третьей спереди по правому борту. Брызги летели щедро, но Хельги дал ей свою куртку, сшитую

из промасленной кожи, и кожаную же шапку. Такая одежда не пропускает ни сырости, ни ветра, в ней тепло.

Драккар шёл на вёслах. Полосатый парус хорош в дальнем походе, но в бою, когда враг вот-вот будет настигнут, сподручнее грести.

Хельги молча работал длинным веслом, его руки привычно лежали на отполированной ладонями рукояти, ширококостные, могучие пальцы – что железные прутья... Он назвал её Ас-стейнн-ки. Дома её звали Звениславкой – целых шестнадцать лет, до тех самых пор, покуда не сцапали её вечером в лесу недобрые гости, свои же словене, да не впихнули в мешок, да не свезли в город Ладогу, на торг, да не продали за пригоршню серебра немцам-саксам из далёкой рейнской земли.

Хельги ей сказал:

– Начнется бой – спрячешься под скамью.

Северную речь Звениславка разумела без труда. Зимой приезжал к ним в Кременец свейский гость и жил, хворый, у князя в доме до самой весны. Она с тем гостем под конец объяснялась вовсе свободно, ни у кого так-то не выходило, даже у молодого князя, а уж на что князь умён был да хитёр. Иные ей тогда завидовали: на что тебе, девка, чужеплеменная-то речь, не иначе за море Варяжское с купцами разбежалась? А сама она, глупая, знай только радовалась, что и со свеем по-свейски, и с хазарином по-хазарски, и с булгарином на его языке, и с мерянином, из лесу пришедшим... Кто ж ведал, что оно так повернётся!

Чужак так и не сумел уйти от погони. Пузатый, медлительный, он не мог соперничать с северным кораблём. Тот летел над водой, словно крылатый зверь, учуявший поживу. Скалился на форштевне зубастый дракон. Тридцать два весла размеренно взлетали и падали. Расстояние уменьшалось.

Чужой корабль был немецким.

Звениславка отчётливо видела стоявших у борта... Многие уже надели на себя кожаные брони и круглые шлемы, взяли в руки мечи. Эти люди были опытные и знали: викинги навряд ли станут спрашивать, что новенького слышно.

Потом драккар догнал купца и пошёл рядом, держась на некотором расстоянии. Халльgrim хёвдинг приложил ладони ко рту.

– Я Халльgrim сын Виглафа Ворона из Торсфиорда! – полетел над морем его голос. – А вы кто такие и куда идете?

Голос у него был низкий, навечно охрипший от ветра. Его наверняка слышали на другом корабле, но ответа не последовало. Сын Ворона выждал некоторое время и сказал:

– Я предлагаю вам выбор. Можете сесть в лодку и добираться до берега, если вам повезёт. Или защищайте себя и корабль!

Это был обычай, и обещание оставить жизнь нарушалось редко. Но немцы не поверили. С кормы купца взвилась одинокая стрела. Ветер остановил её на середине пути, и она обессиленно упала в воду. Викинги засмеялись.

Халльgrim кивнул Бьёрну Олавссону, и тот слегка повернул руль. Быстрее заходили в гребных люках сосновые вёсла... Воины, не занятые греблей, разбирали висевшие по борту щиты, надевали железные шлемы и толстые куртки, обшитые железными чешуями. Открыли под палубой дубовый сундук, и длинные мечи поплыли из рук в руки, каждый к своему владельцу.

Халльgrim хёвдинг встал на носу, возле дракона, и раскачал в руке тяжёлое копье. Он посвятит его Одину, метнув во врага. Так начинали бой могучие предки, и это приносило удачу.

Тяжёлые копья мало подходят для того, чтобы их метать. Их украшают узорчатым серебром и в сражении не выпускают из рук. Но доброго воина любое оружие слушается

беспрекословно. Широкий наконечник со стуком вошёл в окованный щит, и немца опрокинуло навзничь. Проревел над морем боевой рог, и с драккара посыпались стрелы.

– Я же сказал тебе – прячься! – проворчал Хельги недовольно.

Звениславка нырнула под скамью...

Обитый медью форштевень ударил во вражеский борт. Затрещало крепкое дерево, иные из немцев, не устояв, повалились на палубу. Якоря и багры вцепились и потащили корабли друг к другу. Стрелы били в упор.

Защитники корабля выставили перед собой копья, но это была отвага конца. Халльгрим первым перескочил через борт, заноса над головой меч.

3

Когда с каждой стороны всего по одному кораблю и на каждом не так уж много людей, морской бой не затягивается надолго. Так и в этот раз. У купцов хватило мужества не сдаться без схватки, но для упорного сопротивления не было сил.

Ратное счастье почти сразу поставило Халльгрима лицом к лицу с предводителем. У того блестела в бороде седина, но соперником он оказался нешуточным. Даже для Виглафссона. Железные мечи с лязгом отскакивали друг от друга. Только клочья летели от обтянутых кожей щитов. Однако и Халльгрима не зря называли вождём. Купец тихо охнул и поник на палубу, которая ему больше не принадлежала. Халльгрим перепрыгнул через него, на ходу отшвыривая чей-то занесённый клинок. Закинул щит за спину и двумя руками обрушил перед собой свой меч.

Двое братьев Олавссонов сражались поблизости, неразлучные, как всегда. И Бьёрн уже дважды наклонился связать оглушённого сакса. А у Сигурда было в руках ясеневое копье, и меньшой сын кормщика ещё успевал оглянуться – не ввязался ли в битву отец. Можжевельник был могучим бойцом, и все это знали, но Халльгрим давно уже запретил ему сражаться, сказав так:

– Когда ты понадобишься Одину на его корабле, он тебя призовет. А пока ты нужен мне на моём.

Олав и Хельги были единственными, кто остался на драккаре. Олав невозмутимо сидел у руля, заслонившись круглым щитом, и смотрел, как рубились его сыновья. А Хельги не укрывался ни от свирепого ветра, ни от стрел. Не то верил, что случайная гибель его обойдёт, не то намеренно привлекал её к себе...

Потом Халльгрим вытер меч и сдвинул со лба шлем. Корабль был очищен.

Викинги хозяйничали на палубе. Кто-то снимал с убитых оружие. Другие вязали пленных и загоняли их в трюм драккара – сидеть в темноте, пока не понадобятся. Третьи потрошили тюки, разбирая добычу.

Сын Ворона ещё раз обвёл глазами корабли. Немалая удача, когда обходится без потерь.

Сильные руки переправляли на драккар взятое в бою. Плыли через качавшийся борт бочонки русского мёда, позвякивало в мешочках светлое серебро, мягко шлёпались связки мехов, укутанные от сырости в мешковину и кожу... Будет чем похвастаться дома.

Видге нынче повезло больше других. Мальчишка один на один уложил воина втрое старше себя, и ему достался редкостный меч – упругий и длинный, с неведомыми письменами на воронёном клинке. Этот меч был зачем-то снабжён острым концом вместо обыкновенного закруглённого, можно подумать, неведомый мастер собирался не только рубить им в сражении, но и колоть, как копьём. Внук Ворона решил про себя, что при случае это надо будет исправить, а покамест опоясался новым оружием и зашагал по палубе, взвалив на плечи увесистый тюк...

Освобождаемый от груза, торговый корабль раскачивался на волнах всё сильнее. Скоро к Халльгриму подошли сказать, что трюм опустел.

Хёвдинг оглядел палубу, на которой там и сям лежали погибшие защитники судна.

– Они не трусили, – сказал Виглафссон. – Да и сражались неплохо. Они заслуживают, чтобы им вернули корабль, и пусть Эгир гостеприимно встретит их в глубине. Прорубить дно!

В развороченных недрах судна тотчас отозвался топор. Деревянное тело вздрогнуло, начиная принимать в себя воду. Немного погодя драккар выдернул вонзённые когти и легко соскользнул прочь.

– Поставить парус! – скомандовал Можжевельник.

Красно-белое полотнище затрепетало и напряглось. С его нижней шкаторины свисал добрый десяток шкотов – мореходы закрепили их и ещё растянули углы паруса длинными шестами, чтобы лучше брал ветер.

Воины устраивались на скамьях и один за другим отстёгивали мечи. И тогда-то полоснул с тонувшего судна тонкий, отчаянный крик.

Веселившиеся хирдманны примолкли, стали оглядываться назад. Кричал, конечно, не сам корабль, а оставшийся на нем человек.

– Женщина, – пробормотал кто-то.

Другой добавил:

– Спряталась, наверное.

А Сигурд Олавссон молча вскочил на борт и сильным прыжком бросился в ледяную воду.

Халльгрим перешёл с носа на корму и сказал:

– Твой сын мог бы прежде спросить у меня разрешения. Однако правду говорят, будто смельчаки редко спрашивают, что можно, а чего нельзя.

Старый Олав покосился на него через плечо и приказал готовиться к повороту.

С драккара хорошо видели, как Сигурд, вытянув руки, долго плыл в прозрачной толще воды. Потом его потемневшая, прилизанная голова вынырнула чуть ли не у тонувшего корабля. Дымный гребень тут же снова похоронил его, и кто-то охнул, но Сигурд вынырнул. Он плавал, как тюлень. Несколько размеренных взмахов, и он подтянулся на руках, выбираясь на палубу. И, не теряя времени, исчез в трюмном лазе...

Женский крик повторился. Он был едва слышен за расстоянием. Но оборвался он так, будто кричавшая захлебнулась.

– Утонет Сигурд, – сказал один из смотревших.

Хельги оборвал его:

– Замолчи.

В это время с кормы подал голос Халльгрим хёвдинг.

– Не будет особенно несправедливо, если Сигурд получит ту, которую спасёт.

Из-под мачты немедленно отозвались:

– Это будет древняя бабка без единого зуба во рту...

Слышавшие рассмеялись.

Бьёрн снова встал к правилу. Повинуясь его команде, мореходы перебирали и натягивали моржовые веревки. Рей вместе с парусом медленно поворачивался. Драккар резал колебавшиеся склоны волн, описывая круг.

Олав кормщик молча следил за покосившейся мачтой купца, то появлявшейся между косматыми гребнями, то исчезающей опять.

Но вот чёрный корабль в очередной раз вознёсся к низко мчавшимся облакам. И чьи-то зоркие глаза разглядели Сигурда, благополучно выбравшегося из трюма. Воины восторженно закричали. Сигурд был не один. Тоненькая фигурка отчаянно прижималась к нему,

вцепившись в плечо. Ветром отдувало длинные косы. Так они и стояли, уже не на палубе, а на бортовой доске, держась за ванты и глядя на подхотивший драккар. Корабль под ними всё круче падал набок, погружаясь в зовущую глубину. Потоки пенившейся воды перекатывались через него без помехи. Ещё немного, и он унесет с собой и Сигурда, и его добычу. Суровый Бог Ньёрд часто требует жертв...

– Вёсла на воду! – приказал Бьёрн.

Он командовал ровным голосом, без суеты. В двадцать четыре зимы Бьёрн кормщик мог поспорить с кем угодно из стариков.

Драккар ринулся вперёд, как застоявшийся жеребец. Волны тяжело били его в скулу. Корабль вставал на дыбы, словно готовясь взлететь. Потом палуба проваливалась под ногами, и через борт хлестала вода. На вёсла сели все, кто мог. И Видга, и Олав, и двое Виглафссонов. Сигурда надо было спасать.

Из трюма подняли двоих немцев покрепче и вручили им по деревянному ведру. Сознавая опасность, пленники принялись работать как одержимые. И лишь изредка поднимали мокрые головы, чтобы взглянуть на пенные стены, выставившие над бортами, и осенить себя спасительным крестом...

В снастях завывала стая волков.

Забравшись на ветер, Бьёрн вновь развернул драккар к тонувшему кораблю. По его слову спрятались все вёсла, кроме одного, и это оставшееся поплыло в воздухе прямо на Сигурда. Чёрный корабль разминулсЯ с купцом на расстоянии в несколько локтей. Сигурд подхватил пленницу, и оба повисли на весле. Морской Бог обождет.

Десяток рук держал весло с той стороны. Сигурда подцепили за пояс багром и втащили на борт.

– Не промочил ли ты ноги, Олавссон?

Драккар опять шёл прямо по ветру, почти не кренясь. Килевая качка размеренно приподнимала то нос, то корму. Катившиеся волны по очереди подталкивали корабль и с утробным гулом уходили вперед.

Обоих спасённых, синих и онемевших от холода, раздели донага и принялись растирать.

Девчонка оказалась донельзя тощей и вдобавок смуглой, точно вылепленной из стоялого дикого мёда. Как видно, чужеземное солнце прилежно калило не только её, но и весь этот род. Подобная красота ни у кого не заслужила одобрения, а Хельги, послушав разговоры друзей, только хмыкнул:

– Стоило из-за неё мочить нас всех и топиться самому.

Халльgrim же обратился к Сигурду и сказал:

– Проучить бы тебя, но, думается, тебе немало и так. Жаль только, что там и впрямь не оказалось замшелой старухи!

Смуглянка всхлипывала на палубе, завернутая в Сигурдов крашеный плащ.

– Я буду звать её Унн, – сказал Сигурд. – Потому что я вытащил её из волны.

4

Имя Норэгр издавна означало дорогу на север. Целый месяц можно было идти на быстром боевом корабле вдоль скалистых, изрубленных берегов. С самого юга, оттуда, где в тумане маячили датские острова и зимой дождь шёл чаще, чем снег, и до Финнмарка на севере, где на горизонте белыми призраками высились вечные льды.

Дивно ли, что на столь обширном пространстве обитало великое множество племён?

Транды, раумы, ругии, халейги и ещё многие иные населяли каждый свой надел. И каждое племя называло свою страну гордо и ласково: Трандхейм, Раумсдаль, Рогаланд, Халогаланд...

Язык же здесь был всюду один. Северный, ещё не распавшийся окончательно на урманский, датский и свейский. Племена разнились одно от другого, пожалуй, лишь вышивкой на родовых башмаках, что надевали на ноги умершим. Да ещё пристрастием к тем или иным именам. Ну, то есть в точности так же, как у Звениславки дома: радимичи, кривичи, словене. Всяк своё, всяк сам по себе, а если разобраться – одно...

Людей, населявших Норэгр, на Руси называли – урмане.

Братья Виглафссоны жили в Халогаланде, стране халейгов. На самом севере населённой земли. Дальше к полуночи обитали только кочевники-финны – знаменитые колдуны, хозяева оленьих стад, охотники на волков.

День за днем драккар пробивался на север.

Викинги проводили в море весь день: когда гребли, когда сидели под распущенным парусом. Вечером высаживались на берег.

Иногда им давал приют какой-нибудь незаселённый залив, загромождённый скалами до того, что лишь искусство старого Олава позволяло поставить корабль. Тогда на берегу вспыхивали костры, а на ночь над палубой растягивали шатёр и выставляли караульных.

Иногда же они стучались в чьи-нибудь ворота. И отказа им не было. Попробуй не распахни ворот – продрогшие мореходы, пожалуй, быстренько снимут их с петель... Но не только страх открывал перед ними все двери. Пусть-ка кто-нибудь тронет тех, кто принимал у себя викингов Халльгрима Виглафссона!

Потому угощали их всюду отменно. И пиво на стол подавали хозяйские дочери. И молодые воины, мечтавшие о женах, ловили их за руки, приглашали сесть подле себя. А Халльгрим без лишней скупости расплачивался за ночлег и сулился заехать ещё.

Но как-то раз он приказал править к берегу, когда день едва перевалил полуденную черту. Вскоре драккар втянулся в горло фиорда, и Звениславка увидела, как высоко на скалах загорелись дымные костры. Это береговые стражи сообщали на своё подворье: викинги идут!

Узкий залив тянулся долго. Потом на одном из берегов открылся жилой двор. Звениславка почти ждала, что увидит над крепким тыном торчащие копы да остроконечные шлемы обитателей двора. Но ошиблась – и отлегло от сердца. Жившие на берегу стояли у края воды, приветственно размахивая руками. Погода в тот день была тихая, драккар неторопливо взмахивал вёслами, и гладкая вода со стеклянным звоном распадалась перед его носом.

Бросили якорь, и Халльгрим первым спустился по сходням. Навстречу шагнул статный мужчина в богатом плаще.

– Я привез тебе рабов, родич, – сказал ему хёвдинг. – И надеюсь, что ты, как всегда, одаришь меня добрым льном. Ну здравствуй, Эйрик Эйрикссон. Велико ли нынче благополучие у тебя в Линсетре?

Имя «Линсетр» означало место, где возделывают лён.

Воины выудили из трюма всех пленников. Немцы по одному вышли на берег, угрюмо озираясь вокруг. К неволе привыкают не сразу. Им ещё предстояло осознать себя рабами вот этого зеленоглазого Эйрика Эйрикссона. И каждое утро, открывая глаза, видеть перед собой не родную хамбургскую улочку, а невозмутимо спокойный фиорд и крутой лесистый склон горы на том берегу. И станет прежняя жизнь похожей на несбывшийся сон. А тот сон, что снился им теперь, – явью, от которой пробуждения нет...

И хотя всё это было у них ещё впереди, те, кто был ранен, отчего-то хромали больше прежнего.

Хельги покинул корабль одним из последних. И он был единственным, кто вслух не радовался стоянке.

Халльгрим и его люди были в Линсетре дорогими гостями. Вечером собрали пир.

Эйрик Эйрикссон, как подобает хозяину, сидел на почётном сиденье, домочадцы – подле него, гости – напротив. Ярko горел посреди пола выложенный камнями очаг. Отсветы пламени бежали по нарядно завешенным стенам, дым уходил в отверстие крыши.

Рабы внесли столы с угощением. Звениславке такие столы всё ещё казались непривычными – низкие, по колено сидевшим. А ели здесь то же, что и всюду в этой стране: рыбу и дичь. Был и хлеб, но совсем не такой, как дома. Потому что неплохо рос здесь один только ячмень, да и тот переводили больше на пиво.

Зато пива подавали вдосталь. И напитка скир, который готовят из кислого молока. Викинги пили по своему обычаю – все вместе, пуская по кругу наполненные рога. И проносили их над очагом, освящая напиток прикосновением огня.

Звениславка сидела рядом с Хельги, по левую руку. И пила сладкую брагу из рога, который ему подносили. Эйрик внимательно разглядывал незнакомку, её нездешний наряд и пуще всего тугую длинную косу. Коса его удивляла – ведь испокон веку девушки носили волосы распущенными, а замужние связывали в узел, прятали под платок. Халльгрим в конце концов заметил его недоумение и объяснил хозяину так:

– Это Ас-стейнн-ки. Она из Гардарики.

И поглядел на брата, но тот промолчал.

Звениславке неоткуда было знать, что Хельги когда-то сватал за себя сестру Эйрика Эйрикссона, зеленоокою Гуннхильд. Хельги был тогда зрячим и сражался не хуже брата, и красив был не менее, чем теперь, и всё-таки вышло не так, как того хотелось и Эйрику, и ему. Своенравная девушка пожелала распорядиться собой по-иному. И оттого-то у Хельги по сию пору не было жены, да и Эйрик чувствовал себя словно бы виноватым.

Вот он и гадал про себя, кто она для Хельги, эта Ас-стейнн-ки?

Два дня в Раумсдале, в гостеприимном Линсетре, пролетели необыкновенно быстро. Серо-стальное море снова качало драккар. И снова каждое утро Халльгрим хёвдинг продира́л глаза первым. И поднимал людей. И те садились на вёсла, не жалуясь на застарелую усталость. Потому что каждый взмах, каждое усилие заросших мозолями рук несло их домой.

5

Было так...

Давно было, но люди запомнили.

Клубились над морем чёрные грозовые тучи.

Запряжённая двумя свирепыми козлами, с грохотом неслась по гребням туч боевая колесница. Спешил на битву с великанами рыжебородый Бог Тор – Перуну словенскому, надо полагать, родной брат. Вздыхался в Божественной деснице чудо-молот, каменный Мьй-олльнир. Сокрушал врага и возвращался в метнувшую его руку. И видели люди летящую молнию, и слышали катившийся гром...

Но вот увернулся хитрый великан. Заглушило голос бури проклятие разгневанного Тора! А молот-молния угодил по прибрежным горам.

Дрогнула и раскололась земля. Между расступившимися скалами хлынуло море...

А потом пришли люди и увидели залив, похожий по форме на небесный молот. И назвали его – Торсфиорд.

Земля здесь почти ничего не рождала. И потому жители побережья всё больше пытались счастья в море. Глубоко в фиорде, недалеко от святилища Тора, стоял двор, так и называв-

шийся – Торсхов. Там жил человек по имени Рунольв Скальд. Он тоже был викингом и могучим вождём, и на много дней пути окрест боялись его имени, а пуще того – пёстрого корабля под парусом, выкрашенным в тёмно-красный цвет...

Сыновья Виглафа Ворона бросали якорь у самого выхода к морю. Их жилище называлось Сэхейм – Морской Дом.

Здесь тоже днём и ночью глядели со скал бдительные сторожа. И снова, как и в Линсете, радостная весть обогнала шедший корабль.

Сэхейм стоял над узкой и глубокой бухтой, в которую даже при самом сильном отливе мог войти драккар. Поэтому ограда вокруг двора имела двое ворот. Одни на суше, другие в воде.

Внутри двора виднелось несколько жилых домов и, конечно, вместительный корабельный сарай. Да и сами дома, сложенные из брёвен и камня, больше всего напоминали опрокинутые корабли: длинные, с выпуклыми киями крыш. Над крышами курились сизые дымки очагов. Свежий ветер, предвестник непогоды, пригибал их к воде. И казалось, будто это сам берег тянулся руками к подходившему кораблю...

Сбросив парус, чёрный корабль скользнул в распахнувшиеся морские ворота.

– Мать! – крикнул Халльгрим хёвдинг, и на берегу родилось эхо. – Мать, встречай!

Звениславка внимательно разглядывала стоявших на берегу. К самому краю воды выбегал из домов всё новый народ – молодые парни, зрелые мужи, женщины, ребята. Воины, привычно опоясанные мечами, и рабы-трэли, испачканные в навозе.

Четверо сильных мужчин уже держали наготове широкие сходни. Когда эти сходни со стуком ударятся о борт корабля, люди скажут, что поход действительно закончен. А возле них стояла та, в ком Звениславка с первого взгляда угадала хозяйку двора.

Фрейдис Асбьёрндоттир успела переодеться в крашенные одежды. Ветер тревожил воду фиорда, и лёгкие волны подбегали к самым ногам, но она не замечала. Она не махала руками и не кричала приветственных слов, но серебряные застёжки дрожали на её груди. Тёмный плащ распахивало ветром – она его не поправляла.

Подле Фрейдис суежилась горбуня-служанка, древняя, как сама старость. Пронзительный голосок не терялся даже среди общего шума. Но хозяйка навряд ли внимательно слушала её болтовню. Халльгрим хёвдинг стоял на высоком носу корабля, положив руку на деревянную спину дракона. И Хельги, помедлив, поднялся рядом с ним. И нетерпеливый Видга вскочил на скамью, выглядывая из-за плеча отца...

Такие дети и внук! Было кем гордиться, было о ком молить в святилище могучего Тора.

Вода нынче стояла высоко, и боевой корабль с ходу набежал на берег. Халльгрим не стал дожидаться сходней – сбежал по протянутому веслу. Фрейдис не выдержала, ступила прямо в воду, навстречу ему. Халльгрим легко подхватил её, поставил на камень. Фрейдис прижалась к его груди, и на какое-то время всё прочее перестало существовать. Он был дома. Живой. И Хельги, и Видга. И ни на ком из них не было ран.

Счастье!

Каждого морехода ждали широкие объятия друзей и родни. Гуннар и Гудрёд Олавссоны от души хохотали, разглядывая смуглолицую Унн. Та пряталась за Сигурда, перепуганная не на шутку. Видга спустился на берег среди первых и тут же вlepил подзатыльник чумазому сыну рабыни, подвернувшемуся под ноги.

Когда с корабля сошёл Хельги, Фрейдис поспешила навстречу.

– Кто это? – спросила она с удивлением, заметив Звениславку. Та смирно шла рядом с Виглафссоном – этот викинг редко позволял ей отходить далеко.

Хельги сказал:

– Я зову её Ас-стейнн-ки, потому что она из Гардарики. Она красива и нравится мне.

– У неё умные глаза, – похвалила мать. – Думается, не ошибусь, если скажу, что она из хорошего рода. Славная рабыня будет во дворе...

Хельги так и встрепенулся, но тут вмешался Халльgrim. Он сказал:

– Мне всё равно, мать, но ты знай, что ему больше нравится, когда мы называем её гостьей.

6

Первая забота – о корабле!

Разгрузив драккар, мореходы опустили на нём мачту, сняли носового дракона. А потом дружным усилием вытащили его на берег и повели к сараю, подкладывая под киль круглые деревянные катки. Понадобится куда-нибудь ехать, и его с той же лёгкостью спустят обратно, и он снова полетит над водой, украшенный расписными щитами и похожий на пёстрого змея. Но когда викинги дома, корабль отдыхает на берегу, укрытый и от сырости, и от солнечного зноя. Иначе он может отяжелеть от впитавшейся в дерево воды. Или, наоборот, растрескаться, высохнув слишком быстро...

Немного позже Олав и четверо его сыновей осмотрят дубовое днище. Корабль – что человек, ему нужны ласковые слова и заботливые руки. Отец и братья заменят подгнившие деревянные гвозди, заново просмолят шерстяные шнуры между досками обшивки. Да мало ли какие дела найдутся возле судна для хорошего кормщика!

Будет штормовая ночь в море – и корабль сполна отплатит за заботу.

В Сэхейме праздновали счастливое окончание похода.

Халльgrim слыл удачливым викингом, и его двор называли богатым. Был здесь дом со многими дверьми, разделённый внутри на покои – для тех из сотни его воинов, которые пожелали завести семью. Был и женский дом, где жёны и девушки коротали время за пряжей и шитьем, а в зимнюю пору вечерами напролёт играли малые дети. В третьем доме обитали рабы-трэли и рабыни.

И наконец, стояло во дворе ещё одно жилище, куда женщины заглядывали редко. Крышу его венчали громадные оленьи рога, а по стенам висело оружие и раскрашенные боевые щиты. Это был дружинный дом, и очаг под насквозь прокопчёнными стропилами горел для одних только мужчин.

Здесь жили и Халльgrim, и Хельги, и Видга, и Олав с сыновьями, и ещё многие, у кого не было жён. Здесь устраивали хустинг – домашний сход. А ещё этот дом предназначался для пиров.

В такие дни здесь делалось многолюдно. Вносили столы, и на деревянных блюдах шипела и пузырилась оленина. Звучали громкие голоса, лилось хмельное пиво. Длинный дом был велик, места за столами хватало для всех. Даже для рабов.

На празднике Хельги ел очень мало и почти не дотрагивался до хмельного. Глаза его были обращены на огонь, суровое лицо оставалось бесстрастным. Зато Халльgrim – тот веселился от всей души. Хмель с трудом его брал.

Огонь в очаге задорно шипел, когда дождь, молотивший по крыше, врывается в раскрытый дымогон. Пировавшие передавали друг другу арфу – пять звонких струн, натянутых на упругое древко. Участники похода по очереди брали арфу в руки, и каждый говорил что-нибудь о ярости подводного великана Эгира, о морской глубине, в которой его жена Ран раскидывала свои сети, чтобы выловить утонувших. И конечно, о победе над саксами.

Была пожива
кукушкам валькирий,
когда скользящий

Слейпнир мачты
дорогою Ракни
врага настигнул...

Сигурд сын Олава угощал свою Унн козьим сыром мясост – любимым лакомством, которое одинаково к месту и в походе, и на пиру. Унн дичилась множества незнакомых людей и всё норовила спрятать лицо. Когда арфа добралась до Сигурда, Сигурд сказал:

На карачках ползли
под скамьи раненые,
когда могучий
шагал вдоль борта
с гадюкой шлемов!

Славен совершающий подвиги, но трижды славен, кто умеет складно поведать о своих делах. Впрочем, вдохновенного скальда, слагателя песен, между ними не было. Что поделывать, довольствовались висами, короткими стихотворениями к случаю, которые мог сочинить любой...

Когда дождь поутих, во дворе загорелись костры. Кто хотел, остался в доме лакомиться пивом, другие высыпали наружу – плясать.

Плясать здесь умели и любили. Звениславка слышала топот, доносившийся со двора, смех и азартные крики, которыми подбадривали состязавшихся танцоров. Переплясать соперника было не менее почётно, чем одолеть его на мечях или в беге на лыжах...

Хельги из дому не пошёл, и Звениславка осталась при нём.

Веселье продолжалось долго. Но потом стали понемногу укладываться спать. Хельги подозвал к себе старуху горбунью и сказал ей несколько слов. Служанка тут же взяла Звениславку за руку и повела её через двор:

– Пойдём, Ас-стейнн-ки. Я тебе постелю. Он сказал, что ты ляжешь у нас.

В женском доме у каждой было своё спальное место на широких лавках вдоль стен. Только Фрейдис, хозяйка, помещалась в отдельном покое – вместе с горбуньей. Звениславка свернулась калачиком под пушистым одеялом из волчьего меха, за резной скамьёвой доской. Закрыла глаза, и показалось, будто дом покачивался вместе с лавкой, как палуба длинного корабля, и этот корабль нёс её далеко, далеко...

Ей приснилась родня. Отец и мать сидели в повалуше, возле каменной печи, и мать тихонько плакала, уткнувшись в его плечо, а отец хмуро теребил рыжие усы и гладил её руки, как всегда, когда видел слезы жены. Звениславка так и рванулась к ним – утешить, сказать, что она жива, что её спасли, что она непременно вернётся... вздрогнула во сне и поняла, что они говорили по-урмански.

Она открыла глаза, расширяя в темноте зрачки. Дверь наружу была распахнута. За дверью виднелось по-весеннему розовое ночное небо и рдели угли прогоревших костров. А на пороге, прислонившись к косяку, стоял Халльгрим. С ним была женщина... Блеснуло серебряное запястье, и Звениславка узнала Фрейдис.

– Что плакать, мать, – сказал Халльгрим негромко. – Судьба есть судьба, её не переспоришь. И я не мог поступить так, как он просил.

– Я всегда боюсь за тебя, а за него ещё больше, – ответила Фрейдис. – Он же беспомощен. И ты никогда не отказываешь ему, когда он хочет идти с тобой в море.

Халльгрим немного помолчал, потом проговорил:

– Ты бы его видела, когда он грёб.

– А во время боя, Халли?

Халльгрим ничего не ответил, только вздохнул. Таким его Звениславка ещё не видала. Фрейдис взяла его за руку:

– Эта девочка, которую он привёз... Как её звать?

– Ас-стейнн-ки.

– Ас-стейнн-ки... Красивое имя. Хельги редко разлучается с ней. Скажи, говорил ли он с ней о любви?

Братья не держали друг от друга секретов.

– Говорить-то говорил, да толку никакого, – сказал Халльгрим с неодобрением. – Хельги хватило того, что у девчонки оказался жених дома, в Гардарики, и она ещё не успела его позабыть. Я ему сказал, что не так следовало бы с ней поступить, раз уж она ему приглянулась, да он меня не послушал. Ты же знаешь, какой он упрямый. Навряд ли он стал таким жалостливым, наверное, просто хочет, чтобы она сама подошла завязать ему тесёмки на рукавах...

На памяти Звениславки это была его самая длинная речь. Она съёжилась ещё больше, ей стало холодно под теплым меховым одеялом. А Халльгрим подумал и добавил ещё:

– Хельги верит даже этим её сказкам, будто к ней там сватался отчаянный конунг. Его послушать, Ас-стейнн-ки ни за что не стала бы обнимать какого-нибудь пастуха. Я так всыпал бы ей как следует за то, что наш Хельги ей недостаточно хорош. А он вместо этого говорит, будто утрата Гуннхильд больше не кажется ему такой уж потерей!

Фрейдис выслушала его и долго не произносила ни слова. Но потом Звениславка услышала:

– Думается мне, не к добру эта встреча, потому что он её полюбил.

Сказав так, она двинулась в дом. Звениславка замерла под одеялом, боясь, что дыхание её выдаст. Но Фрейдис и Халльгрим прошли мимо, не остановившись. Халльгрим проводил мать в её покой, подождал, пока ляжет, и ушёл, ступая бесшумно.

Звениславка ещё долго лежала с открытыми глазами, глядя на сходящиеся вверху стропила и не замечая колебавшихся теней, которыми ночь заселила внутренность дома...

Неужто пошагают мимо лето за летом – или зима за зимой, как считали здесь, – и каждая новая весна будет встречать её на этом каменном берегу? И придёт день, когда она свяжет свою косу в узел немилостивого замужества, и дочери с сыновьями будут носить по два имени сразу – одно словенское, другое урманское, как это бывает всегда, когда отец и мать из разных племён... И будут болтать по-урмански, а словенский язык станет для них чужим, потому что на нём не с кем будет говорить?

Слёзы бежали по щекам, впитываясь в мягкий мех. Звениславка даже не всхлипывала – боялась потревожить спавших рядом.

7

Видгу называли хорнунгом. Это значило, что женщина, давшая ему жизнь, была свободной, но мунд – свадебный выкуп родне – за неё не платили. Халльгрим хёвдинг никогда не имел законной жены. И долгих девять зим даже не подозревал, что где-то на юге, на острове Сольскей, где хозяйская дочь мимолётно подарила ему свою любовь, у него подрастал маленький сын...

Но на девятое лето родичи матери купили Видге место на торговом корабле, шедшем в Халогаланд. И отправили мальчишку на север. К отцу. Мать его готовилась к своему свадебному пиру: сын, незаконный и нелюбимый, её совсем не радовал.

Раб, посланный с Видгой, по дороге сбежал. До мальчишки-хорнунга ему дела не было. Видга про себя поклялся, что когда-нибудь разыщет его и убьёт – ибо не бывает злодеяний хуже предательства.

Но сначала следовало поглядеть на отца!

В Морской Дом сын хёвдинга добирался долго. И дошёл туда голодный, оборванный и одинокий. Но всё-таки дошёл. Потому что уж если кто родился не трусом – это проявляется скоро!

Землю калили жестокие холода, и в небесах дрожали ночные радуги. Торсфиордцы справляли Йоль – праздник середины зимы, после которого дни начинают прибавляться. Браги для праздника было наварено по обычаю, которым редко пренебрегали, – сто сорок горшков. Воины лили эту брагу в очаг и давали обеты, о которых сожалели, протрезвев. Ссорились, раздавали затрешины из-за пустяков – и мирились, прощая друг другу такое, за что в иное время вызвали бы на поединок-хольмганг... Йоль – это Йоль. Творилось разное, но Видга был тем не менее замечен.

Как не заметить маленького незнакомца, который тут же разодрался с большинством ребятни и почти всех отколотил!

Дошло до того, что Халльгрим пожелал посмотреть на мальчика сам. Сказано – сделано... Бьёрн Олавссон за ухо притащил его в дом.

– Ты откуда такой храбрый? – спросил Халльгрим весело. Мальчишка понравился ему сразу.

– Я с Бергторова Двора на Сольской в Нордмёре, – отвечал Видга угрюмо. – Я туда не вернусь.

Не много любви оставил он на острове Сольской.

Халльгрим сидел на хозяйском месте, между резными столбами с лицами Богов – покровителей рода, в котором был старшим. Он спросил:

– Кто твой отец?

Тут Видга выпрямился, хотя Бьёрн всё ещё держал его за ухо.

– Мой отец, – сказал он гордо, – Халльгрим вождь сын Виглафа Ворона из Сэхейма, что в Торсфиорде. И если не врут, что это где-то здесь поблизости, он никому не даст меня отсюда прогнать!

Халльгрим сперва опешил не меньше любого из слышавших этот ответ. Но потом захотел так, что пиво пролилось из рога ему на колени. Он, конечно, не мог сразу припомнить, кого ему случилось целовать столько зим назад.

Бьёрн же сказал:

– А ты знаешь, что наш хёвдинг велит с тобой сделать за такие слова?

Он больно дёрнул ухо, и Видга огрызнулся:

– Со мной – не знаю, но вот тебе он точно голову вобьёт в плечи за то, что ты так со мной поступаешь!

Это снова развеселило народ. Не засмеялась одна только госпожа Фрейдис... Мальчишка приглянулся и ей. Как знать, удастся ли ещё один такой, если Халльгрим возьмёт себе законную жену? Отчего бы действительно не назвать его внуком?

– А поди-ка сюда, – велел хёвдинг, когда хохот наконец утих. – Сын, говоришь?

Видга бестрепетно приблизился к хозяйскому месту. Нет, он не обманывал. Достаточно было посмотреть один раз, чтобы признать и дух, и живую кровь Виглафссона.

– Я всё время ждал, чтобы ты приехал за мной, – сказал Видга укоризненно. – На боевом корабле! Почему ты так долго не приезжал?

О своей прежней жизни Видга рассказывал без утайки – и в том числе о приезжавших к матери сватах. Ни ему, ни Халльгриму в Бергторовом Дворе делать было больше нечего. И всё-таки сын Ворона посетил однажды остров Сольской, что на юге, у берегов Северного Мёра.

Он явился туда с братом Хельги и с Видгой. И когда на корабле бросили якорь и Халльгрим огляделся, места и впрямь показались ему знакомыми.

Жители Бергторова Двора сперва попрытались кто куда. Случись викингам устроить набег, оборонить своё добро они не надеялись. Но Халльгрим велел вытащить и поднять повыше на мачту мирный знак – круглый щит, выкрашенный белым. Тогда люди вышли на берег. И рассказали ему, что Бергтор сын Льота Лосося не жил больше на своём острове.

– Он уехал в Исландию со всеми своими людьми, потому что не поладил с Хальвданом конунгом. Да, и вместе с дочерью, и с мужем, и его родней... Разве ты не слышал о Хальвдане конунге сыне Гудрёда Охотника из Вестфольда?

Халльгрим, конечно, в Исландию не поехал. Но на Сольской он провёл несколько дней, и жители хорошо принимали его людей. Хотя и побаивались, не прогневаются ли вестфольдский конунг, недруг всех викингов, не признающих его власти.

И случилось так, что в один из этих дней буря загнала в ту же бухту у Бергторова Двора ещё один корабль.

Этот корабль тоже был длинным боевым драккаром, полным отчаянных молодцов. И вождь пришлецов, несмотря на жару, сменившую шторм, кутался в мохнатую куртку. Куртка была умело скроена из волчьей шкуры: разинутая пасть обрамляла лицо, лапы служили рукавами, а со спины свисал хвост.

Звали его Соти.

– Соти – великий берсерк, одержимый в бою, – сказал один из его людей, которого торсфиордцы угостили пивом. – Я сам видел, как он вращал глазами и кусал свой щит. Ему не бывает равных в сражении, и он щедр с нами на золото и на еду. А ещё он умеет превращаться в волка, и поэтому мы называем его – Соти Волк...

– А моего отца называли Вороном, – сказал на это Хельги. – Но когда он хотел кого-нибудь напугать, ему не требовалось колдовства. Так что если твой Соти придёт сюда на четвереньках и завоет, то про меня никто не скажет, что я побоялся дёрнуть его за хвост...

Хельги в ту пору видел девятнадцать зим, и Халльгрим уже мало надеялся, что яростный нрав брата когда-нибудь сменится благоразумием. Вот и в тот раз случилось то, что должно было случиться: Соти вызвал сына Ворона встретиться с ним на маленьком острове. Это называлось хольмгангом – походом на остров. Из двоих участников такого похода обычно возвращается один.

Удобное место сыскалось поблизости от острова Сольской. И на другой день обе дружины молча смотрели с кораблей на поединщиков, готовившихся к бою.

– Сними куртку, Соти, – улыбнулся противнику младший Виглафссон. – Я не хочу, чтобы она была измазана твоей кровью. Она мне пригодится.

– Не пригодится, – прорычал в ответ Соти Волк, и на губах у него выступила пена. Был ли он действительно оборотнем, в этом трудно было бы поклясться даже его людям. Но вот берсерком его называли явно не зря. – И хватит болтать языком. Этот островок заливают во время прилива...

У обоих были боевые топоры, широкие, с лезвиями-полумесяцами – страшное оружие в умелых руках. Горе прозевавшему один-единственный удар. Второго не понадобится. Неудачника не спасёт ни окованный щит, ни шлем с наглазниками, ни железные пластинки, нашитые на толстую кожаную броню... Ни даже кольчуга, купленная на торгу за звонкое серебро!

Они долго кружились, подобно танцорам, сошедшимся в грозной медлительной пляске.

Соти ждал удобного момента, чтобы ударить.

Хельги ждал, когда Соти надоест ждать.

Нет противника страшнее, чем берсерк, но боевое бешенство лишает его терпения и осторожности. Люди увидели, как Соти вдруг отшвырнул свой щит и ринулся вперед, взревев, точно потревоженный в берлоге медведь. Его секира взмыла над головой, занесённая

обеими руками. Может быть, он уже предвкушал, как станет хвастаться победой и рассказывать, что соперника унесли рассечённого пополам.

Хельги легко ушёл от удара, и остальное свершилось стремительно. Земля выскочила у Соти из-под ног. И он рухнул во весь рост, выронив топор...

С его драккара послышался слитный яростный крик. Хельги невозмутимо подобрал чужое оружие, стащил с поверженного волчью куртку и без большой спешки пошёл к чёрному кораблю, стоявшему у мели.

Халльгрим смотрел на него с осуждением. Младший брат не потрудился хотя бы завалить убитого камнями, и это было недостойно. Но когда люди Волка подбежали к своему предводителю, все увидели, что рыть могилу было ещё рано. Соти молча корчился на мокрых камнях, сжимая огромными ладонями своё левое бедро. Крови не было. Хельги ударил его обухом, а не остриём.

– Почему ты его не убил? – спросил Халльгрим, когда понял, что произошло.

Хельги ответил весело:

– Можешь, если хочешь, пойти сделать это за меня. Я, помнится, обещал не рубить ему голову, а только дёрнуть за хвост. К тому же мне действительно понравилась его куртка, было бы жалко её пачкать...

А немного позже, когда открытое море уже всюю раскачивало шедший под парусом корабль, премудрый Олав кормщик сказал так:

– Иногда для того, чтобы пощадить врага, надо больше смелости, чем для того, чтобы его убить.

И многие решили, что он был прав. Как бы то ни было, волчью куртку Хельги со временем стал считать счастливой. Ему непременно везло, когда он её надевал.

А Видга – тот чувствовал себя отомщённым. Ведь Хельги победил на поединке в тех самых местах, где ему пришлось вытерпеть столько обид. И кому какое дело, что Соти был чужаком тем и другим!

Это случилось за три зимы до того, как Хельги суждено было ослепнуть. Но Богини Судьбы неразговорчивы и не открывают своих тайн прежде времени. И потому веселье царило под парусом корабля, шедшего в Торсфиорд...

8

За синими реками, за дремучими лесами – как же далека была она теперь, родная земля!

Родная земля – милая, ласковая. Там пушистым мехом ложилась под ноги тёплая мурава – не наколешься, хоть день-деньской бегай по ней босиком. А у речки встречал жёлтый песок, то прохладный и влажный, то жаркий, разогретый щедрым полуденным солнцем... Хватало, конечно, и камней: не зря же прозывался город Кременец. Но даже эти камни, казалось теперь, были не так черны, не так жёстки, не так неприветливы.

Дома всякое новое утро рождалось с улыбкой на устах – чтобы проплыть над землей погожим летним деньком, а потом ненадолго угаснуть, тихо вызолотив полнеба...

Ибо это была родная земля.

Но даже если моросящий дождь ткал свою хмурую пелену, и плывущие тучи цепляли висячими космами макушки деревьев, и где-то выше туч раскалывал небеса воинственный гром, – всё равно не было на свете ничего милей и прекрасней.

Ибо это была родная земля...

Звениславка летала туда каждую ночь во сне. Полетела бы и наяву, если бы умела обернуться птицей. Ведуны, принимая чужое обличье, ударялись, сказывали, оземь... и попробовать бы, да не поможет, не одарит крыльями чужая земля.

В Халогаланде властвовал камень.

Тяжёлые чёрные утесы нависали над фиордом, и весной первоцветы возникали словно бы прямо из скалы. Быстрые ручьи срывались с отвесной крутизны и падали навстречу солёной морской воде, шумно и звонко разлетаясь тысячами брызг.

Наверх вели тропинки, проложенные людьми и скотом. Доблестен тот, у кого хватит дыхания без остановок взобраться наверх. Зимой выпадали обильные снега, и молодые парни, состязаясь друг с другом в ловкости и отваге, носились по этим кручам на лыжах. Держали при этом в руках чаши с водой. И осмеивали того, кто проливал.

Наверху, над фиордом, лежало горное пастбище – сетер. Туда отгоняли коров, когда они стравливали нижние луга. Горное пастбище было альменнингом – им сообща владел весь фиорд. Плохо придётся хозяину, который вздумает выгородить себе кусок лужайки. Или просто прогнать соседских коров, сберегая лакомую траву для своих!

Так гласил закон тинга – здешняя Правда.

А ещё над береговыми утёсами стеной стояли леса – зелёный плащ на каменных плечах гор... Еловые чащобы и целые дружины серо-розовых сосен, где, наверное, в несметном количестве родились боровики.

В лесу собирали ягоды и били дичь. Лес давал дерево на постройку кораблей и домов. И лес тоже называли альменнингом.

А ещё выше обнажённый камень сбрасывал с себя последние покровы зелени и устремлялся к небу сияющими пиками неприступных вершин... Иные горы обрывались отвесными стенами прямо в фиорд. Высоко-высоко над Сэхеймом даже летом сверкали белые снежники и цвели, говорили, невиданной красоты цветы.

Все эти горы были когда-то чудовищным полчищем великанов, воздвигавших рать против Богов. Но молот-молния по пояс вколотил их в землю, обратил в мертвые камни. Теперь великаны медленно распрямляли гранитные колени: Звениславка видела высоко на утёсе кольцо для лодки, находившееся когда-то у самой воды...

Когда великаны поднимутся, наступит день последней битвы, и мир рухнет.

Но это будет не скоро.

«...А вече здесь называется – тинг. И во всяком племени вече своё и Правда тоже своя...»

Острый кончик ножа царапал скрипучую бересту, вдавливая в неё буквы.

– Зачем тебе береста, Ас-стейнн-ки? – спросил её вчера мальчик по имени Скегги. – Если тебе нужен короб для ягод, так я сплету.

Впрочем, он без труда понял, что на бересте она собиралась писать своими гардскими рунами обо всем необычном, попадавшемся ей на глаза.

– А потом ты будешь колдовать над рунами, да?

Нет, ворожить она не умела... Просто ещё дома привыкла, чуть что, хвататься за берестяной лист и бронзовое писало. И потихоньку пристраивать буковку к буковке, рассказывая о дивном... О неслыханной щуке, едва не утачившей в прорубь двоих рыбаков, об огненном шаре, спустившемся из громовой тучи, и просто о том, что сено уже высохло и его сметали в стога. И даже молодой князь Чурила Мстиславич, что незло посмеивался над её старанием, сам же приходил узнать: а не позже ли прошлогоднего заревели нынче туры в лесу?

– Ну так давай я схожу к кузнецу, – сказал Скегги. – Он и сделает острую палочку, которая тебе нужна!

Скегги был тюборинном – сыном свободного и рабыни. Его отец, викинг по имени Орм, погиб на корабле Виглафа Ворона, не узнав о рождении наследника. Халльгрим хёвдинг сам дал мальчишке свободу, но некому было назвать его родичем и сделать полноправным согласно закону... У отважного Орма нигде не было близких.

Правду сказать, немногие стали бы гордиться сыном наподобие Скегги. Тюборинн уродился слабым и хилым – наверное, в мать; недаром она, подарив ему жизнь, сама так и не

встала. Не было такого сверстника во дворе, который не мог бы запросто его поколотить. К тому же Скегги был кудряв и темноволос – то есть очень некрасив.

Чего ещё ждать от сына рабыни!

Конечно, бывает и так, что сыновья рабынь и даже настоящие трэли оказываются на поверку храбрее и разумнее, чем иные свободные. Такие рано или поздно садятся среди достойных мужей, как равные. Однако Скегги навряд ли этого дожждётся. Скегги уже видел свою двенадцатую зиму, но кому придёт на ум подарить заморышу меч и назвать его мужчиной?

Может быть, оттого он и привязался к Звениславке, что чувствовал: ей было в Сэхейме ещё неуютнее, чем ему. И значит, был всё же кто-то, рядом с кем Скегги выглядел могущественным и сильным. Когда из моря поднимется змей и нападет на Ас-стейнн-ки, все увидят, что у Орма подрастает сын, а не дочь.

Скегги вечно поручали самую грязную работу, за которую не брался никто, кроме рабов. Скегги разбрасывал навоз, выносил из очагов золу, песком отдирали от днищ котлов сажу и жир.

Вот и в тот раз он тащил к берегу закопчённый котёл из-под пива... Звениславка тут же подхватила котёл за второе ушко – дай помощи! – и они понесли громоздкую посудину вдвоём.

– Ты бы не пачкалась, Ас-стейнн-ки, – попросил Скегги, когда они пришли. – Ты посиди лучше, а я тебе что-нибудь расскажу!

Звениславка опустила на камень – пришлось уступить, ибо Скегги рассказывал как никто другой.

Он набрал в горсть крупного морского песка и принялся за работу.

– Хочешь, я тебе расскажу про одноглазого Одина и о том, где он оставил свой глаз?

Конечно, она хотела. И очень скоро перед нею предстал седобородый Отец Богов, с копьём в руке идущий к подножию Мирового Древа. А древо это зовётся Иггдрасиль, и вся вселенная выстроена вокруг него в точности так, как когда-то строились в лесах жилые дома... И рассказов об этом Древе столько, что всё и не перечесать!

Так вот, из-под трех корней ясеня Иггдрасиля бьёт источник, дарующий мудрость. Но просто так из него не зачерпнёшь. Потому что волшебный родник караулят три норны, распоряджающиеся судьбой. И так велико их могущество, что даже с самого Одина потребовали они плату. Не большую и не маленькую – велели Всеотцу отдать им один глаз. А с Богинями Судьбы не с руки спорить даже покровителю павших...

Увлёкшись, Скегги не сразу расслышал размеренный плеск вёсел. По фиорду шла лодка. Длинная, вытянутая лодка с высоким носом, как у настоящего боевого корабля, только, в отличие от драккара, с уключинами, сделанными из древесных сучков.

Это Видга возвращался с рыбалки. Видга был доволен. На дне его лодки лежало несколько порядочных зубаток; их выпотрошат и разделают, и мякоть будет изжарена, а желчь пригодится для стирки. Сын хёвдинга подвел лодку к берегу и несколькими сильными взмахами вёсел выкатил её на песок.

В иное время Скегги благоразумно убрался бы прочь. Но он сидел к Видге спиной и рассказывал Ас-стейнн-ки о Боге войны. Видга не торопясь сматал снасти, взвалил на плечо улов и зашагал к дому. Без особого зла, походя, он наподдал ногой котёл – грязный песок полетел Скегги в лицо...

Даже трэль, если жива его гордость, подобного не проглотит, и никто не осудит его за то, что сцепился со свободным. Малыш вскочил как ужаленный. Тонкие руки сжались в кулаки. Он выкрикнул Видге в спину:

Клён доспехов, схожий

с тонкой елью злата!
Храбрый враг сокровищ,
удачи лишённый!
Скальд, рождённый Ормом,
обида не спустит!

Голос его сорвался. Звениславка не поняла, что он сказал. Только отдельные слова. Но эти слова не складывались для неё в целое.

Ей ещё предстояло разобраться в искусстве иносказаний, в великом искусстве слагать то хвалебные, то язвительные стихи, которым маленький Скегги владел не по возрасту. Ибо вот как примерно звучала бы его речь по-словенски: «Девка, одевшаяся по-мужски! Утри-ка сопли и впредь думай хорошенько, прежде чем замахиваться на сына героя!»

Каждое слово было достаточно ядовито само по себе. А уж все вместе, превращённые хитроумным Скегги в хулительное стихотворение – нид, они приобретали силу затрешины.

Видга положил рыбу наземь и по-прежнему не торопясь двинулся назад. Какое-то время Скегги ещё стоял со стиснутыми кулаками, гордо подняв голову. Но у Видги явно была на уме кровь, и Скегги не выдержал – побежал.

Бегать от Видги было бесполезно. Как и сопротивляться. Видга был воином. Он мгновенно прижал Скегги к земле и выкрутил ему руку.

– А теперь скажи мне что-нибудь более достойное, Скегги Скальд, если хочешь выкупить свою чумазую голову. Да побыстрей, пока я не привязал тебе камня на шею.

Скегги извивался от боли и унижения, но молчал. Из разбитого носа текла кровь. Видгу он не успел даже царапнуть. Видга сказал:

– Пожалуй, я обойдусь и без камня...

Оторопевшая было Звениславка подлетела к мальчишкам и рванула Видгу за плечо:

– Ты ведь бьёшь его потому, что он слабее тебя!

Видга поднял голову и усмехнулся:

– Этот трусишка никогда не возьмёт в руки меча. Если бы он родился в голодный год, его велели бы вынести в лес. Это не воин, а лишний рот за столом!

Скегги рванулся и заплакал.

Звениславка проговорила раздельно, зная, что приобретет врага:

– Я думаю, это хорошо, что Хельги – брат твоего отца, а не твой. Ты уж точно приказал бы отвести его в лес...

Худшую пощечину трудно было придумать. Сперва Видга перестал даже дышать. Что учинить над ней за эти слова, убить?

Но нет. Внук Ворона не стал марать кулаков о такое ничтожество, как гардская девчонка. Он только сказал:

– Немалая неудача для меня в том, что Хельги велел называть тебя гостьей.

Он взял Скегги за шиворот и, подняв с земли, пинком отшвырнул его прочь.

– Что ты ему сказал такого обидного? – спросила Звениславка у Скегги, когда Видга ушёл. – Я же ничего не поняла!

Скегги, всё ещё хлюпавший носом, неожиданно приободрился при этих словах. Они как будто напомнили ему о чём-то способном утешить его в самой лютой тоске. О таком, что он не променял бы даже на место за столом подле вождя!

– Все они здесь называют меня скальдом, – ответил он гордо. – Я попробовал мёда!

Было так.

Давным-давно задумал одноглазый Один похитить волшебный мёд... Тот мёд, что придаёт вещую силу вдохновенным словам песнотворца, превращая их то в целительное, то в смертоносное зелье. А хранило его могучее племя злых исполинов. Но перехитрил Всеотец

молодую великаншу, приставленную стеречь бесценные котлы. Удалось ему не удававшееся никому. Завладел Один мёдом, обратился орлом и во весь дух помчался домой, в Асгард, в Обитель Богов! Да только и отец великанши превратил себя в когтистую птицу, пустился вдогон.

Долго летел Один то над морем, то над горами. Уходил от погони и не мог схватиться с преследователем, потому что нёс мёд за щекой.

А когда наконец примчался домой, то первым делом выплюнул мёд в подставленный Богами сосуд. И кажется людям, что капелька того мёда досталась каждому, кого охотно слушаются слова. Но рассказывают ещё, будто часть своей ноши Один всё-таки проглотил. И разметал её по земле вместе с орлиным помётом! И вот эта-то доля мёда досталась всем бездарным поэтам, всякому, кто именует себя скальдом, но никак не может им стать!

9

Был у двоих Виглафссонов ещё и третий брат – Эрлинг.

Его жилище стояло на другом берегу фиорда, как раз между Сэхеймом и двором Рунольва Скальда. Люди не дали никакого имени этому дому. Может быть, оттого, что Эрлинг не держал дружины и не ходил в морские походы. Не было у него и боевого корабля. Для рыбной ловли и торговых поездок ему служила крепкая лодья с крутыми боками и вместительным трюмом – кнарр. А ещё Эрлинг носил прозвище: Приёмыш.

Было так...

Зима, когда родился Хельги, выдалась голодная. Настолько голодная, что многим пришлось вспомнить о страшном обычае выносить из дому новорожденных, которых не надеялись прокормить... В Сэхейме, правда, до этого не дошло. Но кое-кому приходилось совсем туго. Вот и случилось, что однажды вечером, когда Виглаф Ворон ехал к себе домой, его уха коснулся голодный младенческий плач.

Старый воин, должно быть, хорошо понимал, что означал этот крик. Но кто знает, что шевельнулось в его душе! Виглаф свернул с дороги прямо в лес. Раздвинул еловые лапы, и его конь потянулся к незнакомому, но очень шумному маленькому существу.

– Неплохой день сегодня! – сказал Виглаф. И наклонился поднять малыша. – Думал я, что у меня двое наследников. А удача посылает мне третьего!

Он вырастил мальчишку вместе с Хельги. И никто не говорил, будто отличал его от двоих старших. Братья жили дружно. Когда Эрлингу минуло пятнадцать, настало время ввести его в род согласно закону. Виглафа к тому времени уже не было среди живых. Халльгрим сам скроил для брата священный башмак и поставил пиво для обряда. Хельги, крепко друживший с Эрлингом, больше всех радовался, что приёмный брат стал полноправным.

Разлад между ними случился много позднее... Это ведь к Эрлингу чуть не из-за свадебного стола ушла от Хельги красавица невеста, зеленоокая Гуннхильд. Гордый Хельги так и не простил ни его, ни её. И в тот же год, когда журавли принесли весну и наступили дни переезда, Эрлинг пожелал жить отдельно. И ушёл на другой берег фиорда выгораживать себе кусок одаля – наследственной земли.

Халльгрим тогда подарил ему кнарр. А Хельги даже не пришёл посмотреть, как этот кнарр станут грузить...

Ту историю Звениславка услышала от кузнеца, бородатого Иллуги трэля.

– Я сделаю, что тебе нужно, – сказал старый мастер, когда Скегги объяснил ему про писало. – Но только не из бронзы. Я знал человека, у которого была язва на руке из-за бронзового запястья. И Хельги навряд ли подарит мне золотое кольцо, если ещё и ты испортишь себе руку!

Иллуги вырезал гладкую палочку и насадил на неё тонкое железное остриё. Скегги помогал ему как умел, а Звениславка смотрела на них, сидя на бревне. Хельги сперва запрещал ей работать и тем более водиться с рабами. Но потом передумал и разрешил ей делать всё, что она пожелает. Он-то знал, много ли радости в безделье.

Кузнец отдал Звениславке писало:

– И не надо мне с тебя никакой платы, Ас-стейнн-ки. Потому что Хельги однажды выручил моего сына, и я этого не позабуду до огня и костра. И неплохо было бы, если бы ты стала поласковой на него смотреть. Или наколдовала своими рунами, чтобы он прозрел!

В середине лета в Сэхейм пришла весть о том, что Гуннхильд в третий раз подарила Эрлингу сына.

– Надо бы провести их, – сказал Халльгрим хёвдинг. – Уж, верно, у тебя, мать, сыщется для Гуннхильд добрый подарок!

Он знал, что говорил: умельцев в его дворе было хоть отбавляй. Плох тот, кто не умеет держать в руках ничего, кроме меча. В Сэхейме пряли, ткали, вязали и шили, лепили глиняную посуду, резали деревянные ложки и костяные гребни. Тот же Иллуги мастер ковал не только боевые ножи, но и серебряные застёжки, которых не постеснялась бы самая знатная жена. Серебро приезжало в Торсфиорд на драккаре, потому что купцы неплохо ценили песцовые и оленьи меха из Северных стран. За блестящие шкурки торговый люд отдавал когда зерно, когда рабов, когда звонкое серебро. Халейгов ждали на каждом торгу. Тогда Халльгрим завязывал ножны ремешком и превращался в купца.

Но белый щит, подвешенный на мачте в знак мира, легко менялся на красный – боевой. Потому что корабль сына Ворона был боевым кораблём...

Так или иначе, его люди не бедствовали. И всякий, кто хотел порадовать подругу замысловатым колечком или украсить бляхой свой поясной ремень, шёл к Иллути трэлю. Ведь даже серебро останется безжизненным и тусклым, покуда не побывает в умелых руках.

Звениславка любила ходить в кузницу и смотреть, как работал старый умелец. Здесь можно было подержать в руках монеты, которые ему приносили, – целые и рубленные. Арабские дирхемы – тонкие белые листья с кружевными прожилками письмён. Английские, саксонские, франкские деньги с латинскими буквицами, пузатыми кораблями, крестами, усами лицами давно умерших королей... В иных уже были просверлены дырочки: кто-то пришивал их на одежду. На других проглядывали выцарапанные руны. Кто-то надписывал своё имя или призывал к себе милость могущественных Богов.

Дирхемы попадали на северные торги через земли болгар и славян. В тех странах, как и на Севере, своих монет не чеканили – серебро рубили, оно шло на вес. Звениславка подолгу разглядывала половинки дирхемов и гадала о том, где они могли побывать, прежде чем попасть в Торсфиорд.

В пламени кузнечного горна оплывали надменные профили королей, растворялась повелительная латынь и премудрая восточная вязь. Потом Иллуги придавал слитку нужную форму. Появлялся кружочек с ушком – подвешивать на цепочку или шнурок. Или овальная скорлупка с острой булавкой, спрятанной внутри: застёжка-фибула для женского платья. Или спиральный браслет-змея вроде тех, что носил сам вождь. Формочек для литья у Иллуги было не перечислить, и он не уставал придумывать новые.

Он отделявал украшения мельчайшей зернью, растирал и смешивал цветную эмаль. А то брал в руки резец, и тогда на гладком серебре рождался удивительный зверь. Этот зверь застыл в немыслимом прыжке, извивался, вытягивал когтистые лапы, разевал страшную пасть...

Иногда же под резцом возникали лица людей. Гордые, мужественные, готовые достойно встретить любой вызов. Люди узнавали в этих лицах свои собственные черты.

Они хорошо платили Иллуги трэлю. Старый раб жил богаче многих из тех, кто называл себя свободными. Он давно мог бы выкупиться на волю, но не видел в этом нужды.

– Хельги купил меня в Скирингссале, потому что я ему приглянулся. Но он не смог купить ещё и моего сына, так что тот попал к другому хозяину. Тогда Хельги вышел в море и ограбил корабль, на котором его увозили. Вот так, Ас-стейнн-ки. И пусть погаснет мой горн, а у клещей обломятся ручки, если я когда-нибудь отсюда уйду!

Заморыш Скегги, вертевшийся тут же, приносил Иллуги пиво, подавал молоточки, разыскивал завалившиеся куда-то подпилки. Скегги носил на груди хитро сплетённую серебряную цепь. На цепочке висел оберег – крохотный молот вроде того, каким, сказывали, разил великанов рыжебородый бог Тор. Скегги с гордостью показывал оберег Звениславке. Иллуги трэль сделал этот молоточек для его матери-рабыни, когда Скегги появился на свет. Отец Скегги, храбрый Орм, был на корабле Хельги Виглафссона, когда тот ходил в Скирингссаль...

Госпожа Фрейдис выбрала для невестки подарок: красивое платье с нагрудными пряжками и два золотых кольца. Погода стояла хорошая, и Халльгрим велел спустить на воду лодку. Не было нужды тревожить драккар для того, чтобы переправиться через фиорд.

– Я с ними не поплыву, – сказал Хельги Звениславке. – А ты поезжай, это тебя развлечёт.

Халльгрим сопровождал госпожу Фрейдис с двенадцатью своими людьми. Сигурд сын Олава сидел у руля, Видга сразу устроился на носу: на носу – место храбрейших. Живое поставили мачту и подняли на ней парус, сплетённый из разноцветных полос. Лодка вышла через морские ворота и быстро побежала к другому берегу фиорда.

Эрлинг бонд вышел на берег встречать брата и мать. Он даже внешне отличался от Хельги и Халльгрима, как мирный кнарр от боевого корабля. Те двое были светловолосыми, синеглазыми великанами, Эрлинг – почти на голову меньше и на сурового воина совсем не похож... Он крепко обнял брата, а госпожу Фрейдис расцеловал.

– Пошли в дом! – сказал он весело. – Гуннхильд вас ждёт.

Звениславка пристально разглядывала Гуннхильд... Говорили, будто зеленоокая была разумна настолько же, насколько красива, и в это не верил только Иллуги кузнец: может ли быть умна выбравшая Эрлинга, а не Хельги! Звениславка встретила с нею глазами, и Гуннхильд улыбнулась. Она держала на руках самую большую драгоценность из всех, какие могут достаться женщине: своего маленького сына. Двое старших, Виглаф и Халльгрим, играли подле неё на полу. Оба были темноволосы – в отца. Эрлинг взял у жены малыша и передал его матери.

– Я хочу назвать его Хельги. Но Гуннхильд сказала, как бы брат не обиделся...

Фрейдис подсела к Гуннхильд и сказала, глядя на спящего мальчика:

– Пускай уж лучше это будет Эйрик, по твоему брату.

Фиорд здесь круто изгибался к северу, так что Сэхейм не был виден с Эрлингова двора. Когда возвращавшаяся лодка уже подходила к этому повороту, Сигурд кормщик вдруг насто-рожился и тронул Халльгрима за рукав:

– Халльгрим хёвдинг, ты слышишь?

Сын Ворона прислушался и кивнул:

– Слышу.

Фрейдис повернулась к нему:

– Ты о чем?

Халльгрим ответил коротко:

– Рунольв.

И хорошо знакомым движением поправил на себе пояс с мечом.

В фиорде появился корабль...

Он шёл со стороны моря – длинный боевой корабль с форштевнем, украшенным резной головой не то волка, не то змеи. Хозяин корабля не позаботился снять её, подходя к знакомым берегам. Или, может быть, хотел хорошенько пострадать горных духов, охранявших Сэхейм. Раскрашенные щиты, как чешуя, пестрели вдоль борта, от носа до кормы были наведены яркие полосы. Над кораблём реял парус, тёмно-красный, словно вымоченный в крови.

С драккара неслась песня – нестройный, но радостный рёв нескольких десятков глоток, ороговевших от штормовых ветров. Эту-то песню и услышал Сигурд ещё из-за скал:

С Рунольвом мы
на деревьях моря!
Дева, встречай,
благороднорождённая!
Обнимешь кормильца
гусят валькирий...

Песня стояла того, чтобы её петь. Державший рулевое весло недаром носил своё прозвище: Рунольв Скальд...

Славный народ был у него на корабле. Но предводитель невольно притягивал взгляд. Если бы поставить его рядом с Халльгримом, они оказались бы одного роста. Другое дело, что Рунольв годился ему в отцы. И трудно было представить воина, способного одержать над ним верх. Он стоял как гранитный утёс. И правил драккаром с той небрежностью, которая говорит о величайшем искусстве.

Войлочная шапка плотно сидела на его голове. Из-под шапки торчали тёмно-медные с проседью космы и такая же борода. Если бы не ветер, волосы легли бы ему на спину и укрыли бы её почти до ремня.

Звениславке стало страшно... Халльгрим хёвдинг был и суров и жесток, но даже он ни разу не пугал её так, как этот чужой вождь.

Видга подошёл к Фрейдис и встал рядом с ней, словно готовясь её защищать.

– Халльгрим, – сказала хозяйка Сэхейма. – Халльгрим, поздоровайся с ним...

Сын Ворона поднялся на ноги:

– Здравствуй, Рунольв Раудссон!

Однако было ясно, что навряд ли он сделал бы это без просьбы Фрейдис. И он определённо жалел, что при нём не было его корабля.

– Здравствуй, Халльгрим! – прозвучал с пёстрого корабля голос Рунольва Скальда. Этот голос был похож на морской прибой. – И ты здравствуй, старуха...

Халльгрим свирепо стиснул челюсти и оглянулся на мать. Но Фрейдис не проронила ни звука. Даже не подняла головы. Видга по-прежнему стоял подле неё, держа руку на рукояти меча. Его меч мог разрезать комочек шерсти, подброшенный в воздух.

Ненависть витала над небесной гладью фиорда, и Звениславка чувствовала её тяжкое дыхание на своей щеке. Смертная ненависть, крепко настоящая на старых обидах. И уже похожая на проклятое оружие, которое до того напитано злом, что рано или поздно начинает убивать само по себе.

Но в этот раз грозе не было суждено прогреметь.

Корабль и лодка уже почти разминулись, когда один из людей Рунольва, не в меру развеселившись, столкнул другого в воду. Парню бросили верёвку, но он её не поймал.

– Эйнар! – обернувшись, прогудел Рунольв. – Если хочешь поспеть к выпивке, потопись!

Эйнар приподнялся над водой и крикнул в ответ, хохоча и ругаясь:

– Только смотри не выпей всё без меня!

Сигурд кормщик вопросительно глянул на Халльгрима: будем его подбирать? Халльгрим покачал головой.

Вскоре Эйнар выбрался на берег. Вылил воду из сапог и зашагал к дому – в Торсхов...

10

Госпожа Фрейдис занемогла...

Вот уже несколько дней она не покидала своего покоя. Старуха горбунья, ходившая за хозяйкой, всё реже оставляла её одну. И с каждым разом, появляясь во дворе, выглядела всё озабоченней.

– Это Рунольв испугал госпожу, – сказал Скегги убеждённо. – Она ведь когда-то была его женой... Неужели ты не знала, Ас-стейнн-ки? И про то, как старый Ворон едва его не убил?

Хельги Виглафссон думал иначе.

– Это Эрлинг накликал несчастье. Нечего было ездить туда. Да ещё с подарками!

Звениславка с ним не спорила. Тогдашней ночной разговор Халльгрима с Фрейдис не шёл у неё из ума. Однако рассказывать об этом не годилось. Особенно ему.

Горбунья поила госпожу настоями боярышника и наперстянки, но целительные травы не помогали.

Смуглолицая Унн приготовила какое-то диковинное блюдо и как умела объяснила Сигурду, что у неё дома так кормили больных, которые жаловались на сердце. Фрейдис передала Сигурду вышитый платок для жены. Но еда так и осталась нетронутой.

Скегги взял осколок козьей бедренной кости и вырезал на нём футарк – двадцать четыре волшебные руны, приносящие победу, удачу, здоровье... Малыш долго собирался с духом, но в конце концов принес их Видге.

– Возьми, – сказал он сыну хёвдинга и протянул ему кость. – Положи это госпоже под подушку. И я знаю, что ты меня убьёшь, если ей станет от этого хуже.

Он ждал, чтобы Видга поблагодарил его подзатыльником. Но ошибся. Взяв руны, Видга молча вытащил нож, уколол себе руку и погуще вымазал кровью всю надпись. И так же молча понёс кость Олаву Можжевельнику, чтобы тот посмотрел колдовское лекарство и решил, стоило ли его применять...

Ещё через три дня Фрейдис велела позвать сыновей.

Халльгрим и Хельги вошли присмирившие, словно двое мальчишек... Фрейдис лежала на широкой деревянной кровати, украшенной по углам изображениями свирепых зверей. Множество зим эти оскаленные пасти отгоняли от неё дурные сны. От неё и от Виглафа, пока он был жив. Но, как видно, недуг отогнать не смогли...

Лицо матери показалось Халльгриму постаревшим и очень усталым. Ни дать ни взять справила тяжёлую работу и прилегла отдохнуть. И велика та усталость, всё никак не проходит... Халльгрим сел на край кровати, и Хельги осторожно опустился рядом. Халльгрим взял руку Фрейдис, вздохнул и прижался к ней щекой.

– Ты похож на своего отца, – сказала Фрейдис. – Он приходил ко мне сегодня. Его корабль причаливал к берегу и ушёл перед рассветом, потому что негоже им видеть дневную зарю. Видел ли ты след от кия на песке? Виглаф говорил со мной и радовался, что у него хорошие сыновья... – Она помолчала и добавила: – Скоро он приедет ещё.

Халльгрим слушал её молча. Фрейдис шевельнула бледными пальцами, погладила его усы.

– Я могла бы многое открыть тебе, сынок, я ведь сегодня заглядываю далеко. Я вижу, что ты проживёшь долгую жизнь. Ты не всегда будешь счастлив и умрёшь не на соломе. И два ворона будут следовать за тобой, куда бы ты ни поехал.

– Хорошее предсказание, – проговорил Хельги негромко. – А мне ты что скажешь, мать?

Фрейдис закрыла глаза.

– Ты наверняка хочешь знать, достойной ли будет твоя смерть. Но я вижу впереди только солнечный свет. Он ярок, как отблеск на золоте, и мне больно смотреть. И ещё я вижу, что Ас-стейнн-ки зажжёт его для тебя.

Выйдя во двор, Халльгрим невольно посмотрел в сторону гавани. Прибрежный песок был чист. Он сказал об этом брату, и тот ответил:

– Бывает и так, что человек видит то, что ему хотелось бы видеть.

На другое утро женский дом проснулся от причитаний горбуни...

– Госпожа! – в голос плакала старуха. – Госпожа!

Женщины выбирались из-под одеял, одевались и подкрадывались к двери хозяйского покоя. Никто не смел заглянуть вовнутрь... Звениславка стояла среди других у опрятно завешенной стены и чувствовала, что начинает дрожать.

Потом глухо стукнула дверь со двора. Халльгрим хёвдинг стремительно, не глянув ни вправо, ни влево, прошагал мимо потухшего очага. Рывком распахнул дверь в покой госпожи Фрейдис и вошёл.

Горбуня даже не пошевелилась при виде вождя. Халльгрим долго стоял рядом с ней, молча глядя на мать. Потом опустился на колени и застыл...

Низкое серое небо висело над Торсфиордом. Облака лежали на склонах гор, пряча от глаза каменные вершины. Халльгрим послал Видгу через фиорд – известить Эрлинга. Видга вытащил из сарая свою лодку и бросил в неё вёсла. И когда у лодки оказался Скегги, сын хёвдинга впервые не погнался прочь. Он сказал ему:

– Садись, будешь править.

Столкнули лодку на воду, и плеск вёсел был слышен в повисшей над берегом тишине, пока судёнышко не исчезло за скалами. И снова стало тихо над тёмной водой, похожей на гладкий серый металл. И на берегу, где столбами зелёного пламени высились деревья. И в Морском Доме, оставшемся без хозяйки.

И далеко над морем висело облако, похожее на уходящий корабль.

11

...Если долго-долго идти или ехать на север, туда, куда указывает дышлом созвездие Колесницы, можно достичь границы населённого мира... И говорят, будто на севере эта граница ближе всего. Потому что севернее Норэгр нет больше ни стран, ни городов – только вечные льды. Это всё к югу – и Валланд, и Страна Саксов, и Гардарики, и Серкланд, о котором многие слышали, но почти никто там не бывал. И Блааланд, великая Страна Чёрных Людей. В ней так жарко, что, наверное, именно там обитает огненный великан Сурт. Тот, который однажды спалит своим пламенем весь мир. Но это будет нескоро.

Когда Асы, могучие боги, создавали для людей небо и землю, они взяли веки древнего великана и воздвигли их как ограду, заботливо охватившую весь мир. Вот почему населённые земли называются Мидгард. Это значит – то, что огорожено, Срединный Мир.

За пределами Мидгарда живут иотуны, страшные инеистые великаны. И ещё много всякой нечисти и нежити, от которой не было бы житья людям, если бы не Бог Тор с его молотом.

А ещё где-то там, за границами Мидгарда, за вечными льдами, лежат уже вовсе неведомые берега. Их населяют души, окончившие свой путь по земле. И сами боги садятся там на почётные места, когда наступает время пировать.

Викинг, павший в сражении, поселяется в Вальхалле – дружинном доме у небесного конунга, имя которому Один. Пять сотен и ещё сорок дверей в этом чертоге. Восемьсот воинов входят в каждую из них, чтобы сесть за длинные столы. И не перечесть за тем столом могучих мужей, великих и славных героев!

Но есть и другой берег, и зовётся он – Нифльхель. Поющим потоком окружает его чёрная река Гьёлль, и печальна её песнь. Единственный мост ведёт в сумрачное царство, где правит угрюмая великанша Хель... Там у неё большие селения, и на диво высоки повсюду ограды и крепки решётки. Мокрая Морось зовутся там палаты, Голод – её блюдо, Истощение – её нож, Одр Болезни – её постель. И того, кто предал побратима или произнёс ложную клятву, ждёт дом, целиком сплетённый из живых змей.

Однако говорят, будто у бабки Хель тоже есть высокие и светлые хоромы для достойных гостей. Недаром ведь живёт у неё любимый сын Одина, добрый Бог Бальдр, давно когда-то сражённый ветвью омелы. И с ним превеликое множество славных людей, которым не досталось смерти в бою...

Скоро в этом чертоге будет заполнено ещё одно место. Нынче туда отправляется Фрейдис дочь Асбьёрна, хозяйка Сэхейма...

Когда крутобокий кнарр принёс через фиорд Эрлинга Приёмыша, умершую уже собирали в дорогу. Верная горбунья сама расчесала и связала в тяжёлый узел её волосы, так и не успевшие поседеть. Сама надела на госпожу шерстяное платье и застегнула серебряные фибулы, соединённые цепочкой. Она доверила Халльгриму только одно: крепко завязать на ногах Фрейдис погребальные башмаки, на которых были начертаны знаки её рода. Это должен был сделать мужчина. Старший сын.

Горбунья целовала неподвижные руки Фрейдис и заливалась мутными старческими слезами. Халльгрим не разрешил ей сопровождать госпожу, и некому было утешить старуху. Халльгрим сказал, что незачем всему фиорду видеть и потом молотить языками, будто у супруги Виглафа Хравна не нашлось спутниц получше!

И вот девять юных невольниц взволнованно шептались в углу. Прихорашивались, поправляли друг на друге разноцветные бусы и вышитые налобные повязки. Они поедут вместе с Фрейдис на погребальной повозке через реку Гьёлль. Подстегнут коня, если залезнется. И удержат, если вдруг понесёт. И подадут руки госпоже, когда путь будет окончен и придёт пора ступить на неведомый берег Нифльхель...

Честь великая!

Но девчонки были слишком молоды. Горбунья видела, что девчонки боялись. Девчонки хотели жить. Да разве эти молодые способны хоть что-нибудь понять? Где им, разве они смогут предстать как надо перед владычицей Хель?

Когда сын Ворона в очередной раз пришёл зачем-то в дом, горбунья спросила его с надеждой:

– Халли, не передумал ли ты?

Хёвдинг ответил:

– Нет, не передумал. И не хочу больше об этом слышать!

Умершего редко хоронят сразу. Чаще всего готовят временную могилу. И в ней он остаётся до тех пор, пока не соберётся родня, не будет построен курган, не созреет для поминального пира доброе ячменное пиво... Но у госпожи Фрейдис не было многочисленных родичей, только сыновья. Тогда Халльгрим припомнил, что она говорила ему о корабле отца, и сказал так:

– Не похвалит нас мать, если мы задержим её надолго.

Когда солнце выплыло из-за скал, он повёл мужчин за ворота. К зелёному взгорку над морем, где лежал и дед Асбьёрн, и отец деда Асбьёрна, и ещё полтора десятка предков, о которых в Сэхейме помнили и могли рассказать. Могилы Виглафа Ворона здесь не было:

бездонная морская пучина хранила и его, и его корабль. На берегу стоял только памятный камень с рисунком всадника на восьминогом коне и женщины с приветственным кубком в руке. Никто не видел, как погибли Ворон и его люди. Но ни один не сомневался, что они пали в бою и девы валькирии приняли их на пороге Вальхаллы...

Окованные лопаты дружно вошли в каменистую землю. Даже Хельги не пожелал остаться без дела. И уже к полудню на холме открылась глубокая, вместительная яма. Погоня терпеливых коней, притащили из лесу тяжёлые сосновые брёвна. Внутри ямы стал подниматься сруб. Он послужит последним земным домом для госпожи. Сюда она сможет возвращаться и приглядывать, хорошо ли живёт без неё её Сэхейм. Сюда въедет погребальная повозка. Здесь рухнет под ударом её любимый конь. И здесь же, возле колёс, уснут все девять молодёнок рабынь. Иначе не бывает.

Отмыв глину, густо налипшую на руки и на сапоги, братья Виглафссоны сообща разобрали стену женского дома и вынесли тело матери через пролом. Отлетевший дух не должен найти обратной дороги, ни к чему ему тревожить оставшихся. Фрейдис уложили в повозку – резной деревянный короб на четырёх высоких колёсах. Запрягли кроткого рыжего коня, часто возившего Фрейдис при жизни.

И двинулись со двора...

Хельги шёл рядом со Звениславкой. Он не держался за её плечо. Просто касался её локтя своим. Он не спотыкался. А за ремнём у него торчала секира, упрятанная в чехол.

Люди несли с собой всё то, чем хотели снабдить госпожу на дорогу: свежий хлеб, мясо, сыр, благородный лук, отгоняющий болезни. На поясе Фрейдис по-прежнему висел ключ, знак достоинства хозяйки. А у бортов повозки лежало женское имущество – костяной гребень, замысловатые серебряные застёжки, обручья, нож, ложка, головной платок и платья на смену... Не посмеет старая Хель назвать её нищенкой!

Когда шествие добралось до холма, Халльгрим повёл коня вниз, внутрь сруба. Тот пошёл доверчиво и послушно... Колёса повозки дробно застучали по брёвнам. Спустившись, Халльгрим остановился и вытащил меч. Конь не успел испугаться. Свистящий удар уложил его замертво.

Звениславка увидела ужас, появившийся на лицах рабынь. Смерть всегда страшна. Даже такая, которая несёт с собой великий почёт.

Она зажмурилась, стараясь не смотреть, как Халльгриму передавали жертвенный нож... И потому не видела, как, проскользнув между стоявшими на краю сруба, в яму отчаянным прыжком соскочила горбунья. Мгновение – и она выдернула нож из руки Виглафссона. Даже он, двадцать лет сражавшийся в походах, не успел ей помешать. Старуха с блаженной улыбкой поникла рядом с ещё горячей тушей коня...

Люди взволнованно загомонили.

– Ас-стейнн-ки, – напомнил о себе Хельги. – Расскажи, что там...

Халльгрим наклонился над служанкой и бережно разомкнул её пальцы, стиснувшие костяную рукоять. Потом поцеловал горбунью в морщинистый лоб. Старая нянька когда-то учила его ходить...

– Я ошибался, когда приказывал ей остаться! – проговорил он негромко. – А следовало бы мне помнить, что времена переменялись и уже мало кто знает, как надо выращивать свою судьбу!

Тогда-то самая молодёнка из рабынь, ровесница Звениславке, шагнула вперёд, раздвигая на груди металлические украшения, чтобы ничто не помешало удару...

Потом Халльгрим высек огонь и затеплил маленький светильник. Пусть не будет госпоже Фрейдис ни темно, ни холодно в той ночи, которая сейчас укроет её своим плащом. Светильник был сделан в виде чаши на остром витом стержне. Халльгрим воткнул его в пол рядом с повозкой. В последний раз проверил, хорошо ли были завязаны у Фрейдис погре-

бальные башмаки. Пусть не упадет ей на пятки Напасть, дверная решётка Хель. Пусть не обломится под ней золотой мост через поющую реку Гьёлль. Пусть не слишком сердито облает её злобный пёс Гарм. И, ничем не обидев, пропустит воинственная дева-привратница...

Он выбрался наверх, и сруб начали закрывать. Наладили последнюю стену и стали накатывать сверху брёвна. Исчезла рыжая шкура коня, исчезли рабыни, сидевшие подле колёс. Исчезло бледное, словно светившееся, лицо Фрейдис... Халльгрим первым столкнулся на эти брёвна глыбу земли. И когда она обрушилась на накат, все голоса потонули в лязге оружия. Это воины одновременно выдернули из ножен мечи и троекратно ударили ими в звонкое дерево щитов. И называлось это – шум оружия, вапнатак!..

А комья земли сперва гулко стучали по брёвнам, потом этот звук стал делаться глуше и глуше, пока не стал наконец простым шорохом глины о глину...

Когда на могиле уже утаптывали землю, из-за деревьев вдруг сипло прокричал рог.

– Кто-то приехал, – сказал Халльгрим. Он продолжал глядеть на свежую глину.

Всадники, выехавшие из леса, увидели перед собой грозное зрелище: около сотни воинов в боевом облачении венчали собой холм. Но они не остановились и не повернули назад, хотя их было всего трое.

– Ас-стейнн-ки! – напомнил о себе Хельги. – Что там?

Как ни хороши были стоявшие наверху, стоило посмотреть и на всадников. Особенно на того, что ехал впереди. Крупной рысью шёл под ним лоснящийся серый конь. Вился за плечами седока широкий синий плащ. Покачивалось в могучей руке тяжёлое копьё – толстый кол, окованный железной броней...

А позади катилась тележка, и из неё доносилось злобное хрюканье. С холма было хорошо видно ворочавшуюся тёмно-бурую спину.

– Хитёр! – сказал Хельги. – Знает, не тронем!

Ему не надо было смотреть, чтобы узнать приехавшего.

– Это я его известил, – проговорил Эрлинг, и Хельги усмехнулся: мол, чего ещё можно от тебя ждать. Но поспорить с братом он не успел, потому что Звениславка вдруг ухватила его за локоть, а потом и вовсе спряталась за его спиной. Хельги чувствовал, что она дрожала от страха, и готов был многое вытерпеть ради того, чтобы только она подольше стояла так, держась за его руку...

Всадники тем временем вплотную приблизились к холму и начали взбираться по склону.

Халльгрим шагнул им навстречу.

– Здравствуй, Рунольв Раудссон, – сказал он хозяину серого жеребца. – Что тебя сюда привело?

– И ты здравствуй, сын Виглафа, – отвечал ему всадник. – Зачем ты спрашиваешь о том, что и сам знаешь? Или не хоронил ты нынче свою мать, Фрейдис дочь Асбьёрна?

Седеющие космы лежали у него на плечах, нижняя половина лица пряталась в густой бороде. И только глаза зло и холодно смотрели на Халльгрима из-под надвинутой войлочной шляпы.

Но эти глаза сразу изменились, когда Рунольв посмотрел на вершину холма, на комья взрытого дёрна.

– Быстро же ты зарыл мою старуху, сын Виглафа... А я бы совсем не отказался взглянуть, много ли прибавилось у неё морщин.

Такие слова и таким голосом от Рунольва Скальда можно было услышать единожды в жизни. Халльгрим понял это и сказал:

– Ты сам знаешь, что я тебя сюда не звал. Но раз уж ты приехал, будь гостем. Мы ещё не всё сделали здесь, что собирались.

Тогда Рунольв хёвдинг спешился и махнул рукой своим молодцам. Те живо привязали коней, и работа возобновилась как ни в чем не бывало. Все вместе они привели в порядок вершину холма, а потом принесли с берега тяжёлые плоские камни и отметили ими могилу, выложив контуры длинного корабля, обращённого носом на юг.

Вечером, когда собрали пир и внесли столы, и рабы прикатали заморский бочонок, и хмельной рог по обычаю отправился вкруговую, Рунольв Раудссон, хозяин Торсхова, впервые заметил странно одетую незнакомку, сидевшую рядом с Хельги.

Он спросил:

– Кто это, Хельги? Никак ты женился?

Хельги вздрогнул так, словно в него угодила стрела. Халльгрим ответил за брата:

– Нет. Это гостя.

Рунольв, по счастью, в дальнейшие расспросы пускаться не стал. А Звениславка глядела прямо перед собой и всё видела тёмную внутренность сруба, и медленно остывавшую тушу коня, и несчастных рабынь, и саму госпожу, освещённую тусклым огоньком.

Вот приподнимается конь... Встают, отряхивают платья служанки... И Фрейдис садится в повозке, а горбунья берёт в руки вожжи... Глухо ржет, ударяет копытом чудовищный конь... и растворяется перед ним бревенчатая стена.

Ледяным холодом тянет оттуда, из темноты. В последний раз вспыхивает и гаснет маленький светильник. Необъятная ночь заполняет всё вокруг. Только шелестят во мраке шаги рабынь да поскрипывают колёса повозки, увозящей госпожу Фрейдис в далёкий путь.

Рунольв со своими людьми прожил у братьев три дня, в течение которых ничего не произошло. А потом уехали, и он, и Эрлинг, – каждый к себе.

12

Нет бедствия хуже неурожая!

Бывает неурожай хлебный. Бывает недород скотный. И ещё неурожай морской, когда рыба уходит от берегов. Поодиночке эти бедствия случаются почти каждый год, и люди поневоле привыкли с ними справляться. Но трудно выжить, если все три наваливаются разом...

Потому-то приносят в жертву конунга, оказавшегося несчастливым на мир и урожай. И чтут колдунью, умеющую наполнить проливы косяками сельдей. И самый бедный двор редко обходится без пиров, устраиваемых по обычаю – трижды в год.

Первый пир собирают зимой, когда день перестает уменьшаться. Потом весной – на счастье засеянными полям. И наконец, осенью, когда собран урожай и выловлена треска... Это жертвенные пиры. Плохо тому хозяину, которого бедность вынуждает ими пренебречь! Бог Фрейр, дарующий приплод, может обойти милостью его двор. А удача – оставить.

В Торсфиорде ни разу ещё не забывали об этих пирах. Вот только соседей в гости здесь не приглашали. Рунольв пировал у себя в Торсхове, Виглафссоны – в Сэхейме. К старшим братьям приезжал ещё Эрлинг, и Хельги принимал его ласково, ведь не дело ссориться в праздник.

Раньше в Сэхейм заглядывал иногда херсир по имени Гудмунд Счастливый, старый друг Виглафа Хравна. Тот, что жил на острове в прибрежных шхерах, в трёх днях пути к югу. Однако теперь его паруса с синими поперечинами появлялись в Торсфиорде всё реже. Шесть зим назад Гудмунд херсир потерял единственного сына Торгейра и с тех пор сделался угрюм...

А приезжал ли кто к Рунольву – того Виглафссоны не знали и не хотели знать.

Когда подошло время осеннего пира, Видгу по обыкновению послали за Приёмышем. Видга посадил Скегги в свою лодку и спихнул судёнышко в воду. Хельги сказал ему:

– Только пускай Эрлинг в этот раз не привозит с собой Рунольва!

Накануне праздника Хельги подарил Звениславке золоченые пряжки: скреплять на плечах сарафан, который здешние женщины носили составленным из двух несшитых половинок. Звениславка не торопилась заводить себе чужеземные одежды – однако застёжки понравились. Каждая была почти в ладонь величиной, и между ними тянулась тонкая цепь. Другие цепочки свешивались с самих пряжек. Можно привесить к ним игольничек, обереги, маленькие ножны с ножом...

С обеих фибул смотрели усаые мужские лица. Грозные лица... Хмурились сдвинутые брови, развевались схваченные бурей волосы, сурово глядели глаза. Одно выглядело помоложе, другое постарше. Пряжки как бы говорили: смотри всякий, что за человек подарил нас подруге. Он такой же, как мы. Обидишь её – не спасёшь головы!

Хельги был вполне ровней этим двоим. Хотя, правда, ни бороды, ни усов не носил.

– Нравится? – спросил он Звениславку. – Носить станешь?

Она ответила:

– Спасибо, Виглавич...

Он опустил на лавку и велел ей сесть рядом. И посоветовал:

– Носи так, чтобы смотрели один на другого. Это Хёгни и Хедин, древние конунги. Хедин полюбил дочку Хёгни и увёз её от отца. Хёгин погнался за ним и настиг, и девчонка не помогла им помириться. Тогда они повели своих людей в битву и полегли все до единого. Но девчонка была колдуньей и ночью оживила убитых. И я слышал, будто они по сей день рубятся друг с другом где-то на острове, а по ночам воскресают из мертвых!

Мимо них из дому и в дом сновали рабыни и жёны. Ставился хлеб, бродило пиво, готовилось мясо.

Хельги сказал:

– Я знаю, как выглядят твои пряжки, потому что это я велел старому Иллуги их сделать, и я видел их готовыми.

Он взял её руку и положил на своё колено. Стал перебирать пальцы.

– Вот только тогда я думал, что они будут подарком моей невесте. И не тебе я собирался их подарить. Да и ты, как я думаю, не от меня хотела бы их получить. Расскажи про жениха!

Звениславка опустила голову, в груди поселилась тяжесть: ох ты, безжалостный!

– Что же тебе про него рассказать?

– Ты называла его имя, но я позабыл.

– Чурила... Чурила Мстиславич.

– Торлейв... Мстиславссон, – медленно повторил Хельги. – Все имена что-нибудь значат. Мое значит – Священный. А его?

– Предками Славный...

Хельги похвалил:

– Хорошее имя.

Звениславка подумала и добавила, невольно улыбнувшись:

– А кто не любит, Щурилой зовёт. Рубец у него на лице-то... Вот и щурится, когда обозлят.

– Шрам на лице не портит воина, – сказал Хельги. – Потому что у трусов не бывает шрамов на лице. Твой конунг красивее, чем Халльгрим?

Звениславка долго молчала, прежде чем ответить:

– Такой же... только черноволосый.

– Стало быть, твой конунг некрасив, – проворчал Виглафссон. – Черноволосый не может быть красивым, даже если он смел.

Звениславка ответила совсем тихо:

– Нету краше.

Хельги сбросил её руку с колена и вспыхнул:

– Убирайся отсюда! Ты будешь сидеть вместе с рабынями, потому что ты беседуешь с Иллуги охотнее, чем со мной!

Звениславка испуганно подхватила с места, отскочила прочь. Хельги поднял голову – ну ни дать ни взять сокол, накрытый кожаным колпачком.

– Ас-стейнн-ки!

– Здесь я, Виглавич.

– Подойди сюда. Сядь...

Когда Эрлинг приехал в Сэхейм и сошёл с корабля, Халльгрим немало удивился, увидев, что младший брат привёз с собой жену и маленьких сыновей. Этого Эрлинг никогда прежде не делал. Халльгрим спросил его без обиняков:

– Что случилось, брат?

Эрлингу явно не хотелось портить ему праздник.

– Думаю, безделица, Халли. Есть у меня раб по имени Рагнар сын Иллуги, да ты его знаешь...

Халльгрим заметил с неодобрением:

– Малоподходящее имя для раба... Почему ты позволяешь ему так себя называть?

Эрлинг пожал плечами:

– Приходится позволять, потому что он задира, каких и среди свободных немного найдётся. Так вот этот Рагнар поссорился с рабом Рунольва, и они подрались. Того раба я знаю давно, поскольку он любит ходить ко мне во двор и мы с ним разговариваем. Он англ и из хорошего рода, а зовут его Адальстейном. Вчера он пришёл опять и рассказал, будто Рунольв всем жалуется на меня и на моих дерзких рабов и говорит, что давно уже ждёт от меня беды.

– Лгун он, твой Адальстейн, – проворчал Халльгрим угрюмо.

– Может быть, и так, – сказал Эрлинг. – Но на него это мало похоже. Адальстейн рассказал ещё о том, что он решил убежать от Рунольва и остаться жить у меня. Я велел ему идти домой, но он не пошёл. Тогда я послал к Рунольву человека, с тем чтобы он переговорил с ним и предложил виру за раба. Это было вчера, но тот человек не вернулся.

Пока он говорил, к ним подошёл Хельги. Средний сын Ворона выслушал Эрлинга и усмехнулся:

– Стало быть, не вышло у тебя поиграть сразу двумя щитами, Приёмыш. А уж как ты старался.

В другое время Халльгрим прикрикнул бы на него за такие слова. Но тут только поскрёб ногтем усы и заметил:

– Ты потому и привёз с собой столько народу, что твой двор больше не кажется тебе безопасным.

Эрлинг кивнул:

– Это так, и я велел рабам вооружиться. Но я бы хотел, чтобы дело кончилось миром.

Хельги двинулся прочь и уже на ходу насмешливо бросил:

– А я не очень-то на это надеюсь! Вы с Рунольвом последнее время неразлучны: куда ты, туда следом и он!

Тогда-то подала голос зеленоокая Гуннхильд, молча стоявшая подле мужа.

– Ты, Хельги, выгнал бы нас вон, если бы был волен решать. Может быть, тогда Рунольв не стал бы вас трогать!

Хельги обернулся... Халльгрим помешал ему поссориться с братом, сказав:

– Тебя называют разумной, Гуннхильд. Однако иногда следует и помолчать!

В день, назначенный для пира, в ворота Сэхейма постучался всадник из Торсхова...

А на плече у него висел щит, выкрашенный белой краской в знак добрых намерений и мира.

Всадник слез с седла и сказал:

– Меня прислал Рунольв хёвдинг сын Рауда. Где Халльгрим Виглафссон?

Халльгрим уже шагнул к нему через двор, отряхивая руки, – он как раз советовался с пастухами, отбирая скот для забоя. Рунольвов человек передвинул щит за спину.

– Наш хёвдинг гостил у тебя нынешним летом, когда ты хоронил свою мать. Рунольв сын Рауда хочет отплатить тебе за гостеприимство и думает, что навряд ли ты побоишься приехать к нему сам-третей, как он тогда. Это было бы несправедливо!

Халльгрим остановился, заложил пальцы за ремень... Ничего подобного он не ждал, но показывать это не годилось. Он сказал:

– Мудро поступает Рунольв Скальд, если вражда и впрямь ему надоела... Вот только зря он не напомнил тебе, что в чужом дворе не заговаривают о делах сразу. Иди в дом, отдохни и поешь!

Сигурд Олавссон повёл чужака с собой. Тот пошёл озираясь и явно ожидая подвоха... Олав Можжевельник проводил его глазами и сказал:

– Или я плохо знаю Рунольва, или незачем тебе ехать туда, Виглафссон.

Халльгрим покачал головой и ответил как о деле решённом:

– Я поеду.

Олав упрямо повторил:

– Незачем тебе к нему ездить.

Халльгрим улыбнулся, что бывало нечасто.

– Рунольву не удастся назвать меня трусом. Кто со мной?

Вокруг стояли почти все его люди: сбежались кто откуда, прослышав о гонце.

– Я, хёвдинг! Возьми меня!

Счастлив вождь, за которым одинаково охотно идут на пир и на смерть. Он выбрал двоих... Гудрёда, среднего сына Олава кормщика. И ещё парня по имени Гисли. Оба были рослые и крепкие и вдобавок хороши собой. Для воина тоже не последнее дело.

Потом велел седлать своего коня.

13

Осень уже разбрасывала по берегам фиорда яркие краски... Так заботливая хозяйка, ожидая гостей, готовит наряды и завешивает цветными покрывалами простые бревенчатые стены. Но вот чем кончится пир?

Воздух был почти совсем тих. Только откуда-то из глубины фиорда понемногу начало тянуть ледяным сквознячком. Стылый ветерок проникал под одежду, заставлял поёжиться в седле. Вот потому-то Халльгрим всю жизнь предпочитал ходить пешком, а ещё лучше – грести на корабле. Пеший и тем более у весла не замерзнешь. Да и доберёшься, пожалуй, быстрее, чем на лошади по этой тропе... Другое дело, пешком в гости мало кто ходит. И тем более вождь к вождю!

А ветерок – Халльгрим знал, что предвещал этот ветерок. Может быть, даже нынче к вечеру разразится свирепая буря. Такая, что не хуже вражеских мечей оборвёт с воинов леса вышитые нарядные плащи... А иные деревья и вовсе лягут корнями наружу, сражённые в неравном бою...

Халльгрим ехал и думал о том, не придётся ли лежать между этими бойцами и ему самому. Премудрый Олав разглядел волчий волос, вплетённый в кольцо, и не было причины ему не поверить...

А не поедешь – уж Рунольв позаботится, чтобы смеялась вся округа-фюльк...

Опавшие листья шуршали под копытами коней.

Гисли и Гудрёд молча ехали за вождём. И, верно, тоже прикидывали, чем мог кончиться для них этот день. Если пиром у Рунольва – не захмелеть бы. Закон гостеприимства свят,

нарушить его – преступление. И добро, если Рунольв вправду образумился на старости лет, говорят же люди, что лучше поздний ум, чем вовсе никакого! Но знают люди и другое. Хоть редко, а бывает, что среди ночи вспыхивает дом с гостями, упившимися за столом... И копья встречают выскочивших из огня!

Несколько раз Халльгриму мерещились крадущиеся шаги... И не заметил бы вовсе, если бы поневоле не ждал из-за каждого дерева стрелы. Он не поворачивал головы, только всякий раз подбирался в седле, готовясь к отпору. Но шедший лесом не показывался и не нападал...

И всё оставалось спокойно.

Из Сэхейма в Торсхов ездили редко... Только в святилище, и то обычно на корабле. Дом Эрлинга стоял примерно посередине дороги, и Халльгрим привык считать, что брат жил поблизости. Но береговая тропа петляла, взбираясь на кручи и снова спускаясь к воде. И когда фиорд открылся в очередной раз и Халльгрим увидел на той стороне дом Приёмыша, он слегка удивился тому, как мало, оказывается, они проехали.

Ещё он заметил длинную лодку, лежавшую под скалами, в зелёной воде. Над бортом лодки торчали две светловолосые головы. Халльгрим мимолётно подумал, что это, наверное, рабы ловили рыбу на ужин. Подумал – и сразу же забыл...

До Торсхова они добирались и вправду ещё долго. Но наконец лес расступился – стал виден частокот и заросшие травой крыши построек. И боевой корабль Рунольва Скальда, который был вытаскен из сарая и стоял у берега на якорях; Халльгрим сразу же это отметил. Зачем?

Даже мачта уже возвышалась на своих расчалках, и свёрнутый парус багровым червем прижимался к опущенной рее. Так, будто Рунольв готовился не к пиру, а к дальней дороге. Если не к боевому походу.

И не намеревался медлить с отплытием.

Может быть, он хотел проводить гостя со всем почётом и тем закрепить мир между ним и собой? Халльгрим в своё время поступил именно так. Ну что же, добрый корабль у Рунольва Скальда...

Рунольв сын Рауда Раскалывателя Шлемов стоял в воротах, глядя на подъезжавших. Увидев, Халльгрим более не спускал с него глаз. Не только смешную гардскую девчонку мог перепугать при встрече этот боец! Сам Халльгрим уж сколько раз видел его и даже дома у себя принимал, а всякий раз поневоле вспоминал тот утёс над Торсфиордом... Исполинский угрюмый утёс, обросший ржавым лишайником, и никому не удавалось обобрать птичьих гнезда на его уступах. Скольких молодых храбрецов ещё искалечит и швырнёт в зелёную бездну у ног? И когда наконец упадет сам, и чья рука его свалит?

Халльгрим спешил, радуясь твёрдой земле вместо надоевших стремян. И пошёл навстречу Рунольву – Гисли и Гудрёд за ним, плечо в плечо, шаг в шаг. Рослые, крепкие, красивые парни...

– Здравствуй, Рунольв Скальд, – поздоровался Халльгрим. – Я приехал к тебе, ведь ты, как рассказывают, меня приглашал.

– И ты здравствуй, сын Фрейдис, – прогудел в ответ Рунольв вождь. И Халльгриму захотелось увидеть в этом ещё один белый щит, поднятый на мачту. Даже вопреки тому, что Рунольвовы люди понемногу брали их в кольцо и безоружных среди них не было. А ворота поскрипывали, закрываясь... Рунольв сказал:

– Не будет у Одина недостатка в героях, если два наши корабля станут ходить вместе, а не врозь.

Халльгрим отозвался, кивнув:

– Это так.

И пронеслось: неужели, пока жива была Фрейдис, только старая ревность подогревала в Рунольве вражду? Халльгрима бы это, пожалуй, не удивило... Но тут Рунольв подался на шаг назад и окинул взглядом своих людей. И Халльгрим похолодел. Старый вождь проверял, всё ли было готово. И даже не очень это скрывал.

– Будут ходить в море два корабля, – сказал он, глядя Халльгриму в глаза, и в улыбке была насмешка. – Но только мой пойдёт первым, потому что оба будут зваться моими, слышишь ты, сосунок! – И рявкнул своим: – Хватай!

Однако приказать, как водится, было легче, чем выполнить. Осеннее солнце, уже подёрнутое багровой дымкой подходившего шторма, вспыхнуло на трёх длинных клинках. Халльгрим, Гисли и Гудрёд уже стояли спиной к спине. И каждый держал в правой руке меч, а в левой – тяжёлый боевой нож. Не зря же Халльгрим увидел свой первый поход в неполных одиннадцать зим! Он знал и умел всё. И его не зря называли вождём...

Ну что же, и Рунольв хёвдинг недаром учил своих молодцов... Однако требовалось немалое мужество, чтобы первым подойти к тем троим. На верную смерть... Какое-то время всё было тихо, и Рунольв сказал:

– Не завязал ты ножен ремешком, Халльгрим Виглафссон. А жаль.

Он не собирался участвовать в схватке. Халльгрим в ответ ощерился по-волчьи:

– Олав Можжевельник сказал мне, что надо быть настороже, когда едешь к трусу. И это был хороший совет!

Оскорбление попало в цель. Рунольв сгрёб в кулак свою рыжую бороду и зарычал:

– Я сам поговорю с этим Олавом, когда стану грабить твой двор!

Халльгрим сказал ему:

– Этого не будет...

Он хорошо видел тех шестерых, которых судьбе было угодно поставить против него. Каждого и всех сразу. Наверняка сильные бойцы, Рунольв не станет кормить у себя неумех. И храбрые: малодушному нечего делать здесь, в Торсхове... Халльгрим видел побелевшие, стиснутые челюсти и внимательные глаза под клепаными шлемами. А что видели они? Свою погибель. Шагнувший первым первым же и упадёт. Потому что противником был Халльгрим сын Виглафа Хравна.

Но мгновение минуло, и кто-то всё же прыгнул вперёд. У многих тут были в руках длинные копья наподобие знаменитой Рунольвовой Гадюки, убивавшей даже сквозь щит. Широкий наконечник устремился в живот... Отточенное лезвие и втулка, выложенная серебром. Халльгрим не стал уворачиваться, ведь позади были две живые спины. Не стал и рубить окованное древко: толку не будет, а лишние зубрины на мече теперь ни к чему. Наконечник, отбитый скользящим ударом, хищно блеснул перед лицом, уходя вверх. Воин, которому уже казалось, будто он всадил своё копьё – даже воздух в грудь набрал для победного крика, – потерял равновесие. Халльгрим поймал его на боевой нож:

– Ха!

И отшвырнул прочь, под ноги оставшимся пятерым... Они потом станут рассказывать, будто он улыбался. Может, так оно и было. Халльгрим знал, что не выберется отсюда живым. Что останется лежать на этом утоптанном дворе – и Гисли будет лежать справа от него, а Гудрёд слева. Где и стояли. Но прежде, чем это случится, бой будет славный... Страшный последний бой, который бывает однажды в жизни и в котором не считают ни ударов, ни ран – только убитых врагов!

Те крадущиеся шаги на лесной тропе Халльгриму не померещились... За ним действительно шли. Хотя он и приказывал этого не делать:

– Случится что-нибудь, узнаете и так.

Но стоило ему сесть в седло и выехать за ворота, как его сын Видга незаметно перемахнул ограду с той стороны двора. Стремглав пересёк поляну и скрылся в лесу...

Видга был уверен, что никто не успел за ним проследить. И заскользил к тропе привычным охотничьим шагом, которого не слышали звери, не то что человек. Как вдруг сзади громко хрустнули ветки, и Видга крутанулся, выхватывая нож. Но сразу же его опустил: в десятке шагов, съёжившись от страха, стоял Скегги.

Видга живо оказался после него и зашипел:

– Убирайся!

С подобного спутника толку никакого, а мороки с ним не оберёшься. Для острастки Видга занес над ним кулак – но Скегги не побежал, только ещё больше вобрал голову в плечи:

– Я с тобой...

В другое время Видга попросту расквасил бы ему нос и оставил в кустах скулить от обиды. Но тут на тропе звякнули стремяна, потом фыркнула лошадь. Видга стрёб Скегги за плечи и жёсткой ладонью закрыл ему рот. Оба застыли... Потом всадники начали удаляться, и тогда-то Видга понял: возиться здесь со Скегги или догонять, что-нибудь одно. Он выпустил малыша и со злостью бросил сквозь зубы:

– Отстанешь, ждать не буду!

Скегги поспешно закивал, не смея ответить вслух. Видга повернулся к нему спиной и зашагал. И Скегги поспешил следом, стараясь не думать о том, что же будет, если придётся отстать, а ведь отстанет он наверняка... Ещё он старался не думать о Рунольве и о том, чем могла кончиться вся эта затея. Было страшно, Скегги боялся всё больше – и не отставал от сына вождя.

Он так и пришёл следом за ним к самому Рунольвову двору, и чего это ему стоило, знал только он сам. Когда Халльгрим спешился и пошёл внутрь, Видга выбрал высоченную сосну и велел Скегги хорошенько поглядывать по сторонам, сам же с ловкостью куницы взобрался наверх. Только лёгкие чешуйки коры посыпались вниз, в лесную траву. Позавидовав ему, Скегги встал у подножия сосны и принялся сторожить. Деревья над ним понемногу начинали гудеть – ветер усиливался. Ровный гул баюкал измотанного Скегги, тянуло сесть возле ствола, прислониться к нему и закрыть глаза. Ненадолго. Совсем ненадолго...

Поддаваться было нельзя. Скегги ущипнул себя за ногу – не помогло. Тогда он принялся ходить вокруг дерева: раз, другой, ещё и ещё. В одну сторону, потом в другую.

Совершенно неожиданно сверху снова посыпалась кора. А следом не то спрыгнул, не то свалился и Видга. Он молча ринулся мимо отшатнувшегося Скегги к воротам – бешеные глаза, обнажённый нож у кулаке, щека разодрана острым сучком... Таким Скегги его ещё не видал. Что-то случилось там, во дворе, с Халльгримом Виглафссоном.

Скегги успел броситься внуку Ворона в ноги, и оба покатались по земле. Видга вскочил и рванулся, едва не сломав вцепившуюся руку. Но Скегги повис на нём как клещ:

– Не ходи туда!

Жестокий удар пришёлся в лицо, из носу мгновенно хлынула кровь. Однако оторвать Скегги могла разве что смерть.

– Не ходи туда! Только раб мстит сразу, а трус никогда!

Видга снова ударил его – так, что потемнело в глазах. Скегги повторил, слабей:

– Только раб мстит сразу, а трус никогда...

Гисли лежал лицом вверх, и его глаза были раскрыты. В горле торчала стрела. Ладонь по-прежнему стискивала меч. А дух уже шагал к воротам Вальхаллы, чтобы подождать перед ними вождя и вместе с ним войти в обитель Богов. И видел с небесных гор, что долго ждать не придётся.

По лицу сына Ворона текла кровь. Она заливала глаза, и не было времени смахнуть её рукавом. Халльгрим рубился молча и от этого выглядел ещё страшнее, чем был. Хотя куда уж страшнее: Виглафссон!

Ещё трое попали под его меч и умерли, даже не протонав. Наверное, дух Гисли теперь сражался с ними на небесной дороге, веселя могучего Бога войны. Новый противник метнул в Халльгрима нож. Бросок был искусный, сын Ворона еле успел повернуться на пятках. Лезвие вспороло куртку, обожгло бок. Новая рана – которая по счёту? Он не знал. Только то, что не было здесь бойца, способного уложить его смертельным ударом. Его измотают раны, но это будет потом. Ещё нескоро...

У того, бросившего нож, висел на руке красиво разрисованный щит. Халльгрим обманул парня, заставив прикрыть голову, и ударил по ногам. Тяжёлый меч вошёл в тело, и парня словно бы переломило пополам. Халльгрим близко увидел молодое лицо и то, как разом схлынула с него вся краска. Увидел рот, открывшийся сперва беззвучно. Воин выронил щит, судорожно стиснул руками бедро, начал медленно падать – и тут-то закричал от боли, какой его крепкое тело не ведало отродясь.

Добить бы его – но не было времени. Нападали и справа, и слева, и спереди. Перепрыгивали через корчившееся тело. Халльгрим отгонял их страшными и спокойными ударами, не давая оттащить себя от Гудрёда, тяжело дышавшего за спиной. Он не ошибся, взяв с собой Олавссона. И Гисли. Добрая свита – не стыдно будет предстать с ними перед Отцом Побед.

Несколько раз, расшвыряв нападавших, Халльгрим улучал мгновение посмотрел на фиорд. Всё-таки надежда живёт до последнего, чуть ли не дольше самого человека. Не случится ли чуда, не явится ли из-за мыса чёрный корабль под полосатым парусом, спешащий на помощь?.. Но нет, видно, этого не было суждено.

Только далеко-далеко, в ущельях каменных гор, клубились, ползли через заснеженные перевалы, падали в чашу фиорда тяжёлые штормовые облака.

А потом Гудрёд охнул и привалился к его спине, оседая на землю, и Халльгрим понял, что остался один.

Скегги сидел под деревом, размазывая по щекам кровь. Видга стоял рядом и, дрожа, смотрел на ворота, за которыми продолжались крики и шум. Просто смотрел, и такая мука была на его лице, что собственные болячки казались Скегги безделицей. И ведь он всё-таки удержал сына вождя... спас ему жизнь. Видгу убили бы ещё перед воротами, и теперь это было ясно обоим. Невелика плата – разбитый нос.

– Видга, – сказал Скегги тихо. – Беги домой. Ты добежишь. Ты сильный...

Видга даже вздрогнул.

– Что?

Он не оторвал глаз от забора. Скегги упрямо продолжал:

– Ты скажешь Эрлингу, и он пошлёт корабль. Тогда ты отомстишь за отца.

Заморыш говорил дело. На носу чёрного корабля, с мечом в руках, и пусть Рунольв прощается со своей рыжей бородой и с головой заодно! А за забором ещё длилась борьба.

– А ты? – спросил Видга хрипло.

Скегги отозвался:

– Они же не знают, что мы здесь. Беги...

И тогда Видга побежал. Выбрался на тропу – и деревья поплыли назад, покачиваясь в такт его шагам. Два шага – выдох, два шага – выдох. Видга бежал привычно и ровно – как молодой волк. Бежал, смиряя себя: хотел и мог быстрее, много быстрее. Птицей бы полетел! Но путь был дальний. Видга ещё подумал про двор Приёмыша – там, пожалуй, помогут, но поди докричись через фиорд. Нет, только прямо домой. Два шага – выдох, два шага – вдох. Хватило бы сил. Лесная земля мягко принимала кожаные сапоги. Видга знал, что бой за забором ещё не был кончен.

14

Туча закрывала полнеба. Тёмно-лиловая стена медленно опрокидывалась наземь, и грязно-белые клочья летели перед ней, как стая птиц, уходящих от бури.

Клубившаяся мгла залила дальние горы, вода фиорда приобрела призрачный свинцовый блеск. Бешеный ветер ещё не коснулся её, но где-то вдалеке уже ломались, как прутья, могучие корабельные сосны. Зимний шторм! Шипящая пена примёрзнет к каменным лицам утёсов, и острова шхер украсятся белыми ожерельями. А потом выпадет снег.

Халльгрим ещё дважды отшвыривал от себя врагов... Он устал, смертельно устал. Земля вокруг была измарана багровыми пятнами, и он не знал, где его собственная кровь, где чужая. И какой больше. Он был изранен, нож давно сломался о чей-то окованный щит, и тогда он обхватил правое запястье левой рукой – так ещё хватало силы поднимать меч. Но это не могло продолжаться долго. Скоро конец.

Пожалуй, стоило бы пробиться к забору, там на него по крайней мере не нападали бы сзади... Если бы не Гудрёд. Удар в голову оглушил Олавссона, но жизни не отнял. Гудрёд скрёб пальцами землю, пытаясь найти оброненный меч, приподняться. Не мог. Халльгрим стоял над ним, качаясь из стороны в сторону, как дерево на лютном ветру. Но всё-таки стоял.

Он не сразу понял, почему это они вдруг расступились перед ним, словно давая дорогу. Он показался самому себе похожим на тетерева, которого старый лис притащил на расправу маленьким сыновьям. Большая птица ещё жива, но уже не может ни улететь, ни убежать. Даже тогда, когда молодые лисы принимают за возить друг с другом и ненадолго оставляют её в покое...

Прямо перед Халльгримом появился человек с луком в руках. И он удивился про себя – почему же они не сделали этого раньше? Ещё в лесу!.. Впрочем, многие поступки Рунольва Раудссона были понятны только ему самому. Воин поднял лук и оттянул тетиву, и Халльгрим знал, что не успеет ни увернуться, ни отмахнуться мечом. Теперь – не успеет. На залитом кровью лице возникла медленная усмешка. Он с трудом стоял на ногах. Рунольву не будет большой чести от этого боя. Зато многим запомнится, как дрался Халльгрим Виглафссон.

Воин опустил тетиву, и стрела ударила в грудь. Халльгрим взял было её за древко, чтобы вытащить, но рука повисла. Пальцы разжались, и меч тяжело вошёл в песок. Халльгрим качнулся вперёд и упал на колени. Потом словно нехотя завалился на бок и остался лежать неподвижно. Гисли лежал рядом с ним. По правую руку. А Гудрёд – по левую.

Рунольв сын Рауда, по прозвищу Скальд, поднялся с бревна, на котором сидел. Не торопясь подошёл.

– Вот так, – сказал он вроде бы спокойно и вдруг с прорвавшейся яростью пнул Халльгрима сапогом. Удар пришёлся в живот, но лежавший не пошевелился. Только чуть вздрогнули ресницы. Рунольв успел это заметить. И опустил ногу, занесённую для нового пинка. Воины молча стояли вокруг, и он указал им на Виглафссона:

– Выньте стрелу и свяжите ему руки. И этому второму...

Видга бежал. Всё так же размеренно, но только теперь рубашка на его груди и плечах была мокрой от пота. Тропа круто устремлялась в гору, и Видга укорачивал шаг, оскаливая зубы, словно это могло помочь ему набрать хоть чуть больше воздуха в грудь. Потом начался спуск, и он длинными скачками шёл вниз. Он не останавливался. Остановишься – потом будет только трудней. Этому его не надо было учить.

Временами Видга оглядывался на тучу, висевшую, казалось, уже над самым фиордом. Туча несла в себе бурю.

Может быть, даже такую, что нельзя будет отправить корабль.

Новый подъем. Едкий пот затекал в глаза, и Видга на ходу стряхивал его рукой. Горло казалось зачерствевшим и высохшим, как сухарь, воздух жёг его, не достигая лёгких. Мысли путались, ни о чём не удавалось думать подолгу. Рунольв убил отца. Ему отомстят.

Багровые пятна и мутное солнце на длинном клинке. Там, в кольце Рунольвовых людей. Один. Без Видги – почему? Ветка хлестнула по лицу. Видга споткнулся, закашлялся, сплюнул под ноги. Он не останавливался.

Халльгрим очнулся, когда его облили водой. И увидел над собой Рунольва. Повёл глазами и увидел Гудрёда: двое воинов как раз подняли Олавссона и волокли его в сторону, ещё двое возились с верёвкой, переброшенной через ветку сосны. Рунольв перехватил взгляд пленника и засмеялся.

– Я подарю его Одину, чтобы вернее справиться с твоими людьми.

Халльгрим хотел ответить – изо рта потекла кровь. Всё-таки он сказал:

– Лучше бы тебе сделать это со мной, ведь я вождь. А его отпусти, пусть расскажет дома, как было.

Рунольв кивнул огненной бородой:

– Ты хороший советчик, Виглафссон. Но по-твоему не бывать.

Гудрёда поставили под деревом, накинули петлю. Рунольв пошёл к нему, неся в руке копьё Гадюку. Один охотнее принимает подарки, когда их преподносят вожди...

Халльгриму понадобилось страшное усилие, чтобы опереться на связанные руки и повернуть голову к сосне.

– Один! – отдельно и громко проговорил Рунольв Скальд. – Отец Погибших, пошли удачу моему кораблю, потому что я ждал этого тридцать пять зим!

Воины вокруг благоговейно притихли, но тут подал голос сам Гудрёд.

– Старая баба с копьём, – сипло сказал Олавссон. – Не будет тебе удачи, потому что Один обманывает всех, но не терпит, когда обманывают другие. Халльгрим хёвдинг, ты неплохо кормил меня в Сэхейме. Удачи тебе!

Рунольв взревел от ярости, и его люди налегли на верёвку. Но Гудрёд наверняка ещё успел услышать, как Халльгрим крикнул ему:

– Прощай!

Петля впиалась в шею, ноги Гудрёда оторвались от земли. Но Рунольв не дал ему задохнуться: Гадюка ужалила без промаха, остановив сердце...

Так от века приносили жертвы Отцу Побед.

Видга не мог больше бежать... Он был похож на пьяного, он шатался и почти волочил ноги, по временам забывая, куда бежит и зачем. Он не останавливался.

Ветер попутный
и нам и смерти...

Губы шевелились беззвучно: сбивать дыхание было нельзя. Древняя боевая песня подстёгивала угасавшую волю, но ненадолго. Рунольв убил отца, и ему не отомстят. Потому что начнётся шторм и нельзя будет отправить корабль. И ещё потому, что Видга сейчас упадёт. Здесь. Вот под этой сосной. Нет... под следующей. Замертво. И это будет самый лучший конец, потому что Рунольв убил отца и ему не отомстят.

– Ветер попутный и нам и смерти!

Кажется, он всё-таки простонал это вслух. Зря... Всё равно. Видга не мог больше бежать. Ветер усиливался. Резким порывом над вершинами пронесло две чёрные тени. Вороны, спутники бога побед... Видга их не заметил. И напрасно, потому что эти твари редко появляются просто так... Он не останавливался.

Халльгрима подняли. Он не сумел бы устоять на ногах, но Рунольвовы люди держали крепко.

– Ну? – предвкушая потеху, спросил его Рунольв Скальд. – Что скажешь, Виглафссон?

У Халльгрима плыли перед глазами дымные полосы, голова клонилась к плечу. Он ответил:

– Скажу, что у меня есть ещё два брата и сын.

Рунольв захохотал так, что далеко в лесу откликнулось карканье.

– Сын!.. Если ты это про Видгу, так ведь он первым наложит в штаны. А Хельги даже не даст ему по затылку, потому что не сумеет поймать. Или ты меня Приёмышем пугаешь? Да он хоть знает, где у меча рукоять?

Халльгрим проговорил тихо и с трудом:

– А про тебя скажу, что ты плохой скальд, ведь твой мёд вытек не из клюва орла, а из-под хвоста.

Запоздалый удар наградил его за эти слова. Халльгрим задохнулся от боли, голова свесилась на грудь...

– Рунольв! – позвал кудрявый парень по имени Эйнар, тот самый, что когда-то ещё свалился в воду с корабля. – Рунольв, мы ему выпрямим рёбра.

У Рунольва бешено горели глаза, побелевшие пальцы были сплетены за спиной. Воины смотрели на него с нетерпением и любопытством. И он резко вытянул руку, указывая на берег:

– Привязать его на носу корабля. Да не калечить!

Халльгрим снова открыл глаза, когда Эйнар, стоя по шею в воде, проткнул гвоздем его правый сапог и стал прибивать.

– Не порань ногу, – проворчал где-то поблизости голос Рунольва. – Незачем ему умирать слишком легко!

Халльгрим висел на форштевне, расчлененный моржовыми ремнями. Высоко над ним щерилась в штормовое небо голова не то волка, не то змеи...

– Крепко шьют твои люди, – сказал он Рунольву. – Эта доска не отлетит.

Он повторял слова, произнесённые некогда прапрадедом, угодившим в подобную же переделку... Прапрадеда звали Видгой.

– На вёсла! – громко скомандовал Рунольв Раудссон. Халльгрима он не слышал – он уже шагнул по палубе на корму, к рулевому веслу. – На Эрлингв двор! Давно хотелось мне посмотреть, хорошо ли будет гореть эта лачуга!

Плеснули длинные вёсла, корабль развернулся, проплыли мимо тела Гисли и Гудрёда, оставленные бесприютно лежать на песке. Рунольв даже не позаботился завалить их камнями.

Проплыл дом с его крышей, заросшей зелёной травой... У дома жались друг к другу рабы и рабыни, вышедшие посмотреть невиданный бой. Притихшей кучкой стояли они на берегу. И глядели на Халльгрима, висевшего на носу корабля...

– Эй, вы! Ставьте пиво! – крикнул им Рунольв, и под скалами загудело эхо. Или не эхо, а первый вздох рождавшейся бури...

Сорванный ветром сук с треском полетел вниз, цепко рванул Видгу за плечо. Видга не почувствовал и не остановился. Веки заливала невыносимая тяжесть, глаза закрывались сами собой. Видга не останавливался. Ещё шаг и ещё. Горящими ступнями по раскалённой земле. Тупая волна разбилась в затылке. Ещё шаг и ещё. Лес кончился, дальше стоял туман. Частокол с воротами, дом, Сэхейм. Но это уже всё равно, до них ещё сто шагов, и их не преодолеть.

Ворота распахнулись навстречу. На Видгу страшно было смотреть: потемневшее лицо, разводы соли на провалившихся щеках, слипшиеся вихры. Глаза полузакрыты, на сапогах кровь. Он не заметил Эрлинга, вставшего на пути. Наткнулся. Эрлинг его подхватил.

Видга хотел что-то сказать, но тут его согнуло вдвое и вырвало зелёной желчью.

– Рунольв, – прохрипел он чужим, низким голосом. – Отца... там... во дворе...

Они все были здесь: и Хельги, и Эрлинг, и старый Олав Можжевельник.

– Эрлинг, – сказал Хельги Виглафссон. – Бери корабль.

Видга смутно слышал топот и шум, поднявшиеся вокруг. Кто-то побежал в дом за оружием, кто-то открывал корабельный сарай, тащил под киль катки. Поджарое чёрное тело медленно заскользило из-под крыши – к воде... Самый нетерпеливый уже поднимал палубный настил: достать и насадить на форштевень зубастую голову, помнившую ещё Видгу, прапрадеда всех Виглафссонов.

Сына хёвдинга на руках унесли в дом. После долгого бега нельзя сразу останавливаться, не то что ложиться, и Видге казалось – он умирал. Но думать об этом было некогда, потому что во дворе готовили корабль и этот корабль не должен был отплыть без него.

– Никуда ты не пойдёшь! – сказал ему Хельги.

Видга молчал, глядя на него с яростью затравленного зверя: запрещать мстить! Другое дело, что сам Хельги тоже оставался на берегу. И старый Олав, – так распорядился Приёмыш... И Олавссоны, Гуннар и Сигурд. Зато кормщиком пойдёт Бьёрн. И остальные – те, кто ходил с Халльгримом весной. Сорок шесть человек. У Рунольва не меньше. А если больше, то ненамного. Должен же он оставить кого-нибудь сторожить двор...

Люди наскоро осматривали корабль, канатами поднимали мачту, готовили оружие и вёсла. Прятали под палубу луки и стрелы, завернутые от сырости в кожаные чехлы...

Старый Олав тронул Эрлинга за руку:

– Смотри!

Вывернувшись из-за мыса, через фиорд летела длинная лодка. Двое, сидевшие в ней, так работали вёслами, будто по воде за ними шагал оживший мертвец.

– Моя лодка, – сказал Эрлинг Приёмыш.

Морские ворота были распахнуты – лодка пролетела между сваями, пересекла бухту и ткнулась носом в песок. Двое парней выскочили из неё в мелкую воду: оба рослые, белогловые и совсем не робкие на вид. Эрлинг немедленно узнал обоих:

– Рагнар! И Адальстейн англ!

Но вот когда эти двое врагов выучились так дружно грести, спрашивать было недосуг.

– Это хорошо, что ты здесь! – крикнул Эрлингу Рагнар. – Рунольв правит вниз по фиорду! И с боевым щитом!

...Эрлинг всё-таки заставил себя ещё раз оглядеть корабль, удерживаясь от немедленной команды. Однако всё было готово. Люди сидели на вёслах. И Бьёрн кормщик застыл у правила, подняв руку над головой.

– Снимаемся! – приказал Эрлинг Виглафссон. Ему показалось, будто это вышло у него совсем не так уверенно, как выходило когда-то у Халльгрима. Ничего, люди повиновались. Живо втянули на борт еловые мостки, Бьёрн взмахнул рукой – и вёсла вспенили воду.

В это время из двери дома не то вышел, не то вывалился Видга. У него подламывались колени, но в руке был меч. Следом за ним показался Хельги. Он догнал племянника и схватил его за руку. Каким-то чудом Видга вырвался и бросился к воде.

Новый взмах вёсел – тяжёлый корабль миновал сваи, и Бьёрн переложил руль, направляя его против ветра, вверх по фиорду.

Видга заплакал, стоя по колено в воде. Это были его последние слёзы.

15

Корабль шёл по фиорду. Эрлинг стоял на носу и думал о том, что для него это был, по сути, первый боевой поход. В двадцать шесть зим! Правду сказать, его отроду не тянуло к оружию, но приёмный отец не позволял братьям смеяться. Не всякий корабль для боя – нужен и торговый кнарр... Да кто же знал, как распорядится судьба!

Ещё Эрлинг думал о том, станут ли люди его слушаться. И решил, что станут. Особенно если он будет спрашивать совета у опытных. У того же Бьёрна. Каждый здесь знал, какой хёвдинг из младшего Виглафссона, – обманывать некого...

– Эрлинг! – окликнул его кто-то. – А ты не чувствуешь, что корабль пошёл по-другому?

Молодой вождь оглянулся и тут только расслышал сдержанный смехок, летавший над скамьями гребцов. Посмотрел на корму и увидел, что Бьёрн уже грёб вместе со всеми, а у рулевого весла стоял его седобородый отец. И корабль действительно качался чуть меньше прежнего.

– Почему это? – спросил Эрлинг спокойно. – Потому, что старик опять у руля? Или потому, что Бьёрн взялся грести?

Воины захохотали, вёсла заработали слаженней. Меньшой Виглафссон, пожалуй, стоил того, чтобы идти за ним в бой. А бой будет страшный. Это уж наверняка...

Эрлинг прошёл между скамьями, мимо свёрнутого паруса, на корму.

– Олав, – сказал он негромко, – ведь ты должен был остаться на берегу.

Мореход не спеша оседлал кормовое сиденье и ответил тоже негромко:

– Мог же ты и ошибиться, сынок. И там был не только твой брат, но и мой Гудрёд.

Дым пожара они увидели издалека. Ветер набирал силу, и жирные чёрные клочья то припадали к воде, то взвивались, смешиваясь с тучами. Тогда становилось понятно, что тучи едва не касались деревьев на берегу. Дым летел прямо на корабль... Грести становилось всё трудней.

– Рунольв жжёт мой двор, – сказал Эрлинг угрюмо. – А неплохо было бы там его и застать!

Олав ничего не ответил, только с сомнением покачал головой. Слишком опытен был зверь, чтобы удалось так просто взять его на добыче!

Олав ошибался редко. Не ошибся и на этот раз. Пламени пожара ещё не было видно, когда между деревьями на мысу мелькнул огненно-алый парус. Рунольв! Всегда ему нравился этот цвет крови и огня...

Сорок четыре года из своих пятидесяти шести Рунольв Скальд носил на боку меч. И от души презирал всех, в ком не мог за сто шагов почуять истинного бойца! Потому-то его немало удивило то мужество, с которым рабы Эрлинга Виглафссона защищали свой дом. Ему-то казалось – достаточно будет издали показать им кулак. Ведь рабы есть рабы!

Но как же самоотверженно они дрались... Во всяком случае, женщины с детьми успели убежать в лес. Забава сорвалась: не с кого сдёрнуть одежду, некого подбросить и поймать на копье. Ничего, они ещё сами придут к нему просить крова и еды. Потому что им некуда будет больше идти. И не к кому. Ибо он, Рунольв Раудссон, сегодня же повесит свой щит над хозяйским местом в Сэхейме!

Он велел поджечь дом и клетки с собранным урожаем. И повёл людей обратно на корабль. Он и так потратил здесь гораздо больше времени, чем предполагал...

– А теперь в Сэхейм! – громче гула раздуваемого ветром пожара прогремел его приказ. – И помните, что там придётся биться покрепче!

– Плыви, – сказал Халльгрим, и его услышали сидевшие на носовых скамьях. – Плыви, я смотрю, не терпится тебе в Вальхаллу...

Хирдманны стали оборачиваться. Кто же не знает, что умирающему даётся пророческий дар! И хоть никто не подал виду, многим стало не по себе...

У Эрлинга все были в бронях, даже сидевшие на вёслах. И с десятков стрелков уже стояли вдоль палубы с луками наготове. Но Эрлинг понял почти мгновенно, что не даст им стрелять. Он увидел брата...

Наверное, его одновременно увидели все. Опытные гребцы умели оглядываться, не выбиваясь из ритма, – а как же не оглянуться на врага!

Халльгрим хёвдинг висел на форштевне пёстрого корабля. И кровавое полотнище за ним выгибалось, подпёртое снизу шестью. Ветер набирал уже штормовую мощь, корабль тяжело качался, и Халльгрим то уходил в воду по пояс, то вырастал из неё, словно морской великан.

И глаза его были открыты.

Мгновение прошло в могильной тишине. Потом рядом с Эрлингом кто-то прохрипел чудовищное слово и рванул к щеке тетиву. Эрлинг ударил воина по руке и крикнул так, что чуть не разорвалось горло:

– Не стрелять!

Привыкший к слову вождя, викинг опустил лук... И, трезвея, запоздало удивился Приёмышу, сообразившему раньше бывалого стрелка: разъярённый ветер мог бросить стрелу мимо цели. В распятого на носу...

Корабль Рунольва шёл прямо по ветру – буря подставляла ему крыло. Нечего было и думать о том, чтобы закинуть крючья и встать с ними борт о борт. Усмехаясь, Рунольв передал Эйнару рулевое весло и велел править в море. Там можно будет разделаться с Приёмшем без помехи... Там никто не придёт ему на помощь, спустив на воду лодки. Рунольв пошёл на нос: битву начинают вожди.

Он раскачал в руке поданное ему копьё и, ухнув всей грудью, метнул, посвящая Богу войны. И бросок вышел на славу! Широкий наконечник впился в чёрный борт, и смолёное дерево загудело.

Не сговариваясь, воины Эрлинга вырвали это копьё и передали вождю. Эрлинг стиснул в руке ясеновое древко... Ему показалось, будто тепло ладони Рунольва Скальда покинуло его ещё не до конца. Эрлинг смотрел на брата, не слушая насмешек, сыпавшихся с пёстрого корабля... И когда понял, что копьё Халльгрима не заденет, – оно полетело. Над палубой, над скамьями, над серой водой.

Оно раскололо один из щитов, за которыми Рунольв прятал своих гребцов, и щит слетел с борта. Под щитом вздрогнуло весло, потом неуклюже задралось вверх... и наконец упало и вывалилось из люка. И поплыло по ещё невысоким волнам, быстро отставая от корабля.

– Добрая примета, – проворчал в бороду Олав кормщик. И, не дожидаясь приказа, командовал: – К повороту! Парус приготовить!

Эрлинг и впрямь совершил бы величайшую ошибку, оставив Олава на берегу. Корабль повиновался старику, как послушная лошадь: развернулся и пересёк собственный ещё пенившийся след, и Рунольв успел опередить его совсем ненамного. Всего на несколько полётов стрелы...

Новая команда – и парус рывками пополз вверх по мачте, быстро расправляясь, принимая в себя ветер.

И когда парус подняли, то оказалось, что под ним пряталось на палубе двое людей. Двое рабов, те, что приехали в лодке с Эрлингова двора. Рагнар сын Иллуги и Адальстейн англ. Когда они успели проскользнуть по сходням – никто и не заметил.

– Адальстейн пускай остаётся, а этого второго надо выкинуть за борт! – налегая на весло, потребовал Бьёрн Олавссон. – То-то я чувствую, что стало труднее грести. Он отягощает корабль!

Рагнар повернулся к нему и немедленно ответил:

– Если тебе тяжело, дай я сяду грести вместо тебя.

– Я разделаюсь с тобой, невытая рожа, – пообещал Бьёрн. – Вот подожди только, пока сменюсь.

– Замолчи, Олавссон, – сказал Эрлинг. – Прикоснитесь друг к другу, и я выброшу за борт обоих.

– Так я и знал, что ты заступишься за своего трэля! – зарычал Бьёрн.

Эрлинг смотрел на него холодно. Потом он спросил:

– А хочешь, я сам выпрыгну в воду? Тогда никто тебе не помешает колотить раба вместо того, чтобы гнаться за Рунольвом...

Бьёрн, вынужденный проглотить свою ярость, с удвоенной силой налёг на весло, и весло затрещало. Эрлинг подозвал обоих рабов и сказал:

– Оружия у меня для вас нет. Добудете его сами... А если поведёте себя храбро, обоих освобожу.

С берега, из Сэхейма, видели два корабля, прошедших друг за другом – в сторону моря... Первым летел под красным парусом корабль Рунольва Раудссона. И его хорошо разглядели со двора. Даже слишком хорошо.

Видга, правда, всё поглядывал на кнарр. Кнарр строился для моря, и, наверное, выдержал бы бурю. Но не на нём гоняться за боевыми кораблями, и это все понимали.

Видга не хуже прочих видел форштевень пёстрого корабля... Однако он всё-таки не позабыл рассказать про Скегги, оставшегося в лесу. Тогда Хельги позвал двоих старых рабов – старики всё равно не пригодятся для боя – и велел им ехать на поиски, потому что начинало темнеть. Ветер за стенами выл и стонал, и было слышно, как за оградой с треском валились деревья.

Рабы встретили Скегги на середине дороги из Торсхова, уже под дождем. Он из последних сил ковылял по тропе, промокший, синий от холода. Его взяли на седло и повезли домой. Скегги судорожно прижимался к бородатому рабу и плакал взахлёб, потом уснул прямо на коне. У него хватило мужества подобраться к самому забору Торсхова, и он видел, как вешали Олавссона.

Под утро из-за сторожевых скал фиорда стал доноситься глухой, зловещий рёв. Это, сотрясая гранитные кручи, грохотали волны высотой в четыре человеческих роста...

16

Ветер дул всю ночь до утра, не собираясь стихать. Даже тучи не всегда выдерживали его напор и рвались. Море и небо были одинаково черны, но порой в разрывах туч проглядывала луна – и тогда по гребням волн принимались шагать огромные бесформенные тени. И с кораблей видели друг друга.

Два драккара оказались одинаково легки на ходу. И шли вровень, показывая один другому борта. По-прежнему на расстоянии в несколько полётов стрелы. Будет рассвет, и они сойдутся поближе.

Вёсла ещё вчера убрали внутрь и сложили вдоль палуб, тщательно привязав. Они славно потрутся – но не теперь, когда море того и гляди выхватит их из рук. А паруса были спущены до середины мачт и подвязаны снизу короткими крепкими верёвками. Чтобы не разорвало. Добрые паруса – один красный, другой полосатый...

Под утро Бьёрн Олавссон увидел в тучах валькирий. Девять дев мчались куда-то на взмысленных жеребцах, и всех краше была та, что скакала впереди. Дочь какого-нибудь конунга, рассудил Бьёрн. Или сестра! Весь корабль, задрав головы, смотрел в тёмное небо. Но валькирии показали себя не каждому. Тогда люди решили, что Бьёрна ждало особенное везение в бою.

– А ещё теперь я думаю, что мы не потонем, – сказал погода Эрлинг Виглафссон. – Ни мы, ни Рунольв.

Потом начало светать. Поздняя заря будто нехотя разгорелась над морем, обещая короткий неприветливый день. Когда тучи налились мертвенной синевой и стали видны ходившие по морю холмы, Эрлинг поднялся со скамьи и прошёл по всему кораблю – с кормы на нос и назад.

Место вождя – на носу. И не дело забывать про обычай. Однако превыше обычая бывает мудрый совет, и потому-то Эрлинг провёл всю ночь на корме и не собирался её покидать, разве что для рукопашной. На корме был старый Олав...

Люди сидели по своим местам, крепко привязавшись от случайной волны. Водяные горы догоняли и обгоняли корабль, над палубой свистел сырой ветер. Дракониий нос то высоко вздымался над водой, то с шумом обрушивался вниз. Тогда над бортами, дымясь, вырастали прозрачные стены. И замирали на мгновение, прежде чем рухнуть. И негде было спрятаться, нечем укрыться.

Около мачты чернело отверстие трюмного лаза. Там без отдыха сновали распухшие, красные руки. Передавали сидевшим деревянные вёдра и принимали их опорожненными. Рагнар и Этельстан... Им в эту ночь пришлось потрудиться больше других.

Эрлинг посмотрел на лица. Мокрые, серые от усталости, просолённые, со стянутой холодом кожей. Люди смотрели на Эрлинга. Они пойдут за ним в бой... И тогда пускай все морские тролли спешат на выручку Рунольву и его молодцам, потому что придётся им нелегко!

Почти всю ночь Рунольв сам вёл корабль, зная, что тот слушался его руки охотней всего. Рунольв Раудссон верил в свою силу и радовался шторму, как радуются вызову на единоборство. Он был своим в этом пиршестве бури. И пил бешеное дыхание ветра, словно хмельное питьё. Скальд в нём рождает стихотворные строки – люди слышали то голос, боровшийся с рёвом волн, то яростный смех. Любой другой давно свалился бы от изнеможения, но не Рунольв. Он и в бою будет таким же неудержимым, их Рунольв Скальд. Сам похожий на штормовую волну – и не будет удачи вставшему на пути!

Счастлив, кому судьба даёт такого вождя.

На рассвете он подозвал к себе Эйнара и послал посмотреть, жив ли ещё пленник. Эйнар взобрался на борт и бесстрашно повис на снастях. Холодная лапа моря сразу же схватила его и едва не уволокла, но он сумел удержаться. Потом вернулся к Рунольву и коротко сообщил:

– Он пошевелился, когда я ткнул его копьём.

– Ещё не подох, – удовлетворённо проворчал Рунольв, закладывая за ухо мокрую прядь. – А долго живёт этот Виглафссон!

Когда рассвело окончательно, он позволил сменить себя у руля и пошёл посмотреть сам.

Халльгрим то уходил в воду с головой, то взлетал на высоту в полтора человеческих роста... Только пена со змеиным шипением стекала по смолёным доскам. Рунольв окликнул его:

– Хорошо ли спалось, Халльгрим хёвдинг?

Сперва ему показалось, будто сын Ворона не услышал. Но вот поникшая голова медленно приподнялась... Повернуть её Халльгрим не сумел и уронил снова.

Рунольв спрыгнул на палубу и внимательно оглядел небо, прикидывая, не пора ли становиться вполветра...

– Я не особенно опытный вождь, – сказал Олаву Эрлинг Приёмыш. – Что бы ты мне посоветовал?

Бороду Можжевельника трепал яростный ветер, но узловатые руки на рукояти правила были спокойны. Спокойным был и ответ:

– Шторм скоро немного притихнет... Надо бы нам встать вполветра и взглянуть, что там у них.

Эрлинг покосился на него и подумал, что лучше было бы Рунольву отпустить Гудрёда живым... Теперь этот старый седой волк будет до конца бежать за добычей. И не потеряет следа. И сомкнет-таки ещё не слишком притупившиеся клыки...

А Олав помолчал и добавил:

– Если захочешь заставить Рунольва что-нибудь сделать, устрой так, чтобы ему пришлось показать тебе корму.

Когда корабли пошли навстречу друг другу, Эрлинг велел Рагнару вылезти из трюма и приказал:

– Сними-ка с борта мой щит... Встанешь с ним на корме. И если Олава хоть оцарапает – повешу!

Рагнар надел на руку жёлтый щит, и Олав недовольно нахмурился:

– Только не вздумай тут мне мешать.

Молодой раб ответил по обыкновению дерзко:

– Может, и помешаю, потому что неохота мне кормить рыб, если тебя собьют!

Эрлинг смотрел вперёд, на быстро приближавшийся пёстрый корабль... Только мёртвое тело могло теперь висеть на его форштевне. Но Эрлинг всё-таки обернулся к своим стрелкам и повторил:

– Никому ни с места, пока не окажемся борт в борт... И не смей трогать того, кто у них на руле!

Стрелки, один за другим, молча кивнули головами в клёпаных шлемах. Смерть вражеского кормщика могла отдать морю и корабль, и Халльгрима вместе с ним, кто же этого не понимал...

Когда спорят между собой верховые, плохому всаднику редко достаётся победа. Так и в морском бою. Не всё решается мечами – худо тому, кого плохо слушается корабль. Да и что вообще делать в море такому?

В это утро у берега Страны Халейгов спорили равные. Два корабля шли друг на друга сквозь дымившееся море, тяжело раскачиваясь, равно страшные и собственной яростной красотой, и угрюмым мужеством своих людей... Но старый Олав всё-таки обманул рулевого пёстрого корабля. Он первым увалился под ветер. Лодья кренилась – наветренный правый борт, обращённый к врагу, выкатывал из воды, заслоня сидевших на скамьях.

С пёстрого корабля посыпалась ругань, а потом и стрелы. И самая первая засела в жёлтом щите, который держал в руках забияка Рагнар... Туго пришлось бы Олаву без того щита! Однако сам старик увидел в нём только помеху: молодой раб всё-таки лез ему под руку, ведь правило на корабле тоже помещается справа.

– Прочь! – рявкнул он сердито. – Не мешай!

И схватил за плечо – отшвырнуть. Но это оказалось не так-то легко.

– Сам не мешай, длинная твоя борода! – огрызнулся молодой раб. Мгновением раньше он ощутил свирепую боль в левом бедре и почувствовал, как по заочковевшей ноге потекла горячая кровь.

...И снова с чёрного корабля не отвечали до тех пор, пока не встали с пёстрым борт против борта. Тогда-то Эрлинг спустил тетиву – и его лучники разом встали из-за щитов,

почти в упор бросив оперённую смерть. И взяли первую победу: на вражеском корабле повалялось несколько человек.

Тут среди Рунольвовых людей сыскался неразумный. А может, только что лишившийся побратима. Вскочив, этот воин раскрутил и метнул зубастый якорь, привязанный к длинной верёвке. Такими стягивают корабли для рукопашного боя. Или, если посчастливится, сдёргивают гребцов прямо со скамей.

Якорь со свистом пролетел и вцепился, и воина рвануло за борт. Друзья успели схватить его за прочные кожаные штаны. Но когда парня вытащили, он корчился в смертной муке, роняя розовые пузыри. В спине и в левом боку по самые перья сидели четыре стрелы...

И лишь державшему руль ничего не грозило. Хотя он и стоял во весь рост. И не прятался от стрелков. И хоть был это сам Рунольв Раудссон!

Его-то, Рунольва, разглядел высунувшийся из трюма Этельстан. Корабли уже почти разошлись, но голос или стрела ещё могли долететь. Этельстан мгновенно выскочил на палубный настил. Приложил ладони ко рту.

– Рунольв! – понеслось над морем. – Вспомни мою Гиту, Рунольв! Это я, Этельстан! Я здесь, и я до тебя доберусь!

Рунольв обернулся – на лице была издевательская усмешка. Надо думать, он с радостью повесил бы Этельстана на его же кишках. И надеялся так и поступить... Ещё миг, и англа спасла от смерти лишь ловкость. Он успел ничком броситься на палубу. Стрелы ударили в борт, в щиты, в мачту, возле которой он стоял... Этельстан приподнялся и упрямо, с ненавистью повторил:

– Я до тебя доберусь...

И нехорошие же были у него глаза!

Шторм тем временем и впрямь немного присмирел, корабль заливало меньше прежнего. Не было большой нужды вычерпывать трюм, и Этельстан отправился на корму. Туда, где на палубе у борта сидел Рагнар. Сидел и, закусив губы, щупал своё бедро и торчавшее из него серое древко. Рядом лежал жёлтый щит. Кто-то из лучников потянулся к щиту, придвинул его поближе и принялся выдёргивать стрелу за стрелой, пополняя колчан. У Рунольвовых людей были хорошие стрелы...

Этельстан подошёл к Рагнару и опустил подле него на колени.

– Убери-ка ты свои неуклюжие лапы, – сказал он и вытащил нож. – И лучше ложись, а то мне так не с руки.

Рагнар осторожно улегся на мокрую палубу.

– Лишнего там не срежь, вражье отродье, – сказал он. И добавил совсем другим голосом: – Давай, я не пошевелюсь.

Этельстан разрезал на нём штанину. Белое тело вокруг древка было ещё белее обычного, только в глубине зрела кровавая синева. Этельстан придавил ногу ладонью, крепко взял стрелу и медленно потянул. Стрела подалась сразу: наконечник был гладкий, как маленький нож, зазубренными здесь пользовались редко. Рагнар напрягся всем телом, но промолчал. Старый Олав равнодушно смотрел поверх их голов. Тоже невидаль, вытаскивают стрелу...

Наконечник стукнул о палубные доски, следом немедленно расплылось тёмное пятно. Впрочем, было видно, что большие жилы не пострадали. Рагнар повернул голову, его глаза улыбались. Он сказал:

– А хорошо, что мы с тобой не успели начать резать друг другу глотки, как собирались, когда появился Рунольв на корабле!

Потом подошёл Эрлинг хёвдинг, и рабы отодвинулись в сторонку. Старый Олав кивнул за корму:

– Рунольв разворачивается за нами...

Эрлинг был без шлема, и тёмные волосы лезли ему в глаза. Он убрал их со лба и сказал:

– А мы разворачиваться не станем.

Олав ненадолго оторвал взгляд от моря. И внимательно посмотрел на молодого вождя.

– По-моему, совсем непохоже на то, чтобы ты испугался, Эрлинг Виглафссон...

Эрлинг усмехнулся:

– Ты ещё говорил, что Рунольв боится показывать корму... А я вот не боюсь.

Он умолк на полуслове. Он смотрел назад, на пёстрый корабль. Рунольв разворачивался там, на пологом склоне громадной волны. И разворачивался мастерски. Но передышка, которую дал себе шторм, кончилась слишком внезапно. Рунольв не разглядел тёмной полосы на воде, предвестницы шквала... Рванул бешеный ветер, и гребень волны вздыбился исполнинской ладонью, накрыв и повалив корабль.

Эрлинг впился пальцами в борт и не заметил крови, выступившей из-под ногтей.

– Бог Ньёрд! – сказал он громко. – Вана-Ньёрд, хранитель Лебединой Дороги, хозяин морских путей! Не отдавай Эгиру этот корабль, и я подарю тебе пленника, если возьму хоть одного!

Смешное обещание: ведь теперь морской Бог мог сам взять кого только пожелает. И многих, а не одного...

Все люди Эрлинга смотрели назад. За корму. Если Рунольвов корабль не встанет, Эрлинг наверняка прикажет править туда... И может быть, успеет снять тело брата прежде, чем подоспеет со своей сетью морская великанша Ран... А потом, наверное, велит подбирать людей Рунольва и связанными бросать их в трюм. Или, наоборот, прикажет рубить всех, кто попыруется ухватиться за борт. И это они сделают, пожалуй, охотнее всего, мстя за Халль-грима вождя!

И Олав Можжевельник уже крикнул готовиться к повороту, когда далеко позади медленно взошло над водяной горой тяжёлое багровое пятно... Парус.

– Рунольв хороший кормщик, если сумел поднять корабль, – сказал Олав с уважением. – Однако, как я посмотрю, не во всём ему сегодня удача!

Эрлинг повернул к нему осунувшееся лицо.

– Возьми круче к ветру, – проговорил он негромко. – Я хочу, чтобы Рунольв посадил их на вёсла. – Потом посмотрел туда, откуда дул ветер, и сказал: – Вана-Ньёрд, я обещал тебе и исполню, если останусь жив.

17

– Мы догоняем! – сказал Рунольв Раудссон. – А ну, навались!

День давно перешагнул полуденную черту. Чёрный корабль уходил всё так же круто под ветер, и Рунольв был вынужден посадить своих по двое на весло, чтобы совсем не потерять его из виду. Его лодья приняла полный трюм воды. Ещё и теперь, выбиваясь из сил, там работало сразу шесть человек... Отяжелевший корабль сидел по-прежнему низко. Он с трудом повиновался рулевому веслу. Волны били его в скулу, и ледяные потоки окатывали гребцов. Но для них, занятых в неистовой работе, холода не существовало... Солёное море лишь смешивалось с солёным потом на спинах, только и всего. Гребли все, в том числе сам Рунольв. Все, кроме тех шестерых и Эйнара у правила. Гребли с тех самых пор, как Эрлинг ударился в постыдное бегство.

На что он надеялся, Приёмыш? На то, что, едва не утонув, они оставят погоню? Или выдохнутся, ворочая вёсла? Да о какой усталости речь, когда чёрный корабль вот-вот будет настигнут...

Огромные волны по временам совершенно закрывали их друг от друга. Но полосатый парус раз за разом возникал там, впереди, – сперва далеко, потом ближе и ближе. Скоро бой: они не предложат Эрлингу сдаться.

– Для второго Виглафссона я добуду себе второй форштевень! – сказал Рунольв.

И вот уже их отделяла от добычи одна-единственная волна. Волна такой величины, что не всякий лучник взялся бы перебросить через неё стрелу.

– К повороту! – скомандовал Олав Можжевельник.

Он стоя держал рулевое весло. Расставив ноги и пригнувшись, словно перед прыжком с высоты...

– Поворот!

Моржовые канаты впились в мозолистые ладони. Парус описал полукруг и вытянулся громадным крылом, впервые разворачиваясь во всю свою ширину... Даже если не выдержит и сломается мачта – теперь наплевать! Нос корабля стремительно покатился под ветер. Вёсла высунулись из люков и помогли, ударив в разные стороны с разных бортов. И по слову кормщика спрятались вновь...

Быстро набирая скорость, чёрный корабль помчался назад. А люди на нём проверяли, легко ли ходили в ножнах мечи.

Эйнар внезапно закричал что-то с кормы...

Ветер отнес слова, но вытянутая рука указывала вперёд. Рунольв оставил весло и приподнялся со скамьи – оглянуться. И на мгновение застыл.

Чёрный корабль был высоко над ними, на гребне. Он летел, похожий на крылатого змея. Летел прямо на них! А чуть впереди неслась страшная боевая песня:

Волны встают
выше бортов.
Лодьи ныряют.
Ветер попутный
и нам и смерти!

Рунольв так и не успел ничего предпринять... Почти все его люди сидели в одних рубашках, а иные и вовсе голые по пояс: попробуй-ка грести в полную силу в толстой боевой куртке с нашитыми железными чешуями! Эрлинг, этот щенок, обманул Рунольва Раудссона, сточившего зубы на вражеских костях.

Чёрный форштевень, окованный позеленевшим металлом, метил его кораблю прямо в скулу. И их разделяло мгновение.

Рунольв знал, как это будет... И уже видел перед собой раскалывающийся, расступающийся борт. И чёрную воду, ревущую в проломе...

Эйнар всё-таки попытался уйти от удара, отчаянно переложив руль. Но и Олав у себя на корме смотрел по-прежнему в оба! Чёрный дракон лёг на крыло. Ближе, ближе – и вместо удара вдруг тяжело и страшно пошёл по вёслам пёстрого корабля, по правому борту!

Однажды видевший подобное – не забудет, куда живёт... С натужным треском ломались крепкие сосновые вёсла. Вздыхались рукояти и ломали хребты гребцам. Рунольва сбило с ног, швырнуло на палубу. Чья-то кровь хлынула в лицо. Чужая кровь! Он смахнул её и вскочил.

Люди Приёмышы уже сбросили парус и закидывали крючья, стягивая корабли. И гудевшие на ветру верёвки некому было перерубить. Уже почти потеряв ход, чёрный корабль вцепился драконьей пастью в кормовой штаг пёстрого... Деревянные клыки оказались прочней. Хлопнул разорвавшийся канат, и мачта со стоном перекосилась налево, так, что захрустел палубный настил.

Люди Эрлинга хлынули через борт, не дожидаясь, пока корабли сойдутся вплотную. Подхватывали на левую руку щиты и на ходу выдирали из ножен мечи. И прыжком перелетали на чужую палубу: смерть!!!

Рунольв встретил их первым...

Копьё Гадюку никогда не видели далеко от хозяина. Вот и теперь достаточно было пошарить рукой, и пальцы оплели знакомое древко. Рунольв зарычал, как бешеный берсерк... Огромный, в седеющих космах, и копьё Гадюка то рубило широким лезвием, как послушный меч, то жалило, как живая змея! Он не звал своих в битву. Он бился!

Гадюка встретила самого первого прыгнувшего через борт... Остановила в прыжке, и воин без вскрика ушёл вниз, в чёрную воду. Но их было слишком много. Они перелетали с корабля на корабль, занося секиры, что-то яростно крича. Как перевернувшийся котел с кипятком!

Рунольв искал между ними Приёмыша и всё не находил. А половина людей из Торсхова уже лежала между скамьями, и им не суждено было встать. Им, ни разу не принимавшим боя на своём корабле! Позор, за который расплачиваются только одним. Кровью.

Потом перед Рунольвом встал Олав... Эрлинг вождь долго уговаривал старика не ввязываться в битву. Не помогло. Было у меня четверо сыновей, сказал Можжевельник. Теперь трое. И прожил я не короткую жизнь.

Оказавшись с Рунольвом лицом к лицу, Олав коротко потребовал:

– Все прочь!

Вокруг сразу же расступились: чужие, кто ещё отбивался, и свои.

Рунольв тяжело переводил дух, опершись на копьё... Только тут, как-то сразу, он почувствовал, до чего вымотала его иступленная гребля и схватка с морем, едва не погубившим корабль... Его не ударят в спину, он это знал. Но на лица достаточно было посмотреть один раз, чтобы понять: проиграть единоборство Олаву не дадут.

– Олав Вшивая Борода! – прохрипел Рунольв, перехватывая копьё. – Ты умрёшь той же смертью, что и твой щенок, родившийся в мусорной куче!

Олав ответил:

– Думается, мой сын умер достойно. А вот о тебе навряд ли кто это скажет, Рунольв Убийца Гостей...

Рунольв прыгнул вперёд, занося копьё для удара. Видевшие рассказывали, будто у него светились глаза и пена шла изо рта. Так или нет, а только старый Олав мог ещё поучить боевому искусству кое-кого моложе себя. Копьё Гадюка лязгнуло о его меч. Олав отбил первый удар. Потом второй и третий. А потом постепенно, шаг за шагом, погнал Рунольва назад...

Эрлинг Виглафссон дрался на носу пёстрого корабля. Несколько раз он встречал соперников сильнее и искуснее себя. Но удержать его они не могли. Потому что Эрлинг всё время видел перед собой высоко поднятый форштевень и задубелые от соли моржовые ремни, प्रदेशенные в кованое кольцо...

Только раз он едва не погиб. Там, возле борта, умирал на пригвоздившем его копьё один из Рунольвовых людей. Но тускнеющие зрачки поймали младшего Виглафссона, и доглевавшее сознание встрепенулось. Последняя ярость выпрямила пробитое тело, рука приподнялась и пустила судорожно стиснутый дротик... Эрлинг не увидел броска. Но его увидел Бьёрн, и Бьёрн оказался начеку. Перехватил свистевшее жало и замахнулся, чтобы метнуть обратно... Но добивать было уже некого. Тело возле борта безжизненно моталось в такт качке. Душа же торопилась в Вальхаллу, опытный Бьёрн понял это сразу. Славная смерть! О ней расскажут у очага, когда настанет пора вспоминать этот бой.

Потом Эрлинг вскочил на бортовые доски и, как некогда Эйнар, бесстрашно повис на снастях. Волны тяжело били в грудь кораблю, обдавая и Халльгрима, и его.

– Брат! – крикнул Эрлинг. – Халльgrim, брат, это я!

Халльgrim не отозвался – только ветер гудел в натянутых снастях. Море раскачивало и швыряло корабли, зелёными потоками врывалось на палубы, смывало кровь... В обоих

трюмах, не поднимая голов и не обращая внимания на битву, трудились люди с ведёрками в руках. Их никто не трогал...

Эрлинг вцепился в ремни, вытянулся изо всех сил – и всё-таки достал брата рукой, про-сунул пальцы под куртку, разорванную на груди. Новая волна накрыла обоих. Ноги Эрлинга сбросило с борта, и он повис рядом с Халльгримом, обнимая его одной рукой.

Вот тогда-то померещились ему под разорванной курткой чуть заметные, медленные толчки...

– Он жив! – крикнул Эрлинг Бьёрну Олавссону, схватившему его за пояс. – Он жив!

Это услышала вся палуба. Возле Эрлинга и Бьёрна, хромая, появился Рагнар. В руке у Рагнара был нож. Молодой раб высунулся за борт и посмотрел вниз.

– Подержи-ка меня за ноги, Олавссон, – сказал он Бьёрну. – Я разрежу сапоги, они приколочены.

Болтавшаяся рукоять правила упёрлась Рунольву между лопаток...

Знакомая рукоять, до тёмного блеска отполированная за годы его, Рунольва, ладонью! Не будет больше ничего: ни побед, ни сражений, ни счастливого лица дочери... Ничего и никогда! Олав Можжевельник загнал его на самую корму. К сиденью рулевого. Туда, где он, Рунольв, провёл большую половину своей жизни. И лучшую половину...

Олав смотрел на него спокойно и хмуро. Рунольв заслуживал срама. И должен был сполна его получить.

Но тут Рунольв разглядел на другом конце корабля такое, отчего его глаза выступили из орбит. Из груди вырвался рёв... Там, на носу, трое людей втаскивали через борт огромное негнущееся тело!

Бешеный натиск Рунольва заставил Олава сделать несколько шагов назад... И тогда Рунольв могучим размахом послал Гадюку в полёт. Над головами, над палубой – через весь корабль! Пускай это будет последнее, что он успеет сделать на свете, – но жизнь Халльгрима Виглафссона он заберёт.

Последний удар Рунольва Раудссона – странно было бы ждать, чтобы этот удар не попал в цель...

Но вскинулся на пути иссечённый щит Бьёрна Олавссона. И принял летящую смерть на себя. Не будь щита, Бьёрн остановил бы копьё собственной грудью. Гулкий удар швырнул его на колени. Гадюка пробила крепкое дерево и руку Бьёрна ниже плеча... Глубоко вошла в палубу и остановилась, тяжело трепеща.

Это была последняя неудача. Рунольв Раудссон по прозвищу Скальд вскочил на высокое кормовое сиденье и одним взглядом окинул свой корабль... Уже не свой, уже принадлежавший врагу! Не более пяти человек устало отбивались от нападавших, прижатые, как и их вождь, к борту лодьи. Солнце клонилось к закату, тучи на западе пылали неверным лиловым огнём. Пена на гребнях волн казалась кровавой.

Он расхохотался... И крикнул так, что сражавшиеся вздрогнули:

– За мной, все люди Рунольва!

И когда его воины подняли головы – взмахнул руками и ринулся в море. Ледяная вода заглушила его смех.

Ни один из пятерых не пожелал отстать от вождя. Но ни одному не дали этого сделать. Трёх зарубили здесь же, у борта, и мёртвыми бросили в воду. Двоих скрутили и оставили на палубе, биться головами о скамьи.

А на том месте, где скрылся Рунольв, ещё не разошлись круги, когда кто-то стремительно пробежал на корму, перескакивая через скамьи и тела. С маху всадил в бортовую доску почерневший топор – и сильным прыжком кинулся в темноту.

Это был Этельстан. Никто не успел его остановить...

– Вот верный раб, – вытирая меч, проворчал кто-то из победителей. – Смотрите-ка, хоть и ругался, а последовал за хозяином.

Он ошибался. Нырнув, Этельстан открыл под водой глаза. Поверхность над ним переливалась всеми цветами от зелёного до густо-багрового. И слышался далёкий размеренный гул... Холод обжигал тело, внизу лежала непроглядная тьма. Этельстан шёл вниз, зная, что второго раза не будет.

Потом он увидел... Расплывчатая, двоящаяся тень уходила от него вниз, во мрак глубины. Этельстан устремился в погоню... Вскоре заложило уши, он отчётливо понял, что воздуха в лёгких не хватит для дороги назад... Богородице, дево, не оставь душу, обугленную грехами, одноглазый Бог прадедов, помоги! Молитву услышали. Пальцы вытянулись, как когти, вцепились в струившуюся гриву волос... Всё. И не страшна больше ни смерть, ни солёная вода во рту.

Этельстан повернул обратно, к поверхности... Медленно, слишком медленно, чтобы спастись! Рунольв, успевший наглотаться воды, не сопротивлялся. Но его тело даже под водой сохраняло непосильную тяжесть.

Потом сознание помутилось...

Четверо, взятые живыми, сидели вдоль борта. Одного из них не стали даже вязать: он раскачивался взад и вперёд, обхватив ладонями голову. Этот долго не проживёт... Ещё у одного была перебита рука; двое других выглядели получше.

Эрлинг подошёл к ним и указал на одного из этих двоих:

– Развяжите его...

Хирдманны повиновались. Парень выпрямился и сложил на груди сильные руки. Он глядел на невысокого Эрлинга сверху вниз. Все они здесь знали друг друга: это был Эйнар.

Эрлинг сказал так:

– Я просил Вана-Ньёрда спасти ваш корабль и пообещал ему пленника.

Эйнар чуть поднял кудрявую голову. Только и видно было, как сильнее сжались его челюсти да скривились сомкнутые губы. Тот, с перебитой рукой, подал голос:

– Возьми и меня, Приёмыш. Мы с ним друзья.

Эйнар обернулся и подмигнул ему, оскалив в улыбке ровные зубы.

Эрлинг вытянул руку:

– Ступай в море.

Эйнар промедлил как раз столько, сколько требовалось, чтобы не показаться покорным... Трусом, он знал, его не назовут и без этого. Потом шагнул вперёд и легко, по-кошачьи, вскочил на борт. И встал, балансируя, на самом ребре доски.

– Будь здоров, Приёмыш, – проговорил он спокойно, положив руки на узкие бёдра. – Нынче твоя взяла, но ты ведь сам знаешь, что всё может и перемениться. А я хоть посмотрю, каков с виду морской Бог Ньёрд и вправду ли так велик его корабельный двор Ноатун, как об этом болтают. До встречи, Бёдвар, друг!

Связанный Бёдвар рванулся встать – его ударили черенком копья, повалили на палубу.

Эйнар шагнул в море. Стылая вода приняла его, но вскоре он вынырнул. Погрозил кулаком и быстро поплыл прочь от корабля...

Кто-то из стоявших подле Эрлинга взялся за лук и стал прилаживать к жилке стрелу.

– Пусть его, – подняв руку, сказал Виглафссон. – Теперь им распоряжается Ньёрд...

Рагнар перетягивал Бьёрну окровавленную руку, когда внизу, под ними, что-то тупо стукнуло в днище. Потом опять.

– Мертвец, – сказал Бьёрн.

Но тут снизу послышалось царапанье, и оба вскочили, перегнулись через борт.

По дубовой обшивке, сдирая ногти, сползала страшная синяя рука. Скрюченные пальцы шевелились, пытались зацепиться... и не могли.

Рагнар отшатнулся, но в следующий миг ему почудилось нечто знакомое. Не родимое ли пятно на запястье? Так и не вспомнив, где видел его, он всё-таки свесился вниз и схватил уже ускользавшую руку, и та, вздрогнув, вцепилась в него смертным пожатием.

Рагнар храбро сражался с людьми – но не с выходцами из могил. Он мгновенно взмок от ужаса и завопил не своим голосом:

– Бьёрн!

Бьёрн обхватил его поперек тела, не пожалев раненого плеча... и в глубине проступило запрокинутое лицо Этельстана. Глаза англа были закрыты, из ушей и ноздрей тёмными струями плыла кровь. Подоспевшие на помощь рванули его вверх. Голова приподнялась над водой, но и только: что-то держало его там, внизу, точно камень, привязанный к ногам. Двое отчаянных выпрыгнули за борт...

Пальцы в волосах Рунольва не разомкнулись даже на палубе, когда обоих уложили и стали откачивать...

18

Три дня и три ночи бушевал шторм... Но потом занялось ясное, чисто умытое утро, и обледеневшие скалы засверкали на солнце.

В это утро к воротам Сэхейма верхом на лошади прискакал Сигурд Олавссон.

– Возвращаются! – крикнул он выбежавшим навстречу. – Наш идет впереди!

И первым звуком, ответившим ему со двора, был женский плач. Плакала красавица Гуннхильд, все три дня просидевшая с сухими глазами и молча. Теперь она обнимала подбежавшую Звениславку, и ноги у неё подгибались.

Люди Морского Дома, всё это время державшие оружие под руками, высыпали на берег... Хотя корабли были, конечно, ещё далеко. Эрлинг возвращался. Он победил в бою, из которого его ждали почти без надежды. Эрлинг вождь...

Потом подъехал Видга. Сын хёвдинга не мог покинуть сторожевых скал прежде, чем корабли войдут в фиорд. Наверное, он видел их совсем близко. И даже разглядел на палубе нечто, укрытое кожаным пологом от ветра и брызг.

Видга спрыгнул с коня и отдал поводья рабу.

– Эрлинг отбил отца, – сказал он негромко. И тоже пошёл на берег, обходя столпившихся людей. Скегги хотел было подойти к нему, но не посмел.

И вот наконец из-за поворота фиорда выдвинулись корабли... Совсем как тогда – один за другим. Но только теперь чёрный корабль шёл впереди. И оба двигались медленно. Словно бы устало. На каждом трудилась едва половина обычного числа гребцов...

И Эрлинг Виглафссон действительно махал рукой, стоя на носу.

Видга жадно следил за тем, как два драккара входили в ограду и подтягивались к берегу, бросая якоря. Их не будут вытаскивать: завтра же, как рассветет, воины пойдут грабить Торсхов!

Вот наконец причалили, и с берега понесли сходни – Видга держал их за один конец... И едва сходни легли, он в два прыжка взлетел по ним на борт.

Может быть, Эрлинг что-то сказал ему, но он не услышал. Видга не слышал голосов людей, сходявших с корабля и рассказывавших о бое. Не слышал горя женщин над телами восьмерых павших.

Халльгрим хёвдинг лежал на палубе своего корабля... На разостланном кожаном плаще, закутанный в тёплый мех. Тот не викинг, кто не умеет обогреть раненого и позаботиться о его ранах. И начертать на палочке руны, унимающие муку. И даже если вокруг море и палуба корабля уходит из-под ног...

Для Видги во всём мире существовало только лицо отца. Бескровное, с закрытыми глазами. Покрытое щетиной, как ржавчиной, облепившей железное остриё...

Видга сел на палубу и провёл ладонью по его щеке. Осторожно, чтобы не потревожить. Только четыре дня назад он, смеясь, садился в седло – ехать к Рунольву. Четыре дня назад!

– Подбери нюни, недоносок! – долетело через борт. Видга вскинул глаза – и рука сама собой метнулась к ножу! Ибо на пёстром корабле только что подняли на ноги Рунольва. И отвязывали от мачты, чтобы вести на берег.

– Теперь-то меня может убить даже такой никчемный, как ты, – подметив движение Видги, сказал Рунольв. – Однако тот бой мог бы кончиться по-другому!

У Видги побелели скулы, но он ответил тихо:

– Тогда у него остался бы сын.

Рунольв издевательски засмеялся... Его толкнули в спину, и он шагнул по палубе к сходням. Но всё-таки обернулся, чтобы насмешливо бросить через плечо:

– Ты не его сын, и потому-то он не спешит ввести тебя в род.

Рунольв спускался по сходням с высоко поднятой головой, навсегда покидая свой корабль.

Он совсем не выглядел измученным или ослабевшим. Он не был ранен в бою. Да и на обратном пути ни холодом, ни голодом его не морили. Люди Эрлинга с радостью учинили бы над ним ещё что-нибудь похуже того, что сам он сделал с Халльгримом Виглафссоном. Но Эрлинг расправу запретил. И Рунольв понимал, почему.

Он знал, что жизни ему не оставят. И полагал, что прощание с ней окажется долгим и трудным... Он с усмешкой оглядел Сэхейм, когда-то принадлежавший ему. Весь – вместе с хозяйкой! Потом мельком – стоявших во дворе людей. Когда будут раскраивать спину, он не позабавит их криком. Он, Рунольв хёвдинг сын Рауда, по прозвищу Скальд! А над головой горело синее небо, и где-нибудь там – скоро он узнает, где именно, – поднимется перед ним Вальгринд, кованая входная решётка обители Отца Богов!

Халльгрима вынесли с корабля на кожаном плаще... Один из углов – крепко, не выскользнет! – держал Видга. Халльгрим не застонал, когда поднимали плащ. Воины осторожно сошли наземь и медленно пересекли двор, и люди подходили посмотреть на вождя. Халльгрима внесли в дом и уложили на его спальное место, на широкую лавку у очага... Они сделали для него всё, что могли. Теперь он боролся сам.

Видга сел возле отца, взял холодную, изуродованную путами руку. Стал гладить её, отогревать дыханием... Во дворе прокричал рог, созывая людей на домашний сход – хустинг. Видга не повернул головы.

Зеленоокая Гуннхильд ни на шаг не отходила от мужа. Эрлинг гладил её растрепавшиеся волосы, целовал заплаканные глаза.

– Сколько наших погибло? – спросил его Хельги.

– Восемь... Семеро в битве, и ещё один умер от ран.

– Кто?

Эрлинг назвал.

– А у Рунольва?

Эрлинг ответил коротко:

– Мы привезли троих.

– Так! – сказал Хельги. – Давненько в Торсхове не видели красного щита на мачте, брат!

Звениславка уже водила его на пёстрый корабль. И он ходил по его палубе, трогая зрячими пальцами следы боя. Ему рассказали, каким был этот бой.

А потом хрипло проревел рог, и люди стали собираться в круг. Воины – и женщины позади них. Так присоветовала сыновьям ещё Фрейдис: ведь и женщина может дать мудрый совет. И даже раб; потому-то рабам в Сэхейме многое позволялось...

А посередине круга стоял Рунольв Раудссон.

– Я был тебе соседом, – сказал ему Эрлинг. – А в этом доме ты сидел за столом! Ты заслуживаешь, чтобы зарыть твои кости на краю прилива, Рунольв. Там, где встречаются зелёный дёрн и морская волна. Потому что ты поднял руку на гостей.

Рунольв повернулся к нему и плюнул на землю.

– Складно ты болтаешь, Приёмыш, пока у меня связаны руки!

Круг сидевших загудел, как потревоженный рой. Но в это время рядом с Эрлингом во весь рост выпрямился Хельги:

– Не тебе, Рунольв, говорить о связанных руках!

Тут люди разом притихли. Что-то ещё скажет средний Виглафссон?.. А Хельги поднял слепое лицо к солнцу и обратился, казалось, прямо к нему:

– Пусть Рунольву завяжут глаза и дадут нам обоим по топору!

Звениславка ахнула подле него, но никто не услышал. Воины разом соскочили с мест, крича и плашмя колотя мечами в щиты! И называлось это – шум оружия, вапнатак! Чем бы ни кончился затеянный поединок, память о нём должна была остаться надолго... Память всегда живёт дольше людей.

Рунольв без усилия перекрыл шум:

– А что будет, если я его убью?

– Сначала убей! – крикнул кто-то. – Тогда и поговорим!

А старый Можжевельник добавил негромко:

– Ты не победишь...

Сигурду Олавссону бросили толстую тряпку, и он принялся завязывать Рунольву глаза. Тот усмехнулся:

– Я не думал, что ты станешь возиться, брат Гудрёда. Я думал, ты просто меня ослепишь...

– И ослеплю, если велят, – ответил Сигурд угрюмо. – А вздумаешь подсматривать, так и без приказа. И ты это запомни!

Мальчишки помладше со всех ног понеслись за ограду – нарезать ореховых прутьев... Такими прутьями ограждали когда-то поля сражений: выползешь за черту – получишь пощаду. Здесь пощады не будет: и не попросят её, и не дадут! Но пусть видят боги, что всё совершается по чести...

Хельги принесли его секиру. Сын Ворона ощупал острое лезвие и остался доволен.

– Поставьте-ка меня к Рунольву лицом...

– Хельги! – окликнул его кто-то. – Рунольв в броне, а ты в простой куртке... Возьми мою!

– Нет, – отказался Хельги. И добавил: – Не будет ему проку от этой брони!

И эти слова запомнились...

Их поставили друг против друга. Обоим надели на шею бубенчики из тех, что навешивают на хвостовое перо охотничьим птицам. И расступились, оставляя противников наедине.

– Сходитесь! – сказал Можжевельник.

Хельги и Рунольв медленно двинулись вперёд... Над головами сидевших разлилась тишина. Лишь у берега дрались голодные чайки, поссорившиеся из-за рыбёшки.

Ни один не уступал другому ни ростом, ни шириной плеч. Разве только то, что Хельги годился Рунольву в младшие сыновья...

Рунольв ударил первым. Услышал ли он приближение Хельги, или просто прикинул нужное число шагов – этого никто никогда не узнал. Рунольв резко взмахнул обеими руками и со свистом обрушил топор перед собой.

Удар был страшен. Окажись Хельги на полшага ближе к врагу – и умер бы, не успев упасть. Но он всё-таки отпрянул назад. Острое лезвие лишь скользнуло по его груди, с треском располосовав толстую куртку...

Стон пронёсся по двору: по кожаным лохмотьям щедро полилась кровь.

– Рунольв! – разом крикнули двое пленных. Этот хёвдинг стоил того, чтобы за ним идти. Навеки – до огня и костра!

Рунольв водил вокруг себя секирой, зажатой в вытянутой руке. Губы его шевелились, но что он говорил и кому, никто не слышал. Рунольв знал, что ранил противника. Но проклятая тряпка не давала увидеть, велика ли удача.

– Рунольв! – крикнул Хельги, и смотревшие вздрогнули. Хельги прыгнул вперёд, заноса топор... Но крик был ошибкой: Рунольв встретил его новым ударом, пришедшимся в голову.

Небо рухнуло наземь, и мировой ясень Иггдрасиль, выкорчеванный, потряс в воздухе тремя своими корнями... Хельги зашатался, проваливаясь во мрак. Но руки, сжимавшие топор, ещё жили. И они нанесли удар, от которого невозможно было спастись.

Рунольв закричал. Страшным криком живой плоти, в которую ворвалась смерть. И упал. Он упал в воду с борта своего корабля, смеясь и потрясая копьём. Вода была чёрной, как дёготь, и почему-то горячей, и в ней разгоралось далёкое зарево. Наверное, это шёл навстречу пёстрый корабль под парусом, похожим на багрово пылающий факел, и правило колебалось в тёмной воде, ожидая знакомой руки...

А может быть, это спешил за ним из Вальхаллы корабль мертвецов, никогда не пристающий к берегам...

19

И вот занялось утро, назначенное увидеть Торсхов горящим.

И застало перед воротами Сэхейма каких-то странных людей, выехавших из леса...

Было их около дюжины; все вооруженные и верхами, а под тем из них, кто более прочих походил на вожда, перебирал ногами крупный серый конь – прежний любимец Рунольва. И на плече у главаря висел белый щит...

– Вот как, – усмехнулся Эрлинг, когда караулившие у ворот прибежали за ним в дом. – Опять из Торсхова, и опять с миром... А сказали хоть, чего хотят?

Приезжие хотели видеть Эрлинга Виглафссона, и он велел впустить их во двор. Ворота раскрылись – и сын Ворона не сдержал удивления.

– А ведь я тебя знаю, – сказал он предводителю. – Ты Дрётт Валландец, скотник Рунольва. Откуда ты здесь и кто тебя прислал? И почему вы все с оружием?

Впрочем, было ясно – там, в Рунольвовом дворе, что-то произошло. Дрётт отозвался с достоинством, какое не всякий раб осмелился бы себе позволить, а раб из Торсхова и подавно:

– Рунольв Раудссон и вправду называл нас трэлями, но только этому больше не бывать. Вы тут навряд ли слышали про то, что мы вчера ещё перевешали всех, кого он оставил стеречь двор. А сюда к тебе приехали потому, что ты теперь, уж верно, готовишь корабль – жечь Торсхов!

Вокруг быстро собирались люди, и приезжие ерзали в седлах, чувствуя себя неудобно.

– Смелое и большое дело вы совершили, – сказал Эрлинг. – Однако стоит ли хвалить изменивших хозяину, который всех кормил!

Эти слова заставили Дрётта Валландца слезть с лошади и подойти к Эрлингу вплотную. Было видно, как непривычно он чувствовал себя в шлеме и с мечом, болтавшимся у бедра, – этим рукам больше подходила лопата...

– Тебя, Виглафссон, называют Приёмышем, – проговорил он негромко, глядя на Эрлинга одним глазом – второй у него был давным-давно выбит. – И думается мне, добрые норны стояли подле тебя, потому что тебя подобрал твой старик, а не Рунольв... Иначе ты бы теперь пас свиней и ел с ними из одного корыта, чтобы не протянуть ноги. А потом у твоей жены родился бы сын и ты бы сразу принялся гадать, на кого он будет больше похож – на тебя или на Рунольва! Если только твоего сына вовсе не вынесли бы в лес, чтобы не разводить лишние рты!

Друзья одобрительно зашумели у него за спиной. Да что говорить! И без них весь фиорд знал о том, как Рунольв однажды зарубил раба только потому, что тот стоял удобно для удара.

Тут из дома выглянул Этельстан. Прежние товарищи мигом разглядели его с сёдел. Такого необычного и незнакомого в крашеной одежде хирдманна, в красивых новых сапогах! Захочет ли подойти? Этельстан живо протолкался к ним и крепко обнял Валландца: как бы ни повернулось дело, у Дрётта здесь был по крайней мере один испытанный друг. Эрлинг смотрел на них молча. Думал, как поступить...

– А тебе, – вновь обратился к нему Дрётт, – мы вот о чём порешили сказать. Бери Торсхов без боя и живи в нём, потому что твой двор сгорел. А нас всех назовёшь своими людьми. Но только мы теперь будем свободными бондами и поселимся кто где захочет, и наши дети унаследуют всё добро, какое мы наживём. Вот так; и если это тебе не по сердцу, мы будем сражаться, и живыми ты нас навряд ли возьмёшь!

Это были отчаянные речи, и воины вокруг загомонили – одни недоуменно, другие с пробуждающимся гневом. Выслушивать подобное, и от кого же! От скотника!

Однако Эрлинг всё ещё молчал, и Этельстан, стоявший с Дрёттом плечо к плечу, негромко заметил:

– Тот не стоит свободы, кого можно сделать рабом.

И такие слова никого не удивили, ведь у себя дома, в стране англов, Этельстан принадлежал к знатному роду. Но неожиданно за Дрётта заступился и старый Олав.

– Эрлинг, – сказал мореход. – На твоём месте я поднёс бы им пива. И сам выпил бы с ними из рога, хотя бы от них и пахло хлебом. Потому что взять свободу не меньше чести, чем унаследовать. Наследие даётся легко!

Эрлинг покосился на него – но потом всё-таки взял Дрётта за плечо.

– Храбро ты разговариваешь, Валландец, и ещё храбрее поступаешь... Но не знаешь ты того, что самому смелому нет нужды пугать других. Твоё счастье, что ты мне всё это наговорил, а не братьям. Вот они-то сочли бы за трусость не сжечь после этого Торсхов. Да и тебя вместе с двором! Ну а меня самого называют Эрлингом Бондом...

Угрюмый Дрётт впервые улыбнулся при этих словах, напряжённые плечи опустились. Он хитро прищурил на Эрлинга единственный глаз, и морщинистое лицо помолодело сразу на десять зим.

– Вот потому-то мы и хотели видеть тебя, Эрлинг Виглафссон, а не их...

Халльgrim хёвдинг был совсем плох...

– Зря ты отпустил Бёдвара и того, второго, – попрекнул Эрлинга Хельги. – Если мы теперь принесём в жертву раба, не оскорбит ли это богов?

Олав кормщик посмотрел на Хельги поверх головы больного и сразу уронил взгляд. Нехорошая мысль посетила его... Умрёт Халльgrim, и слепой брат не сможет занять его места. Эрлинг хёвдинг – и Видга, ревниво косящийся на двоюродных братьев! Вот так и появляются в море бродячие корабли и вожди на них, никогда не выходящие на берег...

Видга сказал, не поднимая головы:

– Принеси в жертву меня.

У Хельги почти всё лицо было скрыто повязкой – никто не видел, что оно выражало. Хельги ответил, помолчав:

– Ты, верно, слыхал про Ауна конунга и про то, как он одного за другим жертвовал сыновей, чтобы прожить ещё несколько зим... Ты хочешь, чтобы твоего отца назвали подобным ему?

Видга промолчал. Одеяло на груди отца медленно приподнималось и опускалось. Это движение завораживало, притягивало взгляд, заставляло гадать – сбудется или не сбудется следующий вздох...

За этого вождя любой из его людей сам продел бы голову в петлю и смеясь подставил бы сердце копьём... Но тут-то заморыш Скегги подобрался к своей Ас-стейнн-ки и тихонечко потянул её за руку:

– А как лечат у вас в Гардарики?

Он прошептал это слишком громко. Все обернулись.

– Ты что сказал? – спросил Хельги грозно.

У Скегги от ужаса отнялся язык. И пришлось Звениславке отвечать за него:

– Он спросил, как лечат у нас на Руси...

Хельги встрепенулся:

– Как?

Теперь уже не у Скегги – у самой Звениславки съёжился в груди холодный комок! Но послушная память сразу закружила перед нею водоворот лиц – быстрее, быстрее... – и выплыло любимое. Лицо страшное, разрубленное хазарской саблей через лоб и скулу... и глаза, остекленевшие от муки. И высокая седая старуха, которую никто не помнил молодой и которую называли Помощницей Смерти ещё когда Звениславкин отец, рыжеусый Малк Военежич, босоногим мальчишкой свистел в глиняные свистульки... Помощница Смерти поглядывала на солнце, и тёмные, бездонные глаза не моргали. И крест-накрест плыл над распластанным парнем ярко сверкавший топор...

Звениславка собралась с духом и пролепетала:

– У нас велют сотворить крест топором...

– Ну так и сотвори, – сказал Хельги нетерпеливо.

Однако Олав кормщик запустил в бороду пальцы:

– Расскажи сперва, для чего крест!

Его, Олава, отец, по имени Сигват Ветер, когда-то попал в плен в стране франков, молившихся распятому богу. По счастью, Сигват сумел от них убежать, но крест остался при нём – багровой отметиной на лбу...

Пришлось объяснить:

– Это знак Дажьбога... всё ведь от солнца... к кому же ещё о здоровье, если не к нему.

О Дажьбоге Можжевельник слыхал не больше, чем Звениславка – о Христе. Он спросил по-прежнему недоверчиво:

– А услышит тебя твой... как ты его назвала? Гардарики неблизко.

Звениславка ответила радостно:

– Одно солнце на свете!

Хельги толкнул в спину племянника:

– Принеси-ка мой топор.

Видга, вздрогнув, сорвался с места... Хельги обнажил секиру, нашёл на лезвии зазубрину.

– Крепкие рёбра были у Рунольва Скальда... Твори своё колдовство. Это даст тебе удачу.

Гладкая сталь блестела на солнце, лившемся в распахнутый дымогон... Звениславка взяла тяжеленный топор и едва удержала его в руках. И снова накатил ледяной страх: какая

из неё ведунья? Как молиться, что говорить? Как помочь? Весь дом смотрел на неё, отказываться было поздно.

Звениславка зажмурилась, запрокинула голову, чувствуя, как взошли к глазам слёзы ужаса и надежды... Медленно плыло в синей вышине доброе бородатое солнце с лицом в точности как у деда Военга. И страх внезапно пропал: да кого боишься-то, глупенькая? Звениславка протянула к нему руки с лежавшим на ладонях топором. Солнышко красное, Дажьбог ты Сварожич, дарующий тепло и свет! Высоко ходишь, ясный, в небе, от земли-матушки по счёту четвертом. Да ласкаешь себе приветно грады и веси, доли и горы! И всем светишь одинаково: руси и урманам, и сваям с данами, и варягам, и ромеям, и немцам, и темнолицым булгарам, и тем дальним, про чей род-племя и заезжие гости слыхом не слышали. Возьми, дедушко, свою золотую секиру...

Тут светлый блеск коснулся её сомкнутых век. За то время, что она молча беседовала с Дажьбогом, солнечные лучи продолжали обходить свой круг. Они ярко ложились теперь и на Халльгрима, и на топор.

Неподвижно стоявшую Ас-стейнн-ки не беспокоили ни звуком: не помешать бы ненароком чудесам гардского Бога! Кто знает, может, хоть это отгонит смерть от вождя...

Секира переливалась в руках у Звениславки, как чистое золото. Дажьбог сиял прямо в лицо – солнечный дед улыбался.

Солнышко трижды светлое! Ужель труд тебе выдворить из тела злую истому-недуг, заменить добрым здоровьем? Родная внучка просит...

Тут она наклонилась и приложила тяжёлый топор ко лбу Халльгрима, к его животу, к одному плечу и другому. Знак Солнца, золотой знак! Руки дрожали и готовы были отняться. Старый Олав бережно принял у неё топор.

Халльgrim перекатил голову на сторону, брови сдвинулись и угрожающе, и жалко... Олав поправил на нём одеяло и стал смотреть на него, подперев бороду кулаком. Не выйдет ли так, что хёвдинг очнётся и запомнит, каким Богам молился тридцать четыре зимы?

...Звениславка не помнила, как выбралась из дому. Ноги сами принесли её в корабельный сарай: тут никто не найдёт! Она припала лицом к форштевню чёрного корабля. Горячей щекой к мёрзлому дубу, неистребимо пропахшему солью и смолой... Корабль, кораблик, бывал же ты на Руси! Колени подогнулись, она поникла на землю у заиндевелого киля – и расплакалась.

И не сразу почувствовала расторопные руки, кутавшие её тёплым платком. И услышала голос, уговаривавший не плакать. Впрочем, этот голос и сам изрядно дрожал. Скегги стоял подле неё на коленях и, захлёбываясь, рассказывал, как чудесно она колдовала, – вот теперь-то Халльgrim непременно останется жить!

– Он выздоровеет! Вот увидишь! Ас-стейнн-ки! И ты поедешь в свою страну!

Услышал он эти слов в разговоре или придумал их сам – она не спросила. Длинная тень пролегла от порога: в дверях стоял Видга. Малыш поспешно высморкался, чтобы сын хёвдинга не посмеялся над ним за слабость. Но Видге был не до него. Он молча взял Звениславку за плечи, заставил поднять голову. Посмотрел в мокрое от слёз лицо... Потом пошарил у себя на груди и стащил через голову самодельный оберег – клыки матёрого волка на потрёпанном ремешке.

Память о победе, одержанной им в возрасте Скегги...

Он надел свой оберег Звениславке на шею и ушёл, так и не произнеся ни слова. Да и о чём говорить?..

20

Халльгрим хёвдинг выздоравливал – но нелегко... Раны и ледяная осенняя вода не загнали его в могильный курган, однако свалили надолго. И станет ли он прежним Халльгримом вождём, этого не ведал никто. Пока что он даже есть не мог без сторонней помощи. Обе руки, безобразно распухшие, не слушались и болели. Видга кормил отца с ложки и ухаживал за ним, как ещё не всякая нянька. Никому не позволял сменить себя подле него. Не вспоминал ни о лыжах, ни о рыбной ловле. Спал здесь же – урывками, вполглаза.

Сам отбирал для пятнистой козы душистые веники, сам её доил. И поил отца из деревянной кружки целебным парным молоком...

Эрлинг Виглафссон не успел как следует обжиться в Торсхове, когда с юга, из ближнего фиорда, по первому снегу прибыли гости. Старший из них привёз на груди палочку тёмного дерева, испещрённую полустертыми рунами: знак сбора на тинг.

Такую палочку передают от двора к двору, когда населённый край зовёт своих мужей на совет. Кто-то принёс её в тот южный фиорд, и вот теперь она путешествовала дальше. И как всегда, торсфиордцам предстояло отвезти её к месту тинга. И отдать законоговорителю – до следующего схода.

Ибо севернее Сэхейма лежала уже не Страна Халейгов, а Финнмёрк. Другие люди жили там – их называли здесь финнами. Иное племя и обычай иной...

Соседи приехали зимним путём: на санях, по старой горной дороге. Вот и пришлось Эрлингу первым их принимать, потому что Торсхов стоял ближе к горам.

Немало подивились гости, увидев его новым хозяином двора. Подивились и порадовались. Ибо сыновья Ворона всегда ходили походами далеко на юг, не трогая живших вблизи. Зато Рунольв, веривший в себя беспредельно, грабил всех без разбору...

– Отдохните с дороги, – сказал Эрлинг прибывшим. – А мы с братьями пока решим, кому из нас ехать.

И не так-то просто было об этом решать! На тингах принимают законы и судят о важном – о судьбах людей и всей земли. Кому же выступать вперёд других, как не лучшему в роду?

На тинг приносят свои обиды и тяжбы и просят поддержки у закона страны. И закон законом, но часто бывает так, что правым выходит тот, кто посильней. Вот и ищут малые люди заступничества у именитого человека. А много ли во всём Халогаланде воинов именитей Халльгрима Виглафссона? Кто лучше него решит, за кого заступиться, кому помочь?

А ещё на тингах договариваются о свадьбах, встречают старых друзей – и приобретают новых врагов. Покупают и продают, стравливают людям на потеху свирепых жеребцов... Ибо раз в год здесь собирается вся огромная округа-фюльк. Кто же лучше хёвдинга сумеет позаботиться об удаче и достатке всей родни?

Но Халльгрим лежал пластом. И Видга приподнимал его на подушке, чтобы влить в рот мясной отвар.

– Поеду я! – сказал Хельги. – И со мной – Бьёрн Олавссон и ещё кто-нибудь. А Олав с Эрлингом пускай стерегут двор!

Не произнесённое вслух, за этим стояло: а обо мне, если вдруг что, печали немного... Место тинга было в нескольких днях пути на юг, и дорогу считали опасной.

В прежние годы Халльгрим редко отпускал Хельги одного... Знал брата, знал горячий нрав, сколько раз доводивший мало не до беды. Однако нынче, ничего не поделаешь, придётся ждать о нём вестей. И то верно, не Эрлинга же посылать... Халльгрим, отдыхая после каждого слова, сказал только одно:

– Почаще вспоминай об Ас-стейнн-ки, брат.

Хельги понял. Дом-то ведь мог и укрепиться, и пошатнуться, и всё это смотря по тому, сколько новых друзей и врагов обретёт он на тинге. Сумеет ли вовремя сказать разумное слово и придушить готовую вырваться брань! Дело для мужа. Трудное, как битва, и достойное, как битва...

Хельги всё ещё носил повязки на лице и на груди. Но собрался быстро и уехал вместе с гостями – на следующий день. Звениславка запомнила, как его провожали со двора: он ведь до последнего не отпускал её прочь. Хельги сидел на коне прямо – широкоплечий красавец, волчья куртка с живыми стоячими ушами и пастью вокруг лица, у пояса – боевой топор, и видно, что не для красоты...

Бьёрн, сидя в своём седле, держал повод коня Виглафссона. И конь, умница, видать, понимал, что понесёт слепого. Переступал по снегу осторожно, послушно...

Хельги наклонился напоследок к Звениславке, дотянулся, провёл ладонью по её лбу.
– Вернусь, – сказал, – подарок привезу...

Острое писало, сработанное мастером Иллуги, чертило буквицу за буквицей, испещряло гладкую бересту...

«...А Правда у урман – строгая, – записывала Звениславка. – И во всякой земле своя. Но всюду, как сказывают, есть обычай один. Не смеют эти люди поднять друг на друга руку в день веча. Даже если кто мечь мстит за отца или за брата родного. А того ради всякий, на вече собираясь, в знак мира перевязывает ножны ремешком...»

Вот пошёл пятый день, как проводили Хельги в дорогу. И тут в Сэхейм пожаловали новые гости! И на этот раз – с полуночной стороны.

Угасал короткий зимний день, да и не день вовсе, так, далёкий свет из-за гор, когда одни за другими перепорхнули прочно застывший фиорд шесть узких и вёртких санок-нарт, зафыркали возле ворот большеглазые рогатые олени! Дома, в Кременце, Звениславка видала лосей и в санной упряжи, и под седлом, но оленей – ни разу. Да и олени здешние были какие-то не такие: дивуйся, кто увидал! И люди сошли с нарт больно уж странные. Все, как один, невысокие, чуть не меньше Звениславки. Но крепкие с виду, чуть-чуть раскосые и с головы до ног в изукрашенном вышивкой оленьем меху... А речь их показалась Звениславке сродни мерянской. Но не совсем.

Урмане встретили оленных людей, как ближнюю родню. Пригласили в дом, но те не пошли: на вольном воздухе оно привычнее. Только заглянули проведать Халльгрима – и наружу. Живо растянули припасенными шестами кожаные палаточки-чумы, разложили костры... Устраивались прямо на просторном дворе, как видно, хозяевам доверяли. А коней рогатых выпрягли и пустили пастись – добывать из-под снега широкими копытами жухлую траву и пёстрых мышей.

Звениславка поймала за руку Скегги, и тот торопливо рассказал ей, что это приехали из своего Финнмёрка люди племени квеннов. Привезли дань. А привела их старуха охотница по имени Бабушка Лосось!

Любопытная Звениславка долго ходила между палатками. Благо никто не гнал. Смотрела, как квенны с урманам снимали с нарт моржовые клыки, красную рыбу, птичий пух и меха. То-то будет чем торговать на будущее лето! Богатая дань – за страх такую не соберёшь. Да чтобы сами везли!

Знать, не одни квенны жили в той полуночной стороне. Был и лютый враг, от которого Халльгрим их защищал. Тут припомнились было какие-то разговоры о давней поездке братьев в Финнмёрк... но вот беда – говорили о том в Сэхейме всегда неохотно, как о деле, принёсшем великую неудачу. И с чего бы такое, дань-то – вон ведь лежит?

Однако расспрашивать Звениславка всё равно не решилась. Даже Скегги. Что ещё выплывет – может, лучше бы и вовсе не знать...

На другой день она снова гуляла по двору, обходя дымившиеся костерки. Рассматривала квеннов в их оленьих одеждах и шапках с пушистыми кисточками. Женщин, что прямо на морозе кормили грудью детей... Другому смотреть и то холодно, а этим что с гуся вода. Видать, крепкие охотники подрастут!

– Брусничинка, – окликнули её сзади. – Подойди, брусничинка, дай тебя разглядеть...

Перед одной из палаток у маленького яркого костра сидела на нарте женщина-вождь. Звениславка подошла к ней, робея: сама видела, как другие квенны чтили старуху... и побаивались, кажется.

Бабушка Лосось усадила её на нарту подле себя, взяла за руку и вдруг спросила:

– Что, не принесёшь сына своему мужчине? Может, травы какой дать или слово над тобой сказать?

Лицо у неё было в морщинах, что печёное яблоко, но глаза – быстрые, зоркие: охотилась бабка удачливее молодых. Звениславка почувствовала, как жаром охватило щеки...

– Он... не мой мужчина... мой мужчина... далеко! А здесь я не своей волей живу.

Почему-то она сразу смекнула, что речь шла об уехавшем Хельги... Бабушка Лосось по-птичьи склонила голову к плечу и долго смотрела на неё, ничего не говоря, и вроде бы жалость проступила в её карих глазах.

– Где же твоё стойбище, брусничинка моя?

Звениславка махнула рукавицей в ту сторону, где, не в силах подняться над горами, жёлтым заревом тлело солнце.

– Там... и много дней пути...

Бабушка Лосось кивнула головой – поняла, мол. И надолго умолкла. Потом, протянув руку, коснулась застёжек Звениславкиного плаща, тех двух лиц, старого и молодого.

– Всё-таки ты – его женщина, – проворчала она. – Он выбрал тебя, и я это вижу. А мог взять любую мою озорницу, красивую и весёлую, как чайка весной. А ты знаешь, брусничинка, отчего у него в глазах ночь?

Звениславка ответила растерянно:

– Его помял на охоте белый медведь...

Женщина-вождь испуганно взмахнула оленьими рукавами:

– Не называй имени Хозяина Льдов, он может услышать и прийти туда, где о нём говорят неосторожно! Ты, глупая, не знаешь, что он иногда крадёт женщин, и те женщины потом приносят домой маленьких сыновей! Нынче снег выпал в четвёртый раз с тех пор, как твой мужчина вместе с братом приехали к нам по морю в том большом челне, у которого на носу злой зверь. Они пристали к нашему берегу, и мои внуки вынесли менять добрые шкурки. Братья дали взамен мягких тканей и железных гвоздей, а потом стали спрашивать, что нового слышно.

Бабушка Лосось задумчиво погладила седые косы, никогда не знавшие ножниц: как бы не подхватил срезанные волосы злой дух-оборотень да не наделал беды... И продолжала:

– Тогда-то мои внуки пожаловались на Хозяина Льдов, что поселился поблизости и таскал оленят. И мои внуки не смели к нему подойти, потому что не простой это был зверь. Не брали его ни стрелы, ни острые костяные копья, много охотников погубил! А твой мужчина и его брат, тот, что теперь лежит в доме, сказали, что это дело для воинов. И пошли на Хозяина Льдов вдвоём...

Звениславка слушала, не перебивая. Только сердце невесты почему отчаянно колотилось.

– Хозяин Льдов беспощаден и могуч, – продолжала Бабушка Лосось. – Братья одолели его, но он ранил обоих. А уже умирая, ударил твоего мужчину лапой по голове. И на другое утро он стал спрашивать, что такое случилось и не погасло ли солнце. А потом попросил, чтобы брат дал ему смерть, но тот не послушал. И потому-то мои внуки всякий год при-

езжают сюда за ножами и головками для стрел, чтобы Хозяин Льдов знал, какие великие охотники пришли нам на помощь. Принеси сына своему мужчине, брусничинка, и это будет охотник ещё лучше отца.

Звениславка вдруг вскочила на ноги... не помня себя, кинулась наутёк. Остановилась только за домом. Глотала мёрзлый воздух и никак не могла отдышаться...

Хельги отсутствовал двадцать два дня. И вернулся, когда Бабушка Лосось со своими внуками ещё гостила в Сэхейме.

Появился он в полдень. И не со стороны Торсхова, как ездили обычно. Что-то заставило его выбрать другую дорогу, более короткую, берегом моря. Этой каменистой тропой пользовались только в великой спешке. Была она и тяжела, и опасна: счастлив, кто одолел её верхом и не переломал ног ни себе, ни коню...

Когда побежали встречать, Звениславка разглядела прибывших ещё со двора. Они спускались по склону горы – Хельги впереди всех, за ним Бьёрн, потом все остальные и следом ещё две выучные лошади с поклажей... Все на месте. И люди, и кони, и столько же, сколько уезжало.

И что-то было не так. Она не сразу поняла, что именно.

Хельги сам правил конём... Бьёрн Олавссон больше не держал буланого под уздцы.

Заметив это, Звениславка не пошла дальше. Прислонилась к створке ворот и осталась стоять. Ослабили ноги...

Лошади в мохнатой зимней шерсти чуяли конюшню и резво несли седоков. Вот подъехали поближе, и стало видно, что Хельги снял повязку с лица. Рановато же он это сделал: Звениславка разглядела страшные синяки вокруг глаз, какие получаются от удара в голову, и багровый конец уходившего под волосы рубца. И ещё глаза. Которые смотрели...

Вот подъехали совсем близко. Хельги хохотал во всё горло, указывая пальцем по очереди на каждого из встречавших и называя по имени: всех знаю, ты – Гуннар, ты – Сигурд, а ты, верно, тот самый рисунг Скегги сын Орма... Звениславка и не думала никогда, что он способен был так веселиться...

...Он мельком, равнодушно скользнул глазами по одинокой фигурке возле ворот. Продолжая смеяться, направил коня во двор, к кострам и палаткам, к охотникам Бабушки Лосось, шумно высыпавшим навстречу. Но потом будто вспомнил о чём-то. Дёрнул поводья... повернул назад. Умолк и стал смотреть на серебряные застёжки. Потом глянул Звениславке в лицо... В первый раз увидел её! Спрыгнул с седла и пошёл к ней по хрустевшему снегу. И походка-то у него была теперь совсем другая. Широкая, упругая, лёгкая.

Она смотрела, как он шёл к ней по снегу. Страшилась, ждала – сама не зная чего...

Подошёл. И остановился. В синих глазах бился живой свет.

– Значит, мать тогда сказала правду, – проговорил он негромко. – Стало быть, это ты и есть Ас-стейнн-ки. А я думал, ты красавица!

Звениславка не успела ответить. Хельги вдруг стрёб её в охапку и крепко поцеловал. Прямо в губы!.. Звениславка ахнула, прижала ладони к щекам. А Хельги был уже среди квеннов... Могучими руками подхватил с нарты Бабушку Лосось:

– Ну, здравствуй, старая комариха!

Всё-то ему было нынче легко, всё весело, всё удавалось.

В доме уже знали о случившемся. Видга и тот впервые со дня смерти Рунольва оставил отца – ринулся во двор поглядеть на чудо. Но Хельги его опередил. Ввалился в дом, не обметя снега с сапог.

– А где тут прячется от меня этот ошипанный петух Халльгрим Виглафссон?

– Однако и страшен же ты, – сказал ему Халльгрим. – Видел бы, на кого похож!

Он сумел даже приподняться на локтях, чтобы все знали: нескоро ещё придётся копать могилу для старшего в роду. И он улыбался. Кажется, тоже за всё это время – впервые...

А Звениславке в подарок досталась меховая шапка русской работы. Хельги купил её у одного малого, которого так и прозвали – Гардцем за то, что тот всякое лето ездил торговать на восток в город Ладогу, по-урмански Альдейгьюборг. С ним Хельги сошёлся в первый же день тинга, ещё прежде, чем спала с его глаз четырёхлетняя тьма. И купил шапку, не торгуясь и понятия не имея, красивая или нет. Он не сомневался, что Звениславке понравится. И не ошибся.

Знать бы ему ещё, что она порой брала эту шапку с собой в постель, под одеяло, и гладила в темноте пушистую куницу, и тогда женщинам, лежавшим поблизости, казалось, будто Ас-стейнн-ки всхлипывала – тихонько, совсем тихонько...

21

Но оказалось, что все добрые вести, привезённые Хельги с тинга, на том и кончились.

– Я видел Гудмунда херсира, брат, – рассказал он Халльгриму, когда за нартами уехавших квеннов улеглась снежная пыль. – Гудмунд нынче летом ездил торговать в Скирингссалль... Теперь он говорит, что рад был выбраться оттуда живым и увести корабли. Там, в Вике, теперь большое немирье. И всё из-за этого Харальда конунга, того, что сидит в Вест-фольде.

Халльгрим только молча кивнул. Чему удивляться, если дед этого Харальда – Гудрёд Охотник – когда-то согнал с наследной земли и их с Хельги деда? И тот скитался не год и не два, и лишь сыну, Виглафу, удалось крепко сесть на берегу...

– Люди передают, – продолжал Хельги, – будто Харальд недавно посватался к одной девушке по имени Гида. Это дочь Эйрика, конунга хёрдов. И ты знаешь, что она велела ему передать? Что, мол, пойдёт за него, и с радостью, но только если он прежде станет конунгом всей Норэгр. А то конунг, у которого всего пара фюльков, ей совсем ни к чему!

– Красивая, наверное, – сказал Халльгрим. – Но глупая. Хочет, видать, чтобы он и вправду со всеми схватился. И начал при этом с её отца!

– Может, и так, – ответил Хельги. – Однако надобно тебе знать, что Харальд и в самом деле поклялся не стричь и не чесать волос, покуда не станет конунгом всей страны. И его уже прозвали за это Харальдом Косматым. И весь Вик его слушается, будто так тому и следует быть.

Халльгрим сказал задумчиво:

– А Рунольв ходил служить его отцу Хальвдану. И тот, как говорят, водил с ним дружбу, пока не утонул в полынье. Так что вряд ли Харальду охота будет разбираться, кто здесь нарушил закон, мы или Рунольв. Если уж кто жаден, тот не насытится половиной куска!

Оба понимали, что предзнаменования были недобрыми. И Хельги заметил:

– Вот уж верно сказано, не зарекайся утром, что вечером уляжешься здесь же. Это хорошо, брат, что у нас теперь есть ещё один корабль...

Впрочем, до лета было далеко.

Однажды Видга и Скегги отправились на охоту. Днем раньше над побережьем белой северной совой пролетела метель; эта метель пригнала из заваленной снегом тундры великое множество куропаток, лакомых до заледенелых ягод и почек, ожидавших тепла на ветках берёз... Видга надеялся на добычу, и поэтому Скегги тащил за собой берестяные салазки. Когда они выходили за ворота, Скегги сказал так:

Не гляди, что в санки
впряжен мёд вкусивший.
Будешь благодарна
скальду за поклажу!

К кому он обращался, оставалось неясным. Наверное, как это часто бывало, к Астейнн-ки. Видга двинулся первым, прокладывая лыжню. Малыш весело затрусил следом за ним.

Мальчишек ждали к вечеру... Но ещё до полудня Скегги что было духу примчался обратно к воротам – один.

– Меня Видга послал, – кашляя, объяснил Скегги удивлённым и встревоженным сто-рожам. – Он сейчас придёт, он человека нашёл.

Скоро сын хёвдинга и впрямь показался из леса. Его лыжи тяжело приминали пуши-стый искрившийся снег: Видга тащил спасённого на плечах. Тот слабо шевелился, видно хотел идти сам, но сил не хватало. Видга вошёл во двор, и человека сняли у него со спины.

– Это женщина, – сказал внук Ворона и вытер снегом распаренное лицо. – Отнесите её в женский дом, пускай разотрут...

– Мы увидели сугроб, из которого шёл пар, – возбуждённо рассказывал Скегги. – Тогда Видга велел мне забраться на дерево, а сам приготовил копьё и стал ворошить этот сугроб. Мы думали, что там зверь, но потом Видга мне крикнул, чтобы я слезал. Мы долго её тор-мошили, и она сперва только стонала, а потом очнулась. Мы её спрашивали, кто такая, но она не сказала. Видга её потащил, а меня послал вперёд. Вот!

К вечеру любопытные молодые хирдманны вызнали у женщин, что Видга спас девушку, и притом совсем молоденькую, никак не старше себя самого. Что у девчонки были волосы по колено длиной, густые, как водоросли, и рыжие, как осенние листья. И кожа белее всякого молока. И глаза – карие, блестящие и большие, но не слишком весёлые. И она дей-ствительно не могла говорить. Хотя оборачивалась на голос и понимала, если к ней обра-щались.

– Может, ей мой голос понравился бы? – спросил один из парней. – Уж я бы её разве-селил и научил заодно, как произносить моё имя...

Видга, слышавший эту похвальбу, только усмехнулся.

– Я не разглядывал, так ли она красива... Но она не застряла бы там в лесу, если бы не сломала лыжу, можешь мне поверить. И ещё я заметил, какой нож висел у неё на поясе... подлинней твоего! Думай дважды, если вправду решишь её обнимать!

Сам Видга женщин ни о чём не расспрашивал. Был зол – девчонка испортила ему охоту. Правду сказать, он не встречал ещё ни одной, от которой следовало бы ждать добра...

Откуда шла найденная в лесу и где стоял её дом, расспросить так и не удалось. Зато очевидно было, что в Сэхейме ей нравилось и уходить отсюда она не собиралась. Отлежав-шись, девчонка принялась помогать по хозяйству, и грязная работа пугала её меньше всего. Но почему-то ей особенно нравилось в конюшне, среди вздыхавших и косившихся лоша-дей... Скоро там у неё завелся любимец: большой серый жеребец, тот самый, на котором когда-то ездил Рунольв. Со времени гибели хозяина жеребец сильно скучал – стоял понурый, плохо ел и бока у него запали. А славный был конь и мог дать совсем не плохих жеребят. И радостно было видеть, как потянулся он к рыжеволосой. Встречал её ржанием, обнюхивал с ног до головы, ловил пальцы ласковыми губами... Скегги видел однажды, как она сидела там, в стойле, и кормила жеребца из рук чем-то вкусным. Конь тихо пофыркивал, а девчонка, как обычно, молчала, но Скегги почему-то померещилось, будто они разговаривали. Ему стало страшно, и он убежал. Он никому не стал рассказывать про этот колдовской разговор и про свой страх. И про то, как странно блестели у рыжеволосой глаза...

Несколькими днями попозже Видга разыскал её во дворе:

– Пойдём... Отец хочет на тебя поглядеть.

Потом он вспоминал, что она мгновение промедлила и вроде даже призадумалась, опу-стив глаза... И пошла за ним к дружинному дому.

Халльгрим увидел её, когда она только ещё входила в дверь. И умолк на полуслове, забыв, о чём разговаривал с братом. Может быть, жили на свете девушки красивее этой рыжеволосой. Наверное, жили, но теперь Халльгрим знал, что такие ему не встречались. И больше не встретятся. Потому что перед ним было лицо, которое он искал тридцать четыре лета и столько же зим. Второго такого не видала земля...

Она шла к нему по длинному дому – высокая, почти как Видга, одетая по-мужски. Сидевшие в доме посматривали на неё и весело шутили, но она не глядела ни вправо, ни влево. Подошла к лежавшему Халльгриму и остановилась, и пламя очага отразилось в карих глазах.

И Халльгрим подумал про себя, как скверно, когда не заживают раны и эта красавица должна видеть перед собой не вождя, а беспомощную развалину под одеялом...

– Мои люди называют меня старшим сыном Виглафа, – сказал он ей хмуро. – А это Хельги, мой брат.

Что он ещё собирался ей сказать, этого он никогда впоследствии припомнить не мог. Потому что как раз тогда-то они и услышали её голос. Голос девчонки, не умевшей говорить!

– Так значит, вот ты каков, Халльгрим Виглафссон, – сказала она негромко. – А моё имя Вигдис. И Рунольва Скальда называли моим отцом!

Халльгрим почему-то не удивился ни её голосу, ни этим словам. А может, и хотел удивиться, но не успел. Рыжая Вигдис прыгнула к нему, как кошка на мышь. И тяжёлый нож взвился у неё в руке!

Но как ни проворна была дочь Рунольва Скальда, Хельги Виглафссон оказался проворней. Железная рука сына Ворона встретила её посередине прыжка... И отшвырнула, оглушённую, на десять шагов, едва не опрокинув прямо в очаг. Вскочить ей не дали. Видга подоспел едва ли не прежде, чем она растянулась на полу. Пригвоздил острым коленом, завернул за спину руки. Вигдис сражалась молча и яростно, извивалась, пыталась укусь... Кто-то протянул Видге верёвку. Видга затянул узел и одним жестоким рывком поставил девушку на ноги – снова лицом к отцу.

– Стало быть, вот в кого ты такая рыжая, – сказал ей Хельги. – А кормили тебя, верно, мясом волка, ворона и ядовитой змеи, чтобы стала свирепой. Вот только зря ты думала, что лучшего из нас так просто убить. Думай теперь о том, что будет с тобой!

– А ничего не будет, – сказал Халльгрим угрюмо. – Женщинам не мстят. И она делала то, что должна была сделать.

Вигдис стояла молча и глядела куда-то сквозь стену, поверх его головы... Теперь в её лице не было ни кровинки. Наверное, она заранее готовила себя к расправе, что последует за свершившейся местью... Но чтобы кончилось так!

А Халльгриму она казалась ещё краше прежнего, другое дело, что он не собирался говорить об этом вслух. И теперь он знал, для чего родился на свет. Для того, чтобы когда-нибудь покрыть эти волосы свадебным платком. И дожидаться от неё сына. Такого же рыжего, как она сама. Как Рунольв...

А за плечом Вигдис стоял Видга. И держал в руке отнятый у неё нож. И никто не придумал бы для неё казни достойнее, чем он... Но Халльгрим едва его замечал.

– Вот только придётся всё-таки тебя запереть, – сказал он пленнице. – А то ещё пере-режешь нас всех.

И воины засмеялись, хотя многим сразу стало казаться, что этакое благородство не должно было довести до добра.

Ближе к празднику Йоль, после которого день принимается расти, Халльгрим начал садиться, а потом и вставать. И вот наконец Видга впервые вывел его во двор, разрешил постоять немного на вольном воздухе, в бледных солнечных лучах, светивших всё-таки ярче очага.

Видга показал ему крепкую бревенчатую клеть, стоявшую отдельно:

– Вон там Вигдис сидит...

– А не холодно ей? – спросил Халльгрим. И, наверное, как-то странно спросил, потому что сын посмотрел на него с удивлением.

И ответил:

– Как раз! Ас-стейнн-ки таскает ей еду, и они разговаривают. Вигдис ей всё рассказывает, какой великий хёвдинг был Рунольв, и Ас-стейнн-ки её слушает. А я сторожу, чтобы эта Рунольвдоттир не выскочила и не убежала!

Халльгрим подумал о том, что не окажется первым, кто женится на дочери врага... И дал Видге увести себя в дом.

Женщины поставили пиво для праздника Йоль. Согласно обычаю – на сто сорок горшков! По тому, хорошее ли получится пиво, станут судить о благосклонности богов. А потом запьют им священное мясо коня, которое всегда готовят для жертвенных пиров...

Вот в такое время, в сырую метельную ночь, и пропала рыжая Вигдис.

Звениславка и Видга обнаружили это прежде всех других. Тяжёлый засов, запиравший клеть снаружи, был поднят; уж как она ухитрилась с ним справиться, можно было узнать только у неё одной. И вместе с Вигдис пропал серый конь, наследство Рунольва. Следы копыт вели на лёд застывшей бухты и дальше за сваи – могучий конь перескочил через них без большого труда. Когда это увидели, многие припомнили конский топот, и впрямь будто бы слышавшийся в ночи. Хельги, запоздало схватившись, пошёл проверить, на месте ли копьё Гадюка и меч Разлучник, которые он повесил над своей постелью. Он не удивился бы, если бы исчезли и они. Но меч и копьё оказались нетронуты.

– Рыжая ведьма! – сказал Хельги. – Если бы она сюда забралась, уж точно прирезала бы и Халльгрима, и меня. Умереть спящим!

Не нашли только нож, который она принесла с собой в Морской Дом. Этот нож Видга воткнул в стену конюшни, возле стойла серого жеребца. Там, должно быть, Вигдис его и взяла...

Люди шумели, обсуждая случившееся. Халльгрим хёвдинг молча взял лыжи и отправился на лёд – посмотреть, в какую сторону уходили следы. Видга хотел было его остановить, но Халльгрим ему даже не ответил. Метель, притихшая было, поднималась снова, и мокрый снег валил плотной стеной, залепляя глаза. Во главе десятка людей Халльгрим выбрался из бухты и пошёл по следам.

И довольно скоро следы привели их к большой полынье, из которой валил пар, и ветер нёс его прочь. Снежные хлопья падали в полынью и, набухая, плавали в чёрной воде.

Полынью обошли, но на другой стороне следов видно не было. Могло быть и так, что их просто замело. Но могло быть и иначе. Халльгрим остановился у кромки льда и велел спустить в полынью якорь на длинной верёвке. Это было сделано, но так и не удалось зацепить ни Вигдис, ни коня. Тогда Халльгриму показалось, что по дну шарили не очень старательно, и он взялся за дело сам.

– Раны откроются, – сказал ему Видга. Халльгрим промолчал и на этот раз. Никогда он не был особенно разговорчив.

А потом наступил самый короткий день в году, и было съедено мясо коня и выпито пиво. Люди разложили на дворе костры, плясали и веселились, кто как умел. Один Халльгрим просидел сиднем все три дня, вертя в руках полупустой рог. Малыш Скегги хотел было сказать при нём только что сложенную хвалебную песнь о битве с Рунольвом. Но не посмел – и сказал её только Ас-стейнн-ки. И та одобрила, хотя поняла не более чем наполовину.

А когда его спрашивали, отчего невесел, Халльгрим отвечал односложно: раны, мол, не все ещё затянулись, болят.

Часть вторая Лебединая Дорога

1

Той зимой в провалах чёрного неба нередко загорались огни. Когда одноцветные, когда радужные, они то неподвижными столбами стояли у горизонта, то колыхались, как покрывала. Иногда огни даже разговаривали, и тогда с неба слышалось шуршание и треск.

Звениславка, особенно по первости, всякий раз выскакивала взглянуть на чудо... Хельги выходил следом и, кажется, смотрел больше на неё, чем на небо. Потом он объяснил ей природу этих огней:

– Где-то совершаются большие дела, и туда спешат девы-валькирии... А мы видим отблеск их оружия и брони!

Большие дела и вправду творились. Но только не на севере, а на юге, в Вике, где утверждал свою власть Харальд Косматый.

Весной, когда прилетели лебеди и фиорд очистился ото льда, на сторожевых скалах загорелись дымные костры: в море показались чужие корабли.

Кораблей было два... И паруса у них оказались полосатыми, красными с белым, с широкими синими поперечинами наверху. Под такими парусами ходил Гудмунд Счастли- вый, старый товарищ Виглафа Ворона.

В Сэхейме широко раскрыли морские ворота, чтобы принять гостей. А женщины стали спешно завешивать стены и готовить угощение. Херсиру следовало оказать достой- ный приём! Олав кормщик на всякий случай заглянул в корабельный сарай – провести чёр- ный корабль; быть может, Гудмунд снаряжался в дальний поход и шёл пригласить с собой Халльгрима или Хельги.

Когда драккары показались перед двором, Халльгрим сразу приметил, что шли они тяжеловато. Так, как будто Гудмунд нагрузил их добром для торговли или только что взял добычу. Корабли вошли в бухту и причалили, и Гудмунд херсир спустился по сходням.

Был он невысокого роста, темноволос и кудряв. И чуть согнут в спине не то болез- нью, не то горем. А может, тем и другим сразу... Гудмунд совсем не выглядел могучим бой- цом. Но братья знали, что он повсюду возил с собой панцирь, выложенный позолоченными чешуйками. К такому панцирю всегда устремляется отчаянный враг – и потому-то великое мужество нужно, чтобы раз за разом надевать его в бой!

– Здравствуй, Гудмунд херсир Счастливый, – сказал ему Халльгрим, приветствуя знат- ного гостя. – Велико ли нынче благополучие на твоих островах?

– И ты здравствуй, Виглафссон, – ответил Гудмунд.

Голос у него был надсаженный и скрипучий. Он смотрел на рослого Халльгрима снизу вверх. – Это хорошо, что ты оправился от ран и опять можешь сражаться...

Его люди сходили с кораблей и дружески обнимались с торсфиордцами. С давнишних пор среди них было немало друзей. Но если бы Халльгрим послушал, о чём они говорили, он сразу понял бы, что на сей раз они не привезли добрых вестей... Однако Халльгрим не слушал. Вождь узнаёт новости от вождя. А вожди не считают приличным рассказывать, стоя в воротах.

Гудмунда усадили на почётное место, рабы внесли стол с угощением.

– Это хорошо, что ты опять можешь сражаться, Халльгрим Виглафссон, – повторил Гудмунд, опорожнив рог. – И то, что у тебя, Хельги, опять есть глаза, тоже неплохо. Думается мне, всё это неспроста!

– Твои люди хорошо снаряжены, – похвалил Хельги. – Я не удивлюсь, если ты скажешь, что собрался в поход.

Он говорил осторожно: ведь не дело расспрашивать старшего, если тот о чём-то молчит. Гудмунд всё понял, посмотрел на него и улыбнулся – ласково, как сыну. Потому что Хельги ещё мальчишкой крепко дружил с его сыном Торгейром. Ещё до того, как тот пропал семь зим назад... Гудмунд сказал:

– Я и вправду собрался в поход. Хотя и не туда, куда ты думаешь, Хельги. И мало радости мне от такого похода. И ещё я боюсь, как бы вам не пришлось отправиться следом за мной.

Братья переглянулись.

– Стало быть, – спросил наконец Халльгрим, – у тебя лежат под палубой Боги, охранявшие дом?

Спросил, а у самого непривычно и глухо заныло в груди. Ибо Халльгрим не привык бояться, а это был страх. Халльгриму показалось, будто он шёл на лыжах и подобрался к спуску с горы – обрывистому и крутому. Ещё шаг – и понесёшься вниз, и будет уже не остановиться...

Норны, богини судьбы, пряли под мировым древом Иггдрасилем, и в это мгновение он слышал, как вращались их веретёна.

– Я покинул свой дом, – медленно проговорил херсир. – И я сделал это потому, что Харальд Косматый остановился в шести днях пути от моих островов, и с красными щитами на мачтах. И против каждого из моих людей у него целый корабль, полный бойцов. И не больно похоже, чтобы ему хотелось с кем-нибудь здесь примириться. Значит, по-вашему, я сделался стар и пуглив?

– Нет, – сказал Халльгрим.

Гудмунд продолжал:

– У Херлауга и Хроллауга, братьев-конунгов из Наумудаля, был курган, который они строили три лета! Наверное, готовили великую честь тому, кому доведётся погибнуть. Но только стодился им этот курган раньше, чем ждали. Харальд двинулся на них войной, и Херлауг конунг вошёл в курган и велел закрыть его за собой... А его брат явился к Харальду и назвал себя его человеком.

– И что Харальд? – спросил Хельги тихо.

– Харальд хорошо его принял, подарил меч и щит и дал ему всю ту землю, которой тот и так раньше владел. Он и сейчас там сидит, в Наумудале. Только уже не конунгом, а ярлом.

– Позор принял Хроллауг, – сказал Хельги. – Но зато сохранил владения и жизнь... Думается мне, Харальд большого зла на него не держал!

Гудмунд усмехнулся:

– Не так было бы с вами или со мной. Харальд не любит, когда трогают его людей... или людей его отца Хальвдана! И ещё он не любит, если кто-нибудь сидит на хорошей земле, как вы или я!

Он поднялся на ноги и поправил на себе пояс.

– Пора мне отчаливать, потому что в море ждут ещё три моих корабля. А вас я с собой не зову... Ибо Харальд привёл огромную силу, и лучше будет, если мы станем уходить от них все врозь!

Они вышли во двор, и на кораблях херсира прокричал рог, созывая мореходов к отплытию. Его люди неохотно прощались с Сэхеймом, и это было заметно. Всё здесь было так похоже на собственный дом. Те же земляные крыши, такой же забор, звуки, запахи и дым, стелющийся над водой. Сизые горы вдали и серые камни на берегу...

Тут Хельги вернулся в дом и вскоре вышел обратно, неся меч Разлучник и копьё Гадюку. Подошёл к херсиру, уже стоявшему у самых сходов. И протянул ему знаменитое оружие:

– Возьми, Гудмунд Счастливым. Желая тебе узнать что-нибудь про Торгейра, и пускай это будут достойные вести...

Гудмунд принял у него меч и копьё. Об одном и о другом было сложено немало рассказов, и их слышал весь Халогаланд. Гудмунд выдернул меч из ножен и взмахнул им над головой, расхохотавшись:

– А хотелось бы мне этим Разлучником разлучить Харальда и его жён!

Но всякий подарок требует отдарка: не то не будет удачи ни давшему, ни взявшему. Гудмунд стащил с руки серебряное запястье, сделанное в виде змеи, кусающей собственный хвост.

– Возьми и ты, Хельги Виглафссон. Я рад был бы принести сюда хорошие новости, если бы это было суждено.

Взошёл на палубу, и на кораблях стали поднимать якоря.

Живя подолгу на одном месте, человек прирастает к нему бесчисленным множеством корней. И потому-то нет воина отчаянней, чем тот, кто отстаивает свой дом! Такой боец дерётся с яростью и упорством, пока не вынудит врага отступить – уйти искать добычу полегче.

Но худо, когда нет надежды оборониться. И кто скажет, что легче – рухнуть поперек родного порога и поймать гаснущим слухом отчаянный крик жены или же самому выкопать из земли деревянных богов, спустить на воду корабль и отправиться за тридевять враждебных земель и морей... куда?

Многим в то лето выпала судьба вроде той, что развернула зловещие крылья над двором Халльгрима Виглафссона. Многие, как он, оставили насиженные места. Одни пустились на запад – вить новые гнезда на островах вдоль берега страны англов. И долго тревожили набегами ненавистного конунга, пока наконец он не собрал новую рать и не выбил их и оттуда. И тогда они снова подняли паруса и отправились ещё дальше, чтобы назвать своей большую и никем ещё не заселённую землю посреди океана – Исландию...

Другие вовсе нигде так и не бросили якорей. И море год за годом носило на себе их корабли. Кормило, укрывало от врага. Давало когда добычу и славу, когда – последний приют... Сэконунги, хозяева моря! Они хвастались, что никогда не спали под закопчённой крышей и не пили у очага. Горькое хвастовство.

А третьи – третьи поворачивали на восток.

Туда, где за датскими, свейскими, вендскими, финскими землями лежала под широким северным небом необъятная Страна Городов. Гардарики... Страна, равно прославленная богатствами, прекрасными женщинами – и страшными воинами, которым не было равных в пешем бою!

– Если и вправду для этого я стал видеть, – сказал Хельги Виглафссон, – так я бы, пожалуй, уж лучше снова ослеп.

Проводив Гудмунда, Халльгрим немедля послал Видгу за Эрлингом в Торсхов.

– Расскажешь ему, что случилось, – напутствовал он сына. – Пусть собирается и приводит сюда кнарр. Чтобы завтра же отплыть. И пускай возьмёт с собой рабов, какие пригодятся в пути.

Вот так: сколько зим прожито здесь, не один десяток и не два, и всё рушится в течение одного дня...

Видга кликнул Скегги и потащил лодку к воде. Разрисованный парус заполоскался, потом, обтянутый, принял в себя ветер и мелькнул за сваями бухты. Халльгрим проследил за ним взглядом и окончательно решил про себя: маленького сынишку рабыни надо будет взять.

Всё-таки отцом Скегги был викинг. И наконец-то это стало заметно. И Видга рассказывал, будто заморыш складывал песни.

А Видга сын хёвдинга прислушивался к знакомому журчанию под килем, и оно впервые заставляло его хмуриться, сумрачно глядя вперёд. А ведь сперва он даже обрадовался предстоящему великому походу. И рассказал об этом отцу: сколько всего повествуют о подвигах былого, и всегда смельчаку приходится оставить свой дом! Халльгрим хёвдинг выслушал его, не перебивая. А потом так же молча отвесил подзатыльник, от которого посейчас звенело в ушах.

Видга тогда обиделся на него, отошёл. Теперь он гнал свою лодку знакомым путём в Торсхов, и обида понемногу его оставляла. Он вдруг подумал о том, что, даже если лодочку привяжут к корме корабля и возьмут её в путь, – ему, Видге, придётся разворачивать над ней парус совсем у других берегов... По Торсфиорду ему больше на ней уже не ходить. Никогда.

Никогда!

Внук Ворона повторял про себя это слово и, как мог, пытался постичь его смысл. Выходило нечто похожее на бездонный колодец, наполненный густой темнотой...

Видга смотрел на залитые солнцем утёсы – в последний раз! И что-то в нём сопротивлялось пониманию, хотело проснуться и настойчиво шептало, что всё это пройдёт.

Когда судьба встает перед дверью, от неё не закроешься на засов...

Эрлинг Приёмыш явился в Сэхейм ещё до вечера; его пузатый, вместительный кнарр сидел в воде низко. Поздоровался с братьями, и они увели его в дружинный дом, на совет.

Звениславка уже знала, что на этом кнарре, где было много места под палубой, предстояло ехать и ей. Женщинам да малым ребятам не место на боевых кораблях. А те, чёрный да пёстрый, уже тяжело покачивались рядом с кнарром, вытасенные из корабельных сараев. Тоже навсегда! Звениславка смотрела на них и казалась сама себе малым листком, сдунутым с ветки, унесённым неведомо куда... Ветер злой, в какую сторону теперь подуешь?

Она складывала своё добро – и, правду сказать, не так-то много его было. Всё больше подарки Хельги Виглавича: застёжки-фибулы и к ним плащ меховой, да сапожки, да шапочка кунья, любимая. Да ещё самое драгоценное: ровные берестяные листки, исчерченные острым писалом. Случись спастись, их схватит, остальное хоть гори.

Жаль мастера Иллуги: умер зимой...

Потом подошёл Видга и сказал, чтобы она шла в дружинный дом. Дескать, ждут. Да велел поспешать.

И зачем бы?

Проходя по двору, она ещё раз посмотрела на бухту. Кораблики, кораблики, куда побегите! Видга толкнул дверь дружинного дома, пустил её внутрь. Женщины сюда нечасто входили.

Звениславка вошла и увидела, что этот просторный дом впервые не мог удобно вместить всех собравшихся под его крышей. Люди стояли и сидели прямо на полу, забирались, поджимая ноги, на лавки, к бревенчатым стенам. Только трое Виглафссонов сидели, как обычно, на хозяйской скамье.

И на стене над их головами висело, как прежде, оружие и щиты.

Все были здесь. И жившие в Сэхейме, и Эрлинговы люди, и старый Олав с троими сыновьями-кормщиками, и Рагнар с Этельстаном – бок о бок, словно никогда и не дрались... И даже вольноотпущенники, только что принявшие из хозяйских рук рог с пивом и свободу. Эти крепкие молодые парни, всё ещё плохо верившие в случившееся, сидели тише всех – по углам, возле двери...

Видга поставил Звениславку против хозяйского места и сел. Хельги поднял глаза, посмотрел на неё и отвёл взгляд... И Звениславка вдруг почувствовала, что начинает дрожать. Ей стало страшно – отчего?

– Ас-стейнн-ки! – сказал ей Халльгрим, и люди в доме притихли. – Те купцы, что украли тебя из дому, шли всё время водой?

Она ответила растерянно:

– Да... почти... там один волок был, в весской земле.

Сын Ворона кивнул, а длинный дом слегка загудел, так, словно она сказала что-то очень важное. Но Халльгрим заговорил снова, и все разговоры мгновенно умолкли.

– Ты говорила ещё, будто тебя любит какой-то конунг, владеющий землей в Гардарики. Это так или ты это придумала для Хельги?

Крепкие стены покачнулись у неё перед глазами... Ох, стоял же над светлой Медведицей, на крутом берегу, родной Кременец! И будто бы уже прямо к нему, к деревянным стенам-забралу, подходил по широкой реке – рукой подать – драконоголовый морской корабль! И вот, вот он – сейчас отзовётся – чёрный всадник в плаще, вылинявшем от солнца и дождей... Сказка ли мстится, или вправду не зря на что-то надеялась, не зря плакала о нём мало не всякую ночь?!

– Это так, – ответила она тихо.

Тут Халльгрим незаметно покосился на брата. Хельги сплел пальцы и сжал их, и побелели суставы. Он сидел неподвижно и молчал...

– Думается мне, – сказал Халльгрим, – у этого конунга нам повезёт больше, чем в других местах. Если, конечно, он ещё сидит в своём дворе. И если нас самих не перебьют по дороге какие-нибудь венды... – Помолчал и добавил: – Иди, Ас-стейнн-ки.

2

В самую ночь перед отплытием случился переполох: маленькая смуглая Унн родила Сигурду долгожданного первенца... Женщины быстро подоспели на помощь. Зеленоокая Гуннхильд и Звениславка, которой нынче было не до сна. Они-то и приняли крепкого беленького мальчишку, явившегося начать жизнь в пути.

Сигурд, выставленный за дверь, страдал едва ли не больше жены.

– Это Олав! – сказал он, когда в доме закричал младенец. – Я назову его Олавом...

Он не поверил бы, если бы ему показали дочь.

Отец и братья пришли взглянуть на новую родню...

– У нас ещё никогда не приказывали вынести младенца, – сказал Можжевельник. – Славно, что у меня есть внук... Хотя и нелегко тебе будет, Сигурд, сохранить его в пути!

Но счастливый Сигурд не желал думать ни о чём худом.

– Я ведь пойду кормщиком на кнарре, – сказал он отцу. – Я всё время буду поблизости. И если случалось, чтобы сыновья рождались не вовремя, то я о таком не слыхал!

Он взял малыша на руки и окропил его водой из чаши, которую подал ему Бьёрн. Так он признавал сына своим по закону и облакал его всеми правами и тяготами наследия... Ибо придёт срок, и укроет старших прощальное пламя погребальных костров. Тебе, мальчишке, достанется отцовское добро и его место подле вождя – не осрами! И отцовская земля, если только она будет, эта земля. И меч отцовский: продолжать старые распри.

Потому что у врагов твоего отца тоже вырастут сыновья...

Сигурд принёс свой меч, показал его малышу. Раскрыл крохотную ладошку и прижал её к рукояти:

– Рад бы оставить тебе имущество, да у самого ничего нет. Только этот острый меч: что добудешь им себе, то и твоё...

Подошедший Халльгрим наблюдал за ним с одобрением.

– Я надеюсь, – сказал он, – к этому мальчику придут добрые норны. Хорошенько угости духов рода, Сигурд, и если они дадут ему удачу деда, это будет совсем не плохой дар!

Тут Унн пробормотала несколько слов на своём языке, который понимала одна Звениславка.

- Что она сказала? – спросил её Виглафссон.
- Она призывает на тебя милость своего бога.
- Какого бога?...
- Она называет его – Аллах...

И будет у сына Унн сразу два имени: Олав и ещё одно, то, что даст ему смуглолицая мать. И станет он на оба откликаться одинаково охотно. Так всегда бывает, если мать и отец народились от разных народов и верят в разных богов.

А перед самым рассветом во двор явились сторожа. Те, что стояли возле устья фиорда, – предупредить о кораблях конунга, если враги вдруг решат подойти в темноте.

Сторожа привели с собой человека, пытавшегося пробраться к Сэхейму на лодке. Парня узнали: это был рыбак с одного острова в шхерах, лежавших на юге, между землями Гудмунда и Торсфиордом. Года два назад он угодил в шторм во время лова трески – и плохо бы ему пришлось, если бы не Эрлинг на своём кнарре...

– Это хорошо, что я не опоздал! – сказал рыбак, когда Халльгрим вышел вместе с братьями к нему во двор. – Я ведь приехал сюда потому, что вы убили Рунольва. А то он сильно нам досаждал. Вот мы и подумали, что неплохо оно было бы вас предупредить, ведь Харальд конунг идет в здешние места, и мы уже видели его корабли. Другое дело, люди конунга не знают шхер и оттого не могут идти по ночам. А мы не очень-то спешим их проводить...

Халльгрим снял с плеча застёжку и протянул её рыбаку. Он сказал:

- Я собирался сегодня отплыть и без твоего предупреждения!

Обернувшись к людям, понемногу выходившим из дома, и крикнул, стискивая кулаки, и на той стороне бухты в утёсах отозвалось эхо:

- Грузить корабли!

Халльгрим Виглафссон дал свободу всем своим рабам. И тем, кого намеревался взять с собой в плавание, и тем, кто оставался хозяйничать в покинутом доме. Вольноотпущенники помогали таскать на корабли оружие и одеяла, и дом на глазах приобретал нежилой вид.

– Был Фиорд Тора, теперь станет Трэлле – Фиорд Рабов! – сказал Хельги. И усмехнулся углом рта. Навряд ли устоял бы Харальд конунг, случись ему сойтись с Хельги один на один. Хотя и он, как рассказывали, был добрым бойцом...

Отплывавшие поднимались на палубы кораблей... И неохотно же поднимались! Каждого словно бы тащил обратно крепкий канат.

Навсегда!

И уже не будет больше ни этих серых камней, ни далёкого водопада, поющего на тысячу голосов, ни гор под снежными шлемами, ни солнца, встающего из-за гор...

Навсегда!

И они молчали. Так молчали, что даже у Звениславки, глядевшей на них, плакала душа.

И вот наконец корабли приняли всех. И кормщики грели ладонями рукояти правил. Олав – на чёрном корабле. Бьёрн Олавссон – на пёстром. На корме кнарра плечо в плечо стояли Гуннар и Сигурд.

Только сыновья Ворона, трое, оставались на берегу. Не всё было совершено, что следовало совершить.

Халльгрим повёл братьев к дружинному дому... Никто из бывших рабов ещё не посмел войти туда как хозяин; холодная зола лежала в погасшем очаге, и непривычно гулко звучали голоса и шаги между пустых, оголённых стен...

А ведь эти стены помнили и Виглафа, и Фрейдис – совсем молодых. И их, Виглафссонов. Хранили в себе их голоса... их первые крики. Слова ненависти и любви. Под этими насквозь прокопчёнными стропилами Виглаф Ворон протягивал новорожденным сыновьям

свой боевой меч, обещая оставить его в наследство. И всё это видел и слышал огонь в очаге, и стены, и крыша, и потемневшие от древности деревянные боги, охранявшие хозяйское место... Богов увёз из Вестфольда ещё отец Виглафа Хравна. А сам Виглаф утвердил их здесь после долгих скитаний. И пообещал Богам, что навсегда.

Навсегда!

И мерещилась братьям на деревянных ликах безгласная укоризна.

– Простите, хранители предки, за то, что тревожу, – проговорил Халльгрим негромко. – Ты, прадед Видга, дарующий мужество мужам... И ты, Альвгерд прабабка, помогающая женщинам рожать мужей. Пока живы мы, стоящие перед вами, жив род. Ваш род, и не видать вам бесчестья. Я ещё построю для вас дом!

Деревянные божества не ответили. Только слышалось за спиной дыхание братьев...

Они подняли вросшие в землю резные столбы, и дом умер.

И перестал быть их домом.

Пустой, холодный дом с погасшим очагом и тишиной, затаившейся в углах...

Вечером здесь поселятся другие люди, и начнётся совсем другая жизнь. То, что было раньше, уже не вернётся.

Никогда!

– Пускай последует за ними удача предков, – сказал Халльгрим совсем тихо. И двинулся наружу. Он не оглядывался. Зачем?

Братья вышли, по очереди ударив правой ногой о порог.

Там, во дворе, взрывал землю копытами большой рыжий бык, приготовленный в жертву. А над фиордом вились и кричали чайки. Говорят, есть люди, умеющие по птичьему крику предсказывать судьбы. Не нужно было большого умения, чтобы распознать предвещание дальней дороги...

– Давайте положим Богов ко мне, – сказал Эрлинг. – На кнарр. Там большой трюм...

– Нет! – отрезал Халльгрим. – Их место – на боевых кораблях! А не в трюмах с женщинами!

Крепко привязанный бык злобно ревел, мотая курчавой головой. Халльгрим подошёл к нему и вытащил из ножен меч.

– Велика удача конунга! – сказал он, и одноглазый Один у себя в Вальхалле слышал каждое его слово. Ибо даже Боги внимательно слушают, когда говорят вожди. – Велика удача конунга, и не мне её переломить. Но и моя удача не до конца меня оставила. А если она сама так решила, я заставлю её передумать! – И кивнул вольноотпущенникам, стоявшим наготове: – Режь верёвки!

Почувявший свободу зверь ринулся на него, склоняя рога. У Халльгрима хватило бы силы схватить эти рога и опрокинуть быка, но нынче не время было для забавы. Он занёс меч и ударил. Летел бы на него всадник – оба умерли бы, и всадник, и конь. Бык рухнул. Окровавленная морда уткнулась Халльгриму в сапоги. Халльгрим не двинулся с места.

Люди на кораблях начали тихо переговариваться, убирая с берега сходни. Халльгрим подошёл к воде, и с чёрного корабля ему протянули весло. Он вступил на него и перебрался через борт. Прошёл на корму, и Олав передал ему рулевое весло. И Халльгрим скомандовал, держа в руке дымящийся меч:

– Поднять якоря!

Странно, глухо прозвучал его голос, привычный к приказам, способный перекрыть и шум битвы, и завывание бури. Никогда ещё он не отдавал команды тяжелей...

Один за другим три корабля вышли из бухты в фиорд. Вёсла стонали в гребных люках человеческими голосами.

И поплыло, отодвигаясь назад... Двор, ещё хранивший их следы. И туша жертвенного быка посередине тёмного пятна на песке. Дружинный дом, увенчанный ветвистыми рогами

оленья. Весь Сэхейм – Морской Дом, вдруг сделавшийся таким маленьким в своей бревенчатой ограде, у подножия огромных каменных гор... И сами горы словно бы зашагали по берегу, то заслоняя друг друга, то вновь открываясь. И казалось, будто это толпа давно поверженных великанов вышла проводить корабли...

И солнце выплывало из-за этих гор, и больше никогда и нигде не придётся увидеть такого рассвета.

Никогда!

На кнарре у Эрлинга Скегги потянул за руку Звениславку:

– Смотри!

Скегги указывал вперёд, на чёрный корабль, туда, где на корме у рулевого весла стоял Халльгрим хёвдинг. В голосе мальчика звучали жуть и восторг:

– Смотри! Он не оглядывается назад!

Тут Звениславка села на палубу прямо там же, где стояла, под парусом. Спрятала лицо в коленях и заплакала. Сама не знала, от горя или от счастья. Наверное, всё-таки от горя: разве не прожила она здесь целый год, с этими людьми, их жизнью? Как радоваться их горю? Хотя бы оно и обернулось счастьем для неё самой?

Кроме неё, на кораблях не плакал никто.

Халльгрим так и не обернулся, хотя знал, что будет впоследствии себя за это казнить. Он был вождём. Ему следовало показывать людям пример...

Лодка рыбака шла за кнарром на верёвке, а сам рыбак стоял на палубе, разговаривая с Эрлингом Виглафссоном.

– Грозен твой брат вождь! – сказал он ему. – Но ты, уж верно, знаешь, как к нему подойти, чтобы он послушал совета. Лучше будет, если он станет держаться открытого моря, потому что у конунга есть люди, поклявшиеся о его голове. И я не стал бы тут об этом болтать, если бы не видел их так же, как вижу тебя теперь, и не слышал, о чём они говорили. Ведь они ночевали у нас, и я не namного их обогнал.

– Что же за люди? – спросил Эрлинг спокойно. А сам почему-то вспомнил про Эйнара. И как тот погрозил кулаком, плывя прочь от корабля.

– Это Вигдис Рунольвдоттир, – ответил рыбак. – Люди говорят, она в большой милости у конунга. Конунг подарил ей корабль, полный самых отчаянных берсерков, и те слушаются её, как вождя, и называют – дроттнинг. И она такая же рыжая, как сам Рунольв, и она действительно его дочь. Я видел её третьего дня.

– Так, – сказал Эрлинг, помолчав. – Пожалуй, это лучше, что ты заговорил со мной, а не с ним.

3

Эйрик Эйрикссон, брат Гуннхильд, едва не рассердился на сыновей Ворона за то, что те не пожелаали запастись у него ни мясом, ни солодом, ни хлебом.

– Я же богат, – сказал он им с упрёком. – И дом мой благополучен. У меня даже в самые голодные годы не случается так, чтобы не из чего было сварить пива!

Халльгрим ему ответил:

– Твоё богатство растёт на земле, а наше плавает по морю. Мы добудем себе любые припасы, когда захотим.

Харальд конунг останавливался в Линсетре и пировал у Эйрика в доме... Эйрик вспоминал об этом, смеясь и почёсывая затылок. И было что вспомнить! Все знают, как быстро путешествуют слухи. Даже быстрее боевого корабля. И чего только не рассказывали Эйрику о Харальде Косматом! Немыслимое дело – принимать этого конунга у себя. Устроишь пир небогатый, обидится. По достоинству не почтили! А развернись с угощением – снова обида.

Хочет, стало быть, своенравный одальман похвалиться могуществом, показать, что и не думает бояться правителя страны. Хоть бросай землю и дом да беги куда глаза глядят!

Эйрик в горы не побежал. Встретил знатного гостя и как-то сумел и ему угодить, и своего достоинства не потерять. Кончилось тем, что близкий друг Харальда, Рёгнвальд ярл, даже оставил в Линсетре сына. Оставил в знак доверия, как залог... Оставил бы и Харальд, да не было ещё у молодого конунга сыновей.

Видел Эйрик и Рунольвову дочку... Видел подаренный ей корабль. От неё самой и узнал о немирье в Торсфиорде. И успел испугаться, как бы Вигдис не надумала выместить на нём зло. Но и люди Вигдис дурного ему не сделали...

– Теперь не было бы тебе худа, – сказал ему Хельги. – За то, что ты пустил нас переночевать!

Но Эйрик только покачал головой:

– Не станет Харальд наказывать вставшего за родню. Вот если бы я не пустил вас во двор, тогда он первый сказал бы, что я трус. Да, пожалуй, и с земли бы согнал.

Гуннхильд долго обнимала Эйрика и его жену. Потом на кораблях снова подняли паруса... С берега махали вслед, пока можно было видеть. Махали длинными полотенцами: пусть будет дорога гладкой и ровной, как эта мягкая ткань! Пусть Лебединая Дорога вскипает волнами не выше тех, что рождаются на развевающемся полотне.

– Послушай-ка, Эрлинг! – позвал Хельги, пока три корабля шли ещё рядом и можно было переговариваться. – А скажи, Эрлинг, не приглашал тебя Эйрик остаться? Не спрашивал, что ты, домосед, делаешь с викингами в море?..

Халльгрим на своём корабле поставил ухо ветру.

– Приглашал! – долетело над водой.

Хельги приставил ладони ко рту:

– Ну и что ты?

Приёмыш задорно ответил, одолевая расстояние:

– А что видишь!

Он мог бы ещё добавить, что Эйрик предлагал им с Гуннхильд хотя бы оставить в Линсетре на воспитание маленьких сыновей. Эйрик обещал вырастить из них достойных мужей. И твердил, что Линсетр безопасен, особенно нынче – у конунга под рукой... А плавание – как угадать, что ждёт впереди? А в Гардарики? Эрлинг и Гуннхильд отказались в один голос.

– Спасибо тебе, родич, – сказал Приёмыш. – Но мы ведь идём не в поход. Мы не вернёмся...

Три корабля уходили на юг. Два драккара, чёрный и расписной. И кнарр, короткий и круглый подле боевых кораблей.

День за днём шагали вдоль левого борта сине-зелёные берега. Испещрённые чёрными и серыми скалами, прорезанные расщелинами фиордов. То яркое солнце горело над ними в вышине, то наплывала холодная тень облаков... В гранитной броне, в копьях розовых сосен, отороченная белоснежными бурунами, во всей своей весенней славе – земля Норэгр! Родная земля. Халогаланд, потом Страна хёрдов – Хёрдаланд, потом Агдир...

Скоро останется позади и остров, к которому год назад прибило погубленный штормом немецкий корабль. А потом берег круто повернёт на восток, пропуская корабли в Восточное море, которое словене называли Варяжским. А там – считанные переходы, и зазвучит вокруг словенский язык... Не позабыла его, Звениславушка? Не разучилась ли петь?

А там – Кременец...

Звениславка осунулась, перестала спать по ночам. Гнала прочь худое предчувствие, да ведь дума – не птица, рукой на неё не махнёшь, не испугается, не улетит. Может, давно уже чёрной сгоревшей руиной стоял на высоком берегу Господин Кременец. Кто порушил, с кого спросить? Да и кто спросит?.. А вместо говора и смеха людского вылетали в чёрные

провалы дверей ушастые совы, выбегали серые мыши. Да тяжело кружилось, высматривая поживу, зловещее вороньё...

А храброе кременецкое войско да бесстрашная княжья дружина лежали где-нибудь в чистом поле, под лучами волчьего солнышка, и жадный зверь растаскивал непогребённые кости, да палючий вихрь горькой пылью заносил-заметал кровавый след полонённых... А сам-то князь? И скалился безгласно белый череп из-под просечённого шлема, смотрел невидяще пустыми ямами глаз. И цветы прорастали сквозь клочья рубахи, что вышивали любимому эти вот пальцы... Она знала своего князя: живого не возьмут.

Но не верило упрямое сердце такому! И уже не море – распахивались взору светлые плёсы Медведицы, самой матери Роси. Песчаные кручи поднимались вместо окутанных сизой дымкой скал. Там жили в норках стрижи. Любо было нырять оттуда в прозрачную, чистую, холодную, ласковую воду... И нырял следом парень с глазами светлыми, как та река. И летел сильной птицей, раскрыв руки, смеясь и следя – не ухватил бы Звениславушку бородатый дед водяной.

Ходила, покачивалась под ногами сырая палуба корабля.

Одно утешение, если рядом устраивался Скегги. Малышня над ним насмехалась: отроку в его возрасте место на боевом корабле. Но туда Скегги не взяли. Он рассказывал Звениславке:

– Скоро наша Норэгр останется к северу... И будет огромный залив, который называется Вик. Там есть земля Вестфольд, лежащая на западном берегу. Там жил Хальвдан Чёрный сын Гудрёда, и говорят, что этот род называется Инглинги и идет от Одина и богов. При Хальвдане конунге не бывало недорода. И когда он утонул, во многих краях пожелали похоронить его у себя, чтобы приманить удачу. Люди никак не могли договориться между собой и наконец решили разделить тело на части. И всем казалось, что теперь следует надеяться на урожай.

...А дальше лежали земли, издревле овеванные славой нисколько не меньшей. Свеарике, где в древности правили Асы. И Данмёрк со знаменитым островом Селунд, откуда выходили на добычу длинные корабли под стягом Рагнара Кожаные Штаны. И великая Страна вендов, рождавшая таких викингов, что даже Рунольв никогда не совался туда грабить. Венды молились четырёхликому Святовиту и никому ещё не спускали обид. И, верно, не зря даны и юты ходили проливами больше на запад, чем на восток!

Свейский берег покрывали леса. На датском простирались песчаные холмы и не было видно ни фиордов, ни гор. Наверное, даны тоже считали своё побережье лучшим на свете. Но халейги сочли его унылым.

Тихая ночь позволяла не искать убежища у земли... Но всё-таки решено было сделать остановку. Люди знали: эти места – последние на их пути, где знакомый ветер ещё сможет коснуться лица. И родная земля будет лежать где-то у горизонта. Совсем рядом. Протяни руку – достанешь. Скрытая от глаз лишь полуночным сумраком светлой ночи да лёгкими гребешками волн, шелестящих на песчаной мели...

Дома, в Торсфиорде, эта ночь была бы светлей, много светлей. Сколько уже времени качала мореходов Лебединая Дорога, убегающая под киль корабля? Более месяца. И весь этот месяц шла рядом с кораблями земля Норэгр – Северный Путь. Теперь остановилась, отстала. Начинался великий Восточный Путь – Аустрвегр.

Теперь – только чужбина. И впереди, и по бортам, и за кормой. Что там ждёт? И кто там ждёт? Кроме врагов?

Не выдержал даже Халльгрим. Он сказал:

– Не в первый раз иду я этими местами. И всегда мне было весело. Нынче не так...

Один Видга слышал эти слова. А Видга был не болтлив.

Для ночлега выбрали круглый островок, сплошь загромождённый дюнами. Солёный песок не мог дать пищи деревьям. Лишь жёсткая голубоватая трава пронизывала его жилистыми корнями, и длинные листья в кровь резали схватившую руку... Цепкая жизнь.

На этом острове решено было провести ночь и ещё день. А потом двинуться в торговый город Бирку, что стоял в свейской земле, там, где встречалось с морем полноводное озеро Лёг. Следовало пополнить припасы.

Но не только скорбным было расставание с Норэгр! Правду говорят люди: негоже уходить, не отомстив причинившему обиду. И если не судьба сделать это мечом – отомсти словом. Слово, произнесённое умело и ко времени, может стать выкупом за осуждённую голову, лекарством от смертельной болезни... Или смертельным ударом! И всё это смотря по тому, как его сказать.

Поздно вечером люди со всех трёх кораблей собрались на берегу. Халльгрим принёс свой щит, сняв его с борта чёрной лодьи. Старый Олав уселся с ним на песок. В руках кормщика был остро отточенный нож: таким ножом удобно врезать в дерево руны, стремительные и беспощадные, как полёт смертной стрелы...

Халльгрим увидел, как Видга наклонился к Скегги, и тот прошептал что-то ему на ухо; сжатый кулак малыша отбивал в воздухе ритм. Видга кивнул и выпрямился, и Скегги спрятался за его спину. Видга произнёс вслух:

Сыновей родишь ты,
нечёсанный конунг,
что украсят распрей
твою, конунг, старость...

Это было хулительное стихотворение-нид. И сложенное неплохо! Надо думать, Харальд Косматый не заболеет от него и не умрёт, ведь для этого, как утверждают бывалые люди, следует говорить нид прямо в глаза. Но там уж будь что будет – главное, стихи сложены и произнесены прилюдно и Олав начертал их на щите.

В кругу воинов послышался смех, кто-то радовался удачному слову, кто-то пробовал строку за строкой, подбирая иносказание-кеннинг. Это была угрюмая радость!

Олав знай чертил проворным ножом по окованной доске щита. С другого конца толпы подавала голос красавица Гуннхильд, зелёные глаза её горели:

Возьмёшь в жёны жабу,
нечёсанный конунг,
финка-ворожея
твой разум отнимет!..

Когда на поверхности щита не осталось гладкого места, Олав поднялся и понёс его к воде. Народ повалил следом, сыновья Ворона впереди других. Олав зашёл в воду, насколько позволили его сапоги. Пересчитал руны и нашёл, что их число было удачно. Потом повернулся лицом в сторону оставшегося за горизонтом Вестфольда и громко проговорил:

– Нет у нас здесь лошадиного черепа, чтобы насадить его на шест из священного орешника и повернуть, конунг, в сторону твоего дома! Пошлём-ка мы тебе лучше луну морского коня... Ибо думается нам, что и она даст рунам немалую силу! И пусть, Харальд Косматый, это приветствие не даёт тебе покоя и отдыха ни ночью, ни днем, ни зимой, ни летом! До твоего смертного часа – до огня и костра!

Они долго потом вспоминали, как брошенный в воду щит немного покружился на месте, а потом, подхваченный неведомым течением, вдруг довольно быстро поплыл на

северо-запад... Мореходы следили за ним, пока он не скрылся из виду. По всем приметам следовало ждать, что щит доплывёт.

А утром потянулись низкие тучи, сочившиеся дождём. Это плакала за горизонтом земля Норэгр... Хельги стал отпрашиваться у брата в поход – развеять тоску.

– Иди, – подумав, разрешил ему хёвдинг. – Думается, мы оборонимся, если на нас здесь нападут... Но к вечеру стану тебя ждать и не прощу, если не вернёшься.

Знал: не дорога была младшему брату опостылевшая жизнь. Отдал бы, и с радостью, честному мечу какого-нибудь храброго венда! Самому везти любимую в жёны безвестному гардскому вождю! Примерь на себя, на своё собственное сердце: не остановится?

Оттого-то Халльгрим говорил с ним сурово. Наверное, суровой, чем следовало. Однако пусть ведаёт, строптивый: не нужен себе, нужен братьям. И людям, которые за тобой идут и тебе верят. В жизни своей и в смерти воли брат не смей! Живёт на корабле Ас-стейннки – кто её защитит, если падёшь?

Вслух ничего этого не было сказано. Халльгрим долго смотрел на уходивший драккар. Отпустил, а не напрасно ли... Зябкий рассветный ветер заставлял его ёжиться, кутаться в плащ. Крепко запомнило тело стылую осеннюю воду и форштевень Рунольвова корабля! Халльгрим нахмурился, расправил плечи. Не к лицу хёвдингу дрожать.

Когда Эрлинг и потом Эйрик рассказали ему о Вигдис, он слушал их, не изменяясь в лице.

4

Серые облака медленно плыли над морем, едва не задевая голую мачту драккара. Небо походило на глаз, поражённый бельмом. Неужели горел когда-то живой синевой, улыбался солнечно и лукаво? Восточное море угрюмо катило пологие холодные волны. Под мерным дождём, падавшим ровно, без малейшего ветра. Капли постукивали о палубный настил кончиками длинных слепых пальцев: пусть погреться, пусть...

Длинные вёсла неторопливо ворочались в люках: Бьёрн кормщик велел грести вполсилы. Так, чтобы не уставать, но и не мёрзнуть. Сосновые лопасти окунались в прозрачную воду, и пёстрый корабль рассекал серую завесу дождя. Поприща-мили незаметно уходили за корму. Скалилась на носу зловещая тварь, то ли волк, то ли змея, – попробуй, встань на дороге... Он был лёгок на ходу и поворотлив на диво. Не зря так дорожил им Рунольв Скальд.

Скоро середина дня, придётся поворачивать обратно. Ибо Халльгрим хёвдинг был строг. И шутить не любил.

Что же поделаешь – в этот раз Хельги не повезло на добычу. Не всякий поход увенчивается удачей, и это знает каждый, хоть раз бравшийся за весло...

Хельги стоял на носу и смотрел во влажную мглу. По деревянной спине дракона скапывалась вода. Сюда лучше приходить в конце лета, когда купцы разъезжаются по домам... Богатые купцы из Бирки, Скирингссяля, Ладоги, Щетина, Колбрега, Старграда... И чего только не везут: кто съестные припасы, кто заморские ткани и дорогие одежды, кто умельцев рабов и заплаканных красавиц рабынь. А чего ждать весной, кого можно встретить в этих водах – только другой такой же драккар, похожий на тощего голодного волка... С длинными клыками и подведённым брюхом!

Потом Хельги оглянулся на своих людей. Свободные от гребли собрались на нескольких скамьях посередине корабля, там, где палуба была шире всего. Кто-то сел колени в колени с приятелем и двигал резные костяные фигурки по мокрой игровой доске. Друзья заглядывали через плечи игравших, лезли с советами – те отмахивались. Иные собрались в кружок возле седоусого воина: тот рассказывал что-то забавное. Ещё несколько человек рассматривали своё оружие, проверяя, не испортила ли его ржа...

Бьёрн кормщик, нахохлившись, сидел у рулевого весла. В светлой бороде Бьёрна оседали капельки влаги. Олавссон...

Всю жизнь море было ему и домом, и другом, и суровым пестуном! Дарило ему хитро изваянные раковины и диковинных рыб. Пело ему, оставшемуся без матери, колыбельные песни. Лечило разбитый нос и всегда утешало, когда его обижали. И никогда ему не почувствовать себя дома там, где не будет слышно голоса солёной волны...

Хельги задержал на нём взгляд, глаза его потеплели: этого кормщика он не променял бы ни на кого другого, даже на самого Олава... Но тут ему показалось, будто Бьёрн внимательно прислушивается к морю. Так, словно оно собиралось вот-вот заговорить.

Хельги тоже напряг слух... но ничего не услышал.

– Эй, Бьёрн! – позвал он. – А ты ничем нас не хочешь порадовать?

Воины зашевелились, стали оглядываться, игроки прекратили игру. Бьёрн поднял голову.

– Я не знаю, – буркнул он неуверенно. – Мне кажется, там в море кто-то поёт...

Люди притихли, а тот, что забавлял товарищей рассказом, беззвучно пошевелил губами. Должно быть, призвал на помощь богов! Кто может петь в море, кроме злой великанши, высунувшей голову из воды? Бывает, конечно, что раздаются боевые или победные песни. Или просто те, что помогают усталым гребцам. Но уж их-то всегда услышишь изда-лека и не спутаешь ни с чем иным!

Хельги стремительно прошагал на корму. Так, что за плечами встрепенулся отяжелевший от сырости плащ.

– Всем молчать! А ты слушай внимательно, Бьёрн. Где поют?

Бьёрн долго крутил головой. Но наконец твёрдо вытянул руку:

– Там.

– Вот туда и правь, – приказал Хельги и повернулся к гребцам: – Все на вёсла!

С него стало бы погнать корабль хоть прямо в зубы к Мировой Змее. Но повторять приказ не понадобилось: слово Виглафссона – закон! Хельги стоял на носу, отбросив за плечи плащ, рука лежала на рукояти секиры. Он первым увидит опасность. И встретит её как подобает вождю!

Воины вытаскивали из-под палубы копья, вешали на левый локоть щиты. Прятали у тела, под плащами, луки и стрелы...

Трудились вёсла. Дубовый нос корабля с шипением и плеском резал воду, рябую от дождя. И спустя некоторое время далёкое пение смогли распознать все.

И тогда на корабле послышался смех. Славным предводителем был Хельги Виглафссон: всякому ли достанет твёрдости пойти навстречу неведомому, а не прочь! За дальностью расстояния нельзя было разобрать слов, произносимых вдобавок на чужом языке. Да и дождь по-прежнему не давал разглядеть, что там делалось впереди. Но у хора заунывных, лишенных доброго мужества голосов источник мог быть только один.

Так пели у себя в храмах жрецы Белого Бога.

Того, которого много зим назад кто-то будто бы распял далеко на юге, за тридевять морей.

Хельги скомандовал, заметно повеселев:

– Вперёд!

Ибо верно советуют знающие люди: не спеши жаловаться на неудачу. Или хвастаться удачей...

Корабль шёл сквозь серый туман.

Бьёрн вел его по-прежнему на слух, и воины придерживали языки. Оружие лежало между ними на скамьях. Так, чтобы можно было сразу схватить.

Драккар шёл быстро – пение делалось всё громче. И наконец впереди показалась продолговатая тень. Заунывные голоса не смолкали... На чужом корабле не слышали скрипа и плеска, но мало доблести нападать исподтишка, не предупредив о себе! Хельги подал знак, и на мачту, вздёрнутый на верёвке, взошёл красный боевой щит. А с кормы – глухо и сипло из-за тумана – проревел рог.

Голоса впереди захлебнулись и разом умолкли.

Вёсла ударили ещё несколько раз, и стал виден широкий в обводах корабль – на носу и на корме, по обе стороны открытого трюма, возвышались надстройки. На палубе сустились люди: появление викингов застало их врасплох. Хельги обежал их взглядом, прикидывая, упорным ли будет сражение... Намётанный глаз сразу выделил двоих богато одетых мужчин – по виду торговцев – и охрану при них. Щиты на руках, круглые шлемы, длинные, доброй работы мечи... Эти не сдаются легко, и голыми руками их не возьмёшь. Но не так-то их много. Служители Бога сгрудились в отдельную кучку. Длинные балахоны, сандалии на озябших ногах. Эти оружия не носят, и их можно не считать за бойцов.

Невелика слава от такого боя, когда половина соперников безоружна... Хельги приложил ладони ко рту:

– Эй, на корабле! Защищайте себя или сдавайтесь, я оставлю жизнь всем!

Сдадутся, и он отпустит их за выкуп. Вместе с кораблём: на что ему этот пузатый?

Он увидел, как те двое, снаряжённые богаче других, подошли к высокому, сухопарому монаху... У кого испросить совета, если не у жреца? Хельги не слышал, о чём они говорили, однако ему показалось, что драться им не очень-то хотелось. Но монах только покачал головой. Положил руку одному из них на плечо, указал пальцем в небо и произнёс несколько слов... Потом дал поцеловать висевший на груди крест. Воины отошли от него тяжёлой поступью людей, предвидящих скорую встречу с судьбой. Тот, что выглядел постарше, подошёл к борту, вынул меч из ножен и поднял его над головой. Это был ответ.

Ну что же – добро! Хельги вытащил секиру. На широком лезвии сразу появились первые капли – пока это были просто капли дождя.

Монахи спустились в трюм и там затихли. Вёсла драккара вспенили воду – боевой корабль разворачивался, вставая с чужим борт к борту.

Хельги стоял на носу, не прячась от лучников, без щита. Не впрок ему пошли все наставления брата! Другое дело, что лучники почему-то попасть в него не могли...

– Убрать вёсла! – прокричал Бьёрн. Довернул руль, и драккар ударил чужого тяжёлой дубовой скулой. Трущееся дерево пронзительно завизжало... Хельги вскочил на борт и первым бросился вперёд – прямо на вражеские мечи. Его топор взвился над головами, ища себе жертву.

Впились цепкие крючья, натянулись моржовые канаты, и викинги друг за другом посыпались на вражескую палубу... Дошла очередь до Бьёрна.

– Тор да поможет! – закричал он вместе со всеми и перескочил через борт. И скрестил меч с бородатым, плечистым противником.

Монахи в трюме запели опять, но нестройно. Великое мужество нужно для песен о небесном блаженстве, когда вокруг льётся кровь и мешковина ряс вот-вот уступит мечам. Голос не дрожал только у главного жреца:

– С нами Бог!

Хельги услышал это, понял и усмехнулся, подумав, что его боги охотнее помогали всё-таки тем, кто умел владеть оружием. Бой длился недолго: очень скоро драться стало попросту не с кем...

Хельги вытер топор и сказал:

– Они колебались перед боем, но, когда дошло до дела, не трусили.

Их предводитель лежал на палубе у его ног. Он ещё силился дотянуться до выбитого у него меча, но сломанная рука не повиновалась.

– Я смотрю, Белый Бог не очень-то склонен даровать победы, когда его люди не многи числом, – проговорил Хельги задумчиво. – А что у нас?

Погибшие постарались не даром продать свою жизнь. Потерь, правда, не было, но раненные нашлись.

– Пусть их перевяжут, – сказал Хельги. – И всех этих, которые ещё могут жить. Потом решим, что с ними делать. А теперь надо посмотреть, что нам досталось!

Монахов подняли из трюма, подгоняя пинками. Викинги заглянули в опустевший трюм: там почти ничего не было, кроме скудных пожитков братии да кучи какого-то тряпья.

– Небогата наша добыча, – разочарованно протянул Бьёрн. – Вот разве что продать их всех вместе с кораблём?

Хельги с любопытством разглядывал главного монаха – высокого, худого, того самого, что насовествовал воинам сражаться. Он один не был отмечен страхом – тёмные глаза яростно горели из-под низких бровей.

– Кровожадный языческий пёс! – немилосердно коверкая северную речь, обратился он к Хельги. – За то, что ты сделал, ты пойдёшь в огонь! В огонь!

– Это ты верно подметил, – сказал ему Хельги. – Когда я погибну, меня понесут на костёр. А все эти люди были бы живы, если бы ты не послал их на смерть, потому что они не могли нас победить. Кто ты и куда ехал?

Хельги был страшен в заляпанной кровью броне, в шлеме с коваными полукружьями для глаз и нащёчниками, застёгнутыми под подбородком... Но монах его не боялся.

– Я Ульфберт из Бремена, и я нёс в эти земли божественное слово. Ты глух к нему, язычник, ты не ведаешь, что творишь. Ты не желаешь раскаяться, и тебя ждёт ад!

Сын Ворона передёрнул плечами. Раскаиваться ему было не в чем.

– Ну вот что, – сказал он святому отцу. – Мало верится мне, чтобы вы путешествовали с одним мешком сушёной рыбы. И я не видел, чтобы вы кидали что-нибудь за борт! Не хочется мне что-то ломать ни тебя, ни корабль. Где ваше добро?

Ульфберт посмотрел на него так, как сам Хельги мог бы посмотреть и на Рунольва.

– Всё наше находится у тебя в руках!

Хельги снял с головы шлем и задумался о том, что следовало предпринять сначала: обшарить судно как следует или приставить монаху к горлу секиру. Нет, не этому, этот не заговорит. Какому-нибудь другому...

Однако тут из трюма донёсся хриплый, простуженный голос.

– Не верь ему, хёвдинг... он обманывает тебя.

Все обернулись на голос: в трюме стоял босой человек в лохмотьях, с толстой цепью на обеих ногах. Его правая рука была изувечена и, похоже, разгibasась с трудом.

– Не верь, – повторил он, увидев, что его заметили. Он не мог выбраться сам, и Хельги велел двоим воинам вытащить калеку из трюма. Громыхнув цепью, тот встал на мокрые доски. Он сказал Ульфберту:

– У тебя, надевшего женскую одежду, и язык стал как у женщины, изменяющей мужу. Вели раздеть их, хёвдинг, и ты найдёшь, что искал.

Ульфберт оскалил зубы, стремительно шагнул к нему, сжимая костлявые кулаки. Хельги толкнул его в грудь, отбросил на место. Он сказал:

– Совет неплохой. Надо попробовать...

Викинги, посмеиваясь, подступили к монахам. Живо полетела на палубу бесформенная мешковина: иные разделись сами, с другими справились силой. И у многих увидели раздутые нательные пояса, которые так удобно прятать под одеждой...

Человек с цепью на ногах молча смотрел на монахов. Он был болен, на обтянутых скулах горели красные пятна. Но стоял он прямо, сложив руки на груди. Капли дождя сбегали по кудрявым тёмным волосам, по лицу.

Хельги велел раздеть Ульфберта последним и так оставить – в наказание за обман. Но когда от него отошли, голый Ульфберт откинул голову с таким достоинством, что при всём желании посмеяться над ним не удалось...

Хельги с интересом разглядывал добычу. Его внимание сразу привлекли испещренные листы пергаментной кожи, ровно обрезанные и сшитые вместе.

– Что это такое? – спросил он, трогая носком сапога красиво и богато отделанный переплёт... Ульфберт отвернулся.

– Ты, язычник, недостойн прикасаться к ним!

Секира в руках Хельги указала на совсем молоденького монаха:

– Я спрашиваю, что это такое?

Юноша упал на колени:

– Доблестный воин... это священные книги... не вели трогать их...

Губы его прыгали.

– Книги! – сказал Хельги. Нагнулся, поднял и раскрыл посередине. По желтоватым страницам букашками ползли чёрные закорючки... От их вида рябило в глазах. Хельги держал книгу вверх ногами и листал её задом наперед. Он понял свою ошибку, когда ему попался рисунок. Картинка показалась ему занятой. Он бросил книгу монаху:

– А ну прочти, что здесь написано...

Мальчишка с готовностью принялся читать:

– ...когда он шёл дорогою, малые дети вышли из города, и насмехались над ним, и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса, и растерзали из них сорок два ребенка...

– Хватит! – оборвал его Хельги. – Кто был этот сумасшедший старик, о котором здесь говорилось?

Монаха затрясло:

– Это Ветхий Завет... это был великий пророк... он...

Хельги выдернул у него книгу и бросил на палубу.

– Такие, как ты, вполне заслуживают подобного Бога. Бьёрн!

Бьёрн выступил вперёд. Юный монах заслонился руками, не замечая того взгляда, которым наградил его Ульфберт... Хельги приказал:

– Посмотри, Бьёрн, эти, как их... Оставь что получше, остальные обдери и выкинь в воду. Всё равно эти листы ни на что больше не пригодны...

Кормщик кивнул и опустился на корточки. Но как только полетела в воду первая расстрёпанная книжица, Ульфберт, дотоле стоявший как изваяние, с невнятным криком бросился к Хельги и жилистыми руками вцепился ему в горло.

Сын Ворона во второй раз отшвырнул его прочь. Двое викингов сгребли монаха, заломили ему руки...

– Не надо, – сказал Хельги, и Ульфберта выпустили. Хельги подошёл к нему вплотную:

– Твоих людей я продам на первом же торгу...

Ульфберт был одного с ним роста – но смотрел поверх его головы.

– Господи, Ты послал мне это за мои грехи. Благодарю Тебя!

Хельги сказал:

– Бросьте его за борт...

Монах шагнул было сам, но воины со смехом подхватили его, раскатали – и сухопарое тело, взметая брызги, исчезло в холодной воде. Однако посмеяться не удалось и на сей раз. Вынырнув, Ульфберт стал ловить книги, пытаясь приподнять их над водой...

– Мужественный человек, – похвалил его Хельги. – Здесь есть лодки – спустите-ка ему одну...

Потом он пошёл туда, где молча, не отвечая на расспросы, стоял тот другой – в оковах...

– Большую удачу ты нам принёс! – сказал ему Виглафссон. – Чем тебя наградить?

Раб ответил:

– Ты можешь наградить меня, а можешь велеть бросить в море, потому что в работники я мало гожусь. Это дело твоё!

– Клянусь деревянной рыбой! – сказал Хельги. – По твоим речам в тебе не заподозришь трэля! И ты говоришь на нашем языке точно настоящий халейг. Как твоё имя?

Человека бил жестокий озноб. А на лбу, между прядями грязных волос, виднелось клеймо. Багровый крест, глубоко вдавленный в кожу...

Человек хрипло проговорил:

– Сперва сними с меня цепь!

Воины заворчали от такой наглости, но Хельги кивнул, и это было исполнено. Тогда раб сказал:

– Я ведь не всегда носил знаки, которые ты видишь на мне. Я был викингом и хёвдингом не хуже тебя самого! У меня был добрый корабль, и родился я, точно, в Халогаланде. Но удача меня оставила, и я потерял и корабль, и людей, и даже правую руку. И меня по-разному называли, но своего имени я ещё не позабыл. Мать звала меня Торгейром сыном Гудмунда херсира Счастливого. А ты кто?

Какое-то мгновение Хельги молчал. Потом не торопясь ответил:

– А я тот мальчишка, с которым ты дрался, когда наши с тобой отцы ездили в гости друг к другу. Или ты, Торгейр, уже не помнишь, как приезжал к нам в Сэхейм?..

5

– Раб и сын раба! Не тебе поднимать руку на сыновей викингов – твоё место в хлеву!

За спиной Видги, потрясенный внезапным несчастьем, стоял Скегги. А в лицо внуку Ворона, подбоченившись, улыбался вольноотпущенник из Торсхова – рослый парень по прозвищу Грис. Когда этот Грис пришёл с бывшего Рунольвова двора и сказал, что хочет пойти на кораблях, Халльгрим ещё посмотрел на его сильные руки и решил, что лишним он не окажется. Грис был старше Видги и выше ростом. И он был уверен, что Видга не отважится с ним сцепиться.

Да ещё из-за пустяка!

Грис вертел на пальце серебряную цепочку с подвеской в виде молота Тора. Единственное сокровище, которое Скегги унаследовал от отца. Грис подкараулил заморыша в дальнем конце островка и ограбил. Видга подросел быстро, но вовремя вмешаться не успел.

Грис сказал ему:

– Ты-то не будешь мне указывать, где моё место. Вытри нос этому слабосилку и убирайся отсюда!

Его прозвище значило – Поросёнок. И настоящее имя Гриса знали немногие, ибо люди находили, что кличка была ему очень к лицу. Хотя более всего он походил на молодого голодного пса.

А с трёх сторон молчаливо стояли песчаные дюны. С четвёртой тихо плескалось вечернее море. Там тоже никого не было, только чайки, сядившиеся на мокрые лысины валунов. Лагерь и корабли остались на другой стороне островка, и никто не услышит, даже если закричать.

Скегги молчал и только беспомощно трогал ссадину на щеке, полученную в неравной борьбе.

– Ты отдашь Скегги то, что ты у него отнял, – сказал Видга сквозь зубы. – И лучше тебе будет, если ты сделаешь это добром!

Грис засмеялся.

– А ты мне не указ. Твоя мать никогда не была выкуплена! И твой отец что-то не вводит тебя в род... если он тебе отец!

Не зря жил Грис в Рунольвовом дворе. Скегги тихо охнул. Халльгрим хёвдинг ещё перед отплытием поклялся повесить любого, кто нарушит мир во время похода.

Видга какое-то время стоял молча.

– За такое следует платить, Поросёнок, – очень спокойно сказал он наконец. – И не серебром. И не хочется мне, чтобы, когда мы расстанемся, кто-либо из нас счел, что я заплатил недостаточно.

Грис собрал цепочку в ладонь... кулаки у него всё-таки были здоровенные.

– Поди прочь, похожий на девчонку. Не то я рассержусь!

Видга шагнул к нему, поправляя на себе ремень.

– А я на тебя не сержусь, потому что викинги не сердятся на рабов. Они разбивают им головы.

Грису некогда было прятать отнятый оберег – он попросту размахнулся и с силой швырнул его в воду. Он достанет его, когда разделается с Видгой.

Скегги коротко вскрикнул и кинулся было к берегу, но сразу остановился. Он не мог бросить друга и вождя. Видга сказал ему, не оборачиваясь:

– Заметь, где упало. Я вытащу. Вот только прирежу эту свинью...

Грис был охотником и знал, для чего носят в ножнах ножи. Пускай сын хёвдинга пеняет на себя за то, что не ко времени сюда подошёл. Надо будет только поглубже зарыть его в песок. И сопляка рядом с ним – чтобы не болтал. Да и переплыть с этого острова на другой. А там датские земли, и пускай Халльгрим Виглафссон плывет на своих кораблях куда ему заблагорассудится!

Однако Видга успел-таки заслониться левой рукой. Лезвие ножа располосовало её от кисти до локтя, но груди не коснулось. Видга перехватил руку Гриса в запястье и вывернул – он был привычен грести по полдня, не замечая усталости... Они сцепились, покачиваясь, дрожа от напряжения. По руке Видги бежала кровь, но хватка не ослабевала. Тут-то Грис и припомнил, что Видга, как говорили, бывал в боях и за спинами не прятался. Зря он в своё время этому не поверил!

Грис выдохнул, сипя от натуги:

– Мальчишка... я оставлю тебе жизнь. Но отсеку тебе ухо, если ещё раз полезешь не в своё дело!

Видга понял, что вольноотпущенник струсил. И прохрипел в ответ:

– До моего уха ты, длиннопятый, сперва доберись...

Скегги метался вокруг и не знал, как поступить. Каковы были кулаки Гриса, он уже знал, но не это его останавливало. Видга, даже раненный, не потерпит, чтобы ему помогли в единоборстве.

Видга отчаянным усилием оторвал от земли одну ногу, поддел Гриса под колено и яростно дёрнул. И покатился с ним по песку – вниз по склону дюны, к воде. Скегги побежал следом. Песок был мокрым от дождя, и ноги не вязли. Видга и Грис рухнули в воду.

Скегги подбежал и увидел, что Грис был внизу. Внук Ворона сидел на нём верхом, прижимая коленями ко дну. Грис молотил ногами, но вывернуться не мог. Его голова была в воде, и Видга не спешил его выпускать.

– Не надо! – закричал Скегги. – Не надо!

Он схватил его здоровую руку, но пять пальцев Видги были много сильнее его десяти.

– Не надо! – завопил Скегги не своим голосом. Видга выпустил наконец Гриса и поднялся... но зашатался и упал бы, если бы не малыш.

– Отстань! – сказал сын хёвдинга и оттолкнул его. – Ещё ты будешь мне помогать!

По пальцам текла кровь, и Скегги заплакал. Теперь Видга из-за него останется калекой.

– Не квохчи, – оборвал его Видга. – Лучше перевяжи.

Скегги мигом стащил с себя рубашку и оторвал от неё оба рукава. Грис выполз из воды и растянулся рядом с ними на песке... Его корчило, он кашлял и никак не мог отдышаться. Ещё немного, и Видга утопил бы его. Видга сказал ему:

– Пошёл отсюда...

Потом они долго искали в воде сгинувший оберег. Оба нырнули по несколько раз, но ничего не нашли. Тогда Видга выгнал Скегги из воды и стал искать один. А Скегги сидел на берегу и хлюпал носом, ненавидя себя за то, что не сумел отстоять собственного добра.

Однако в конце концов Видга нащупал цепочку босыми пальцами ног и вытащил. И как раз вовремя, потому что уже начинало смеркаться. Скегги натянул на него сапоги, подлез под его здоровую руку, и они побрели по песку. Видга не жаловался, но шёл всё медленней. Солнце садилось – а до кораблей всё ещё было неблизко...

Вот тогда Скегги и сжал свой оберег в кулаке. Этот оберег всегда приносил удачу: не зря же викинг по имени Орм оставил его своей любимице-рабыне. Оставил перед плаванием, из которого ему не суждено было вернуться...

– Помоги, Аса-Тор, – зашептал Скегги, глядя нагретый в ладони молоточек. – Помоги, ну что тебе стоит!

Сперва ничего не изменилось, но потом Бог-громовик услышал. Над гребнем дюны мелькнул факел, потом ещё. Послышались голоса. И вскоре Видга и Скегги уже стояли перед Халльгримом Виглафссоном, рыскавшим по острову во главе десятка людей.

При виде отца Видга выпрямился, отстранив Скегги... Халльгрим с явным трудом удержался от хорошей затрешины:

– Где тебя носит?

Он ещё не разглядел впотьмах разорванной мокрой одежды сына и пятнистой повязки на его левой руке. Видга ответил бесстрашно:

– Ты не говорил мне, когда следует возвратиться, и я не маленький, чтобы бояться темноты. Ты решил, что меня украли датчане?

Подошли воины с факелами, и Видга предстал во всей красе перед вождём.

– Глядя на тебя, можно подумать, что это ты похищал датских девок, – проворчал Халльгрим. – Во всяком случае, времени зря ты не тратил. Что это с тобой приключилось?

– Я не скажу, – ответил Видга и пошатнулся.

Халльгрим шагнул к нему, взял за плечи и встряхнул.

– С кем это тебе показалось тесно на одном острове?

Видга повис на его руках и закрыл глаза:

– Я не скажу.

Халльгрим повернулся к Скегги:

– Я хочу знать, с кем он сцепился!

Скегги стало худо от страха. Как ответить вождю? Да ещё ответить отказом? Он сказал, задыхаясь от собственной дерзости:

– Видга не говорит, и мне ни к чему...

Он крепко зажмурился, ожидая, что Халльгрим вгонит его в землю кулаком. Но сын Ворона только хмыкнул в усы:

– Я надеюсь, вы, двое храбрецов, хоть победили того, с кем дрались?

6

Торгейра вымыли и одели, а потом накормили так, как он не ел уже давно...

– Мюсост, – сказал сын Гудмунда, взяв в руки кусок пахучего светлого сыра. – Козий мюсост. Я, кажется, уже забыл, каков он на вкус...

Одежду ему Хельги подарил свою собственную. Она не очень-то пришлась Торгейру впору: Хельги был великаном, а сын херсира вышел ростом как раз в отца, то есть Хельги по плечо. Но лучшего наряда он для себя не желал.

– Я сразу узнал этот корабль, как только высунул из-под палубы нос, – рассказал он Виглафссону. – Я бы, конечно, не понял, что ты – это ты... Даже если бы ты был без шлема. Но я кое-что понимаю в кораблях и в драккаре ошибиться не мог. Однако в последний раз, когда я его видел, на нём ходил Рунольв Раудссон. Вот я и стал гадать, к кому же он мог угодить!

Вёсла пёстрого корабля раскалывали поверхность воды. Корабль шёл обратно к островку – там ждал Халльгрим, и незачем было его сердить. Торгейр, закутанный в меховой плащ, сидел лицом к корме и смотрел на пленное судно, тащившееся позади. Там работали усердные, но неумелые гребцы: на вёслах сидели монахи. Их руки не были чужды труду, но тяжёлые вёсла стёсывали кожу с ладоней. Торгейр сказал:

– Ты знаешь, я ждал чего-нибудь подобного. Но только я никак не думал, что это окажется именно ты. Я боялся, как бы они не напоролись на вендов... Так, значит, Рунольвов корабль теперь у тебя?

– Мы сразились с Рунольвом, – сказал Хельги. – И вот этой секире посчастливилось отправить его пировать в Вальхалле... А твой отец, Гудмунд херсир, приезжал к нам нынче весной. Он говорил, что его род оборвался.

Торгейр подпёр голову рукой и задумался.

– Может, это и к лучшему, что он считал меня погибшим, – сказал он погодя. – Незачем ему было знать всё это время, что его сын таскает камни и месит навоз...

Потом спросил:

– А что ты сделаешь с монахами?

Хельги пожал плечами:

– То, что и обещал их вождю. Продам на первом же торгу, потому что мы как раз собираемся в Бирку. Ты хотел бы расправиться с ними иначе?

Сын херсира покачал головой:

– Если ты повезешь их в Бирку, не так хорошо тебе будет там торговать, как ты думаешь.

– Почему?

– Потому что они и направлялись туда. Их там ждёт святой отец.

– Кто?

– Жрец Белого Бога по имени Ансгар. И Бьёрн конунг свеев, как я слышал, ему покровительствует. Поэтому незачем тебе продавать в Бирке ни монахов, ни те вещи, которые тебе достались.

Хельги улыбнулся:

– Полдня ты со мной, а уже во второй раз даёшь хороший совет. Если ты захочешь отправиться со мной и дальше, навряд ли я пожалую о том, что нынче надумал тебя пригласить!

Торгейр щербато усмехнулся, плотнее заворачиваясь в мягкий тёплый мех.

– Мне да не пожелать следовать за тобой... А скажи, сильно ли постарел мой отец?

Хельги вдруг подумал, что ведь Торгейр не всё ещё знал о том, что творилось нынче в Норэгр.

– Нескоро ты теперь увидишь своего отца, – проговорил он глухо. – Потому что мы не живём больше у себя в Сэхейме, как и твой отец не живёт теперь на своих островах. Мы с братьями идём Восточным Путём – в Гардарики, и всё это из-за Харальда конунга и Рунольва Раудссона, который с ним дружил. А куда правит твой отец, этого я не знаю.

Торгейр задумался... Опустил голову и долго молчал. А потом Хельги услышал:

– Тогда послушай, что я скажу тебе, Виглафссон... Ты, может быть, помнишь, что мы с отцом плоховато ладили последнее время. Моему отцу мало нравилось, что Харальд конунг начал присваивать себе чужие земли...

Хельги перебил:

– А кому это понравится?

– А я, – продолжал Торгейр, – я ездил служить конунгу, так как считал, что неплох тот вождь, который умеет подчинить своей воле всех остальных. И Харальд многое мне доверял. И ты можешь выкинуть меня за борт, Хельги Виглафссон, никто тебя за это не осудит.

Воины продолжали грести, поглядывая на Хельги. Сын Ворона всегда был скор и крут на расправу, Торгейру оставались мгновения жизни, никто в этом не сомневался.

Однако Хельги даже не двинулся с места. А потом вдруг ещё и засмеялся, – другое дело, что этот смех мало кому показался весёлым.

– У тебя не голова Мимира на плечах, чтобы продолжать давать советы отдельно от тела. Я знаю, что я сделаю. То есть чего мне не следует делать. Я не стану спорить с тобой о Харальде конунге...

Миновала середина дня, и уже под вечер, когда островок вот-вот должен был показаться, им повезло ещё раз. Дождь прекратился, и мгла покинула море, поднявшись кверху вместе с облаками. Поэтому зоркие глаза Бьёрна Олавссона ещё издали разглядели два кнарра, шедшие навстречу. Оба глубоко сидели в воде, стало быть, были нагружены.

Они и не подумали бросаться в сторону при виде драккара. Людей на них было больше, чем у Хельги, и они надеялись оборониться. Когда корабли поравнялись, старший из корабельщиков, широкоплечий и плотный, с длинными усами, окликнул:

– Эй, викинг! Чего хочешь, боя или мира?

У него тоже бежало по жилам отнюдь не молоко.

– Мира, – ответил Хельги, улыбаясь во весь рот. – Мне твоего добра не надобно, своё есть на продажу! А везти его в Бирку хлопотно!

Усатый велел своим людям табанить.

– Что же ты продаешь?

Хельги указал на монашеское судно.

– Вот... Корабль и гребцы на нём. Это должно пригодиться путешественнику вроде тебя!

Его воины, оставленные сторожить пленников, подняли их со скамей и поставили вдоль борта. Монахи стояли понуро в своих бесформенных одеждах, с распухшими от непосильной работы руками, осунувшиеся, жалкие.

– А каков в море этот корабль? – спросил купец. – Рабы-то мне пригодятся, но я живу далеко, и судно должно выдержать дорогу.

Хельги ответил:

– Я немного могу о нём рассказать, кроме того, что он крепок. Я сам только утром его впервые увидел.

Торгейр неожиданно вмешался:

– Он остойчив на волне и берёт хороший груз, даже коров... Он хорошо слушается руля, хотя и не может идти так круто к ветру, как твой кнарр.

– Ты-то откуда это знаешь? – удивился усатый.

Торгейр пошевелил изувеченной рукой, потом с усилием поднял её и отвёл волосы со лба.

– Я был рабом у хозяина этого корабля. Люди зовут меня Гудмундом Счастливым, херсиром из Халогаланда. Расскажи ему обо мне, если тебе повезёт и ты его встретишь.

– Расскажу! – пообещал путешественник и добавил: – Быть может, хоть это защитит меня и моих людей, если твой отец налетит на нас в море! Я куплю корабль.

– И рабов?

– И рабов.

– Вот только надо мне тебя предупредить, – сказал Виглафссон. – Их всех называют монахами, и сдаётся мне, что они больше любят болтать о своём Боге, чем растаскивать камни с полей!

Корабельщик засмеялся.

– Мой дом в Исландии, а это такая страна, где лентяи быстро делаются трудолюбивыми... Я покажу им пустынное хейди и пообещаю прогнать их туда, если они будут не так расторопны, как я захочу!

7

Было так.

Жил в Свеарике Гюльви конунг, повелитель страны. Ратных дел этого конунга никто не запомнил, нечего было и запоминать. Но люди рассказывают, будто любил он песни и любил слушать прекрасные женские голоса.

И вот однажды явилась к нему женщина по имени Гевьон, красивая на диво, и попросила разрешения спеть. Конунг ей позволил. И пока звучал её голос, сидел не шелохнувшись. А потом только всего и сказал:

– Остайся здесь, светлая Гевьон, будь всегда около меня. Или возьми в награду что пожелаешь...

И тогда Гевьон будто бы попросила у конунга столько земли, сколько сумеет унести за один раз.

– Малым довольствуется Гевьон, – ответил Гюльви конунг. – Но раз уж ты не хочешь остаться здесь со мной, пускай будет по-твоему...

Тогда-то Гевьон кликнула к себе четверых могучих сыновей, да и обратила их в быков. Запрягла в плуг и стала пахать... И на диво большой пласт поднял тот плуг: со скалами, с деревьями, с целыми лесами, со стадами вепрей, ревавших от ужаса! Поднатужилась четверка быков и уволокла его в море. И стал посреди моря остров Селунд. Потом там поселились датчане. Вот сколько земли за один раз унесла красавица Гевьон!

А глубокую рану в теле земли быстро заполнила целительница вода. И стало в Свеарике озеро Лёг. И долго ещё дивились люди тому, как странно схожи его заливы с мысами острова Селунд...

Порывистый ветер шумно ударял в паруса. Боевой корабль то стремительно вспарывал чёрно-сизые волны, то лебедем скользил между островов.

Звениславка жадно глядела по сторонам – на берега. Чем дальше от моря, тем меньше голых скал, всё больше песчаных холмов и ярких, издалека видных обрывов. Земля славная! И народ здешний, свеи, почаще урман заезжали в русские пределы. И миром и войной, это уж как всегда... А в городе Бирке часто видели русских купцов. Может быть, и теперь там стоят?

По озеру, не опасаясь друг друга, сновали туда-сюда проворные корабли. С тех пор как семнадцать зим тому назад Анунд конунг открыл Бирку датчанам, здесь сталолюдно. Со

всех сторон спешили гости к острову, похожему сверху на плоский хлеб, обкусанный с юго-западной стороны. Этот остров и селение на нём хорошо знал весь Север. Здесь самые отчаянные викинги вкладывали в ножны мечи и превращались в мирных торговцев. Здесь встречали людей с далёкого Востока, темнолицых, с завитыми или выкрашенными бородами, в странных одеждах; бородатых южан с крестиками на загорелых шеях и с золотом в кошельках; вендов из Юмны и Старграда в узких змееподобных лодьях-сnekках, за которыми не могли угнаться драккары; и словен, никогда не расстающихся с оружием, – из Ладоги, из Нового Града...

Шли в Бирку корабли Халльгрима Виглафссона. Дней десять можно было потратить на то, чтобы походить по шумному торгу, пополнить припасы, посмотреть товары и людей... Спешить некуда: тот исландец на прощание рассказал Хельги, что на великой реке Нюйе ещё не сошёл лёд.

Мужчины и женщины одинаково старательно прихорашивались, надевали лучшие одежды, украшения. Никто не хотел выглядеть неряхой и бедняком. Даже вольноотпущенники...

А город, ни от кого не прячась, лежал себе на открытой прибрежной низине. Бревенчатые настилы начинались от самой воды и, не сворачивая, шагали между рядами деревянных крепких домов. За домами виднелась увенчанная башенками серая от дождей стена. Стена обнимала весь город – от причала до причала. И всё вместе это походило на молодой месяц, уложенный рожками к озеру. Улицы пестрели народом: купцами, воинами, женщинами, рабами, детьми...

Гавань перед городом защищал длинный ряд брёвен, насмерть вколоченных в дно. Между сваями не протиснулась бы лодка, не говоря уже о боевом корабле. В Бирке стояло сильное войско, здесь не опасались таких, как Халльгрим и Хельги. Страшен был только очень сильный враг вроде беглого Анунда конунга с его тридцатью двумя кораблями. Но такого набега в ближайшее время не ждали.

Три лодьи беспрепятственно вошли в гавань, спустили паруса и бросили якоря в мелкую прибрежную воду. И скоро от каждого отчалило по лодке со счастливцами, которые первыми попадут в город.

В той, что отвалила от чёрного корабля, среди воинов сидел Видга сын хёвдинга и рядом с ним Скегги – разлучить этих двоих с некоторых пор сделалось невозможно. Некрашенная рубашонка Скегги сияла новыми рукавами, которые заботливо пришила к ней Астейнн-ки. Скегги старательно охорашивался в этих обносках – ему хотелось, чтобы Видге не было стыдно с ним ходить.

Ещё на палубе Видга показал ему кожаный кошелек:

– Здесь целых две марки! У меня было своё серебро, потому что я ходил в походы, но отец дал мне ещё и сказал, что я могу купить всё, что только захочу!

Скегги смотрел на него с завистью и восторгом:

– Всё, что захочешь?

Видга помялся и добавил для справедливости:

– Отец сказал, что на очень большую глупость здесь не хватит всё равно...

Когда нос лодки ткнулся в сваи причала, люди выбрались на берег и разошлись, кому куда захотелось. Один только Этельстан, сам вызвавшийся покараулить, никуда не пошёл. И лениво растянулся на дне судёнышка, подложив под голову шапку. Кому другому эта Бирка, может, и впрямь казалась донельзя многолюдной и шумной. Англа, родившегося в Эофорвике, удивить было трудней. Этельстан прикрыл глаза от солнца натруженной в гребле рукой... Десять дней – срок немалый. Пожалуй, и он ещё погуляет по улицам, полюбуется диковинками... а может быть, и встретит кого-нибудь из родных мест!

Глаза англа были полузакрыты, но шутники из тех, что любят обдать водой, а то и перевернуть задремавшего сторожа, обходили его лодку стороной.

Звениславка, приехавшая на другой лодке, настороженно оглядывалась по сторонам... А ну как мелькнут в толпе знакомые глаза, прозвучит родная словенская речь! Ждала, замирала в ожидании – и страшилась. Не свои ли словене выкрали из дому, запихнули в душный мешок, повезли на лодье – заморскому купцу продавать! Хорошо ещё, в Ладогe, а не здесь. Не то, наверное, на берег бы нынче не сошла.

Пожилая женщина с добрым лицом, к которой Звениславка в конце концов отважилась подойти, показала ей зелёные макушки сосен, торчавшие над крышами домов:

– Они отплыли только вчера. Вон там они ставили своих богов и просили у них прибыли!

Ладно – десять дней протекут как один... А там – два-три перехода, и почти что дом! И свои лица, а не заезжие незнамо отколе, истинно свои!

А по сторонам продавалось всё, чего только могла пожелать человеческая душа. От хлеба и мёда до панцирей и секир! Тонкими, благородными голосами пели стеклянные кувшины и кубки, изделия франкских мастеров с далёкого Рейна... Драгоценными искорками переливались биармийские меха. Маленькими солнцами горел жёлтый янтарь, и дивные мошки смотрели из него на людей. Шелестели орлиные крылья в руках голубоглазых людей из-за моря, из Эйсюслы... Вспыхивали на свету невесомые ткани, приехавшие с другого конца населённой земли. Извивались рогатые каменные ветки с острова Готланд. Привораживали глаз невиданные раковины далёких южных вод. Ржали, били копытами горячие нетерпеливые кони... Сверкали золотым шитьём изделия местных мастеров: подушки, ленты для девичьих волос... Блюда с чеканными узорами и подвески-лошадки с зелёными камнями вместо глаз!

Звениславка прошла несколько улиц из конца в конец. Хельги Виглавич велел ей непременно что-нибудь купить – и как же не купить, не уважить его? Да поди выбери, когда вокруг так много всего! Шла, вертела головой направо-налево, забывала смотреть вперёд.

Вот и завели её резвые ножки в совсем не весёлое место, где продавали рабов.

Рабы-мужчины сидели по лавкам, стояли подле хозяев: опущенные головы, угрюмые глаза... Девушек прятали в палатках. Заходи, кто пожелает, выбирай, не приглянется ли какая! Вот горе-то – кто и поймёт, пока самого не продадут?!

Люди оглядывались: бегом ведь кинулась прочь! И тут-то сзади раздалось русское, родное:

– Купила бы, красавица...

Звениславка не сразу и поняла. Не сразу ушам своим поверила, не вдруг остановилась. Но потом ахнула, оглянулась, бросилась назад.

Прямо перед ней, друг подле друга, сидело на лавке с десятков рабов. Третий справа, плечистый, русобородый, смотрел ей прямо в глаза.

– Купила бы, – повторил он негромко.

– Как... признал? – спросила его Звениславка. Вот так и молвила русское слово – впервые не затем, чтобы позабавить любопытных урман!

– Сам словенин, вот и догадался, – ответил раб.

Звениславке захотелось расспросить его сразу же о тысяче разных вещей. Но незримая рука перехватила горло. Спрятала лицо в ладонях – и хлынули слёзы.

Хозяин рабов, скупавший поблизости в деревянном кресле, поднялся и подошёл. Был он важен, на руке гордо поблёскивало золотое кольцо.

– Чем обидел тебя этот трэль? – спросил он Звениславку. – Он давно заслуживает наказания. Если он наболтал тебе дерзостей...

Она сумела выговорить:

– Продай мне его!

И меньше всего думала она о том, как понравится такая покупка её спутникам-халейгам, как посмотрят Эрлинг и Халльгрим... Да и о том, что русобородый и вором мог оказаться, проданным в холопы за кривые дела!

Торговец между тем удивился, но цену назвал. Две с половиной марки! Раб, по его словам, владел редкостным умением: знал тайну стекла. Звениславка схватилась за кошелек, в который с утра ещё и не заглядывала... Торговец рабами принёс весы, вынул из коробочки граненые гири... и вышло, что сделка состояться не могла. Не хватило четверти марки.

Звениславка робко попробовала поторговаться, но хозяин встал на своём.

– Если тебе кажется, что я дорого за него прошу, выбери себе другого, подешевле, а этот пускай останется у меня. Я ведь не виноват в том, что ты недостаточно богата.

И отошёл себе в сторонку, злым пауком уселся ждать покупателя щедрее.

– Хоть и холопом, а всё у своих бы, – мрачно сказал русобородый. – Не у свиньи какой иноземной! Да вот не судьба...

– Ты кто? – запоздало спросила Звениславка. – Как звать-то? За что сюда продали?

– Звали-то Улебом, – ответил невольник. – Теперь как назовут, про то не ведаю. А жил в Ладогe. Князю вот нашему ладожскому не угодил, соколу белому, шелудивой собаке!

Звениславка даже руками всплеснула. Кто же не слышал про грозного варяжского князя!

– Рюрику! Да что ты ему сделал такого?

Улеб отвечал достойно:

– Сказал ему прилюдно, чтобы не думал сам за всё вече решать. Они ведь, варяги, и говорят и веруют вроде как мы. А живут по-другому.

– Да что же князь?

– А что князь! Спросил меня: уж не ты ли, стеклу кузнец, меня вразумишь? Погодь, говорю, может, и я, срок дай... А он мне тут: чего ждать, давай ныне! Пусть, значит, мечи добрые судят, кто прав! Наш дедовский обычай на меня же повернул! Ему-то всю жизнь только дела было, что драться.

Он замолчал: что уж рассказывать про поединок, про поражение, про рабский торг!

– Сама-то кто такая? – спросил он Звениславку.

Она встрепенулась:

– И мы словене... С Медведицы-реки. Я в Кременце жила.

– А здесь что делаешь?

– Теперь на лодье живу урманской... Домой с ними еду. Из их страны!

Улеб опустил голову:

– Мимо поедешь... Городу нашему от меня поклонись.

– Ас-стейнн-ки! Ас-стейнн-ки!.. – раздался тут голос Скегги. Звениславка обернулась: малыш бежал к ней вприпрыжку, счастливый, в красивой новой рубашке, стянутой кожаным поясом. На поясе висели длинные ножны с настоящим охотничьим ножом... Видга шёл следом.

– Ас-стейнн-ки, смотри, это Видга мне купил! – радостно похвастался Скегги, вертась и показывая обнову. – Он сказал, я настоящий хирдманн и со мной можно ходить!..

Тут он заметил смотревшего на него Улеба и осёкся, поняв, что без спросу влез в разговор:

– Ас-стейнн-ки, а это кто?

– Нашей земли человек, – ответила Звениславка.

А Улеб добавил с кривой усмешкой, на северном языке:

– Трэль...

Подошёл Видга... Он бережно нёс в платке свою левую руку. Короткий разговор не минул его ушей. Он спросил:

– Этот малый из города, где ты жила?

– Нет, – ответила она. – Он из Альдейгьюборга. Он...

Видга перебил:

– А почему у тебя глаза красные? Ты плакала?

Она беспомощно глянула на Улеба, не зная, как объяснить внуку Ворона всё то, что вдруг так переполнило её сердце. Но молодой викинг не дал ей времени собраться с мыслями.

– Почему ты не купишь его? Пусть бы он тебе и прислуживал...

– Я хотела купить, – ответила она, и губы опять задрожали. – Больно дорого просят...

Видга без лишних слов протянул ей кошелек, ещё не успевший как следует отощать на торгу:

– Возьми!

Когда они все вместе шли к берегу, Улеб-ладожанин вдруг сказал ей:

– Так ты, стало быть, из Кременца?

– Из Кременца, – кивнула она и разом всполошилась: – А что? Слышал что-нибудь? Худое что?

Так и закачались перед глазами избы сгоревшие, забрало порушенное... Спокойный голос Улеба пробился сквозь чёрный туман:

– Да нет... Просто князь ваш, Чурила Мстиславич...

Ожившая было Звениславка вновь побелела, прижала рукой зашедшееся сердце:

– Да не томи же ты!

– А и рассказывать-то нечего, – подивившись такому испугу, ответил Улеб. – У него, как говорят, невесту лихие люди увезли прошлой весной. Вот он и скакал серым волком. Даже к нам в Ладогу приезжал. Видел я его и больше не хочу. Туча тучей, а на роже ребятки лесные в свайку играли...

Звениславка закинула голову, и счастливые тёплые слёзы затопили глаза – весь мир заняло огромное весеннее солнце.

– Расскажи ещё, Улебушко, – попросила она тихо.

– Про кого?

– Да про Чурилу Мстиславича...

8

Этельстану не понравилась Бирка...

Бесцельно бродил он по торгу и не собирался растрачивать своё скромное достояние. Всё, что действительно нужно морскому воину, у него имелось в избытке. А лишнее – зачем?

Но однажды, разглядывая выставленное на продажу, он заметил занятную бронзовую фигурку, весело блестящую на солнышке... Фигурка изображала шестирукого танцующего человека.

Любопытство заставило Этельстана нагнуться, чтобы получше рассмотреть это диво. Потом он решил спросить о цене.

– Только не думай, что возьмёшь его дёшево, – ответил ему хмурый веснушчатый торговец. – Эта вещь издалека, и в стране, где её сделали, у всех жителей по шесть рук. А у иных и по двадцать!

Его выговор показался Этельстану очень знакомым.

– Послушай, любезный... – сказал он ему, начисто позабыв о многоруком бронзовом плясуне. – Ты откуда?

Это он произнёс уже на своём родном языке. И сразу понял, что не ошибся, – его собеседник так и просветлел лицом:

– Я ирландец, а зовут меня Лойгайре сын Скибура. А ты сам кто такой и откуда приехал?

Суровый англ едва не кинулся ему на шею.

– Я Этельстан сын Вульфхеда из Эофорвика... Не откажись побеседовать со мной, друг!

Но Лойгайре только развёл руками:

– Я-то с тобой побеседую, но что ты от меня сможешь узнать? Я сам забыл, когда в последний раз видел наши зелёные берега... А твои места и подавно! Однако постой! Тут в городе есть один человек, который будет тебе полезен. А найдёшь ты его легко, он каждый день проезжает мимо церкви святого отца Ансгара... Он как раз из твоей страны, и люди зовут его Годвином Эдрикссоном. Вот только сумеешь ли ты с ним заговорить, уж больно большой это вельможа...

– Смогу! – обернулся Этельстан уже на бегу. – Спасибо, брат!

В этот день были на берегу и Хельги Виглафссон с Торгейром Левшой. У Торгейра скулы ещё торчали углами, да и болезнь, глубоко засевшая в простуженной груди, продолжала мучить его кашлем... Но теперь он был одет и тепло и нарядно, а на бедре – справа – висел длинный меч. Торгейр время от времени поглаживал его рукоять, точно проверяя – на месте ли...

– А что ты станешь делать, – спросил его Виглафссон, – если вдруг увидишь того служителя бога... Как там его звали? К которому ехали те монахи на корабле...

Торгейр пожал плечами:

– Спроси лучше, что сделает он... Он однажды видел меня. И если правда хоть половина того, что о нём рассказывают, то почему бы ему меня и не узнать!

– Конунг ему благоволит, но сейчас конунга в городе нет, – сказал Хельги. – Только ярл.

Торгейр улыбнулся.

– Не для того же ты отнимал меня у хозяина, чтобы теперь отдать лысому Херогару ярлу?

Они долго ходили по улицам, разминая ноги. И люди с уважением провожали глазами этих двоих и воинов, следовавших за ними.

Но внезапно Хельги почувствовал, как сжались на его локте пальцы Торгейра.

– Смотри, – сказал ему сын херсира. – Это он. Ансар...

Хельги глянул вперёд и без труда отличил в толпе того, о ком говорил калека. В дверях одного из домов – а крышу того дома венчал деревянный крест – стоял маленький толстый старик. И был на нём точно такой балахон, какие носили монахи с разгромленного корабля. И сандалии на босу ногу. Лукавыми молодыми глазами смотрел он на проходивших мимо людей. Шустрый весенний ветерок почтительно приглаживал на его висках остатки седых волос.

– Это Ансар, – повторил Торгейр.

Святой отец между тем присмотрелся к викингам, остановившимся напротив. Приметил взгляд Виглафссона и вызывающую улыбку, с которой Торгейр поправлял волосы на лбу... Ансар покинул своё место и пошёл прямо к ним.

Он был на полголовы меньше Торгейра, а Виглафссону не доставал макушкой даже до плеча. Тем не менее он приблизился к ним безо всякого страха.

– Сын мой, – ласково обратился он к Хельги. – Скажи мне, где ты встретил корабль, на котором ехал твой друг? Я вижу, ты его выкупил. Я давно жду брата Ульфберта и хотел бы знать, скоро ли он прибудет сюда?

Хельги смотрел на Ансара сверху вниз:

– Твоя правда, я выкупил этого парня... Вот только заплатил я за него не совсем так, как ты, наверное, думаешь. Что же до твоих людей, то они теперь дальше отсюда, чем были тогда!

Торгейр добавил:

– Они раздумали плыть к тебе и отправились крестить исландцев. Добрый человек вызвался проводить их туда...

Они издевались над стариком и даже не пытались этого скрыть. Ансгару стало ясно, какая судьба постигла Ульфберта и братьев... Так ясно, как будто он всё это видел собственными глазами! Он давным-давно жил в Северных странах, сам был раз ограблен викингами и добирался до берега вплавь. И смолodu понял, что земная жизнь весьма походила на весы. То одна чашка плыла вверх, то другая, и каждая лишь на краткое время задерживалась наверху! Что же – сегодня счастье было на стороне клеймёного язычника и его свирепого друга... И Бирка – не Бремен, стражу здесь не позовёшь. И конунг-благодетель, как назло, в отъезде. Святой отец только перекрестился и уже открыл рот, чтобы спросить хоть о том, жив ли остался несчастный брат Ульфберт.

Однако тут на улице появились люди, перед которыми толпа немедленно раздалась. Роскошно одетый, сопровождаемый вооружёнными слугами, ехал на серебристом коне иноземный вельможа. Короткое копье покачивалось в его руке, на левом кулаке, на кожаной рукавице, беспокойно топтался злой охотничий сокол...

Лорд Годвин Эдрикссон смотрел поверх голов: торговый город иного не заслуживал. Только это и можно было прочесть на худом лице лорда Годвина – и более ничего. Впрочем, отца Ансгара он разглядел и приготовился уже склонить голову перед святым человеком. Но заметил рядом с ним викингов и пригляделся внимательнее – не нужна ли защита? И в это время сильная рука схватила серебристого коня под уздцы!

Испуганный сокол вслепую ринулся с хозяйской руки и жалобно закричал, подхваченный путами. Верные слуги без приказа устремились вперёд – проучить наглеца. Не получилось. Рослый малый расшвырял их, как соломенные чучела. И встал перед вельможей:

– Надо мне поговорить с тобой, лорд Годвин Эдрикссон!..

Слуги поднялись, но повелительный жест хозяина их остановил.

– Что тебе нужно, викинг? – спросил Годвин сурово, не давая пятиться храпевшему жеребцу.

– Этельстан сын Вульфхеда приветствует тебя, Годвин!

Вельможа вздрогнул от неожиданности и наклонился в седле, впиваясь взглядом в обветренное, бородастое лицо.

– Я знавал человека, носившего это имя... – с угрозой проговорил он наконец. – И ты, пожалуй, даже похож на него, хоть он и был помоложе. Не тревожь его памяти, этот человек давно погиб!

– Он не погиб, лорд Годвин, – сказал Этельстан тихо. Годвин смотрел на него по-прежнему сурово, но что-то в нём уже дрогнуло. Этельстан не опускал перед ним глаз.

– Здесь есть люди, – сказал он, – которые подтвердят тебе, что я – это я. А если ты уже и не помнишь, как разламывал хлеб в доме моего отца, а я подавал тебе вино, так я сбрую бороду и покажу тебе знак на моём горле, его-то ты, я думаю, узнаешь!

И с чувством перекрестился, обратясь к церкви.

Хельги не понял ни того, что говорил Этельстан, ни того, что отвечал ему Годвин. Но потом он увидел, как лорд англов спрыгнул с седла и подошёл к Этельстану, не глядя бросив слугам поводья. Они обменялись ещё несколькими словами. А потом Годвин положил руки ему на плечи и долго молча смотрел на него, забыв о доброй сотне направленных на него глаз... И когда они вместе двинулись по улице, их проводил растерянный ропот. Как видно, всякие чудеса бывают на свете!

– Твоя мать всё ещё льет слёзы по сыну, – говорил Этельстану лорд Годвин Эдрикссон. – А жена твоя Гита прогнала уже троих женихов, и, по-моему, собирается в монастырь...

Этельстан так и остановился, лицо его посерело:

– Моя Гита?

– Твоя Гита, – ответил лорд Годвин. – Я вижу, вы оба плакали друг о друге, и оба напрасно. Она всё молится о мире для твоей души, но теперь, мне кажется, я порасскажу ей немало интересного, когда вернусь домой... Или, быть может, ты обрадуешь её сам?

В тот же вечер, когда Хельги шёл по берегу со своими людьми и Торгейром, его окликнул незнакомый голос:

– Виглафссон... постой, Виглафссон.

Поистине это был день неожиданных встреч! Хельги остановился. У воды на гнилом бревне сидел человек, закутанный в плащ, и капюшон плаща спадал ему на лицо. Хельги сказал:

– Не велика ли честь для бродяги, чтобы я останавливался? Может быть, я ещё должен что-нибудь тебе подарить?

Человек не смутился.

– Это вовсе не помешало бы мне, ибо я небогат, – отвечал он спокойно. – Но я пришёл сюда не попрошайничать. Мне велено кое-что сказать тебе, Виглафссон.

– По твоей речи ты не так прост, как кажешься с виду, – сказал ему Хельги. – Если не боишься меня, пойдём ко мне на корабль!

Человек не спеша разогнул колени и откинул капюшон. Лицо у него оказалось умное и острое, испещрённое морщинами, белевшими на загорелой коже.

– У меня припасено для тебя всего несколько слов, и я могу сказать их и здесь... Я только хотел предупредить тебя, сын Ворона, чтобы ты почаще оглядывался через плечо. Рыжая волчица идет по твоему следу!

Хельги очень захотелось немедленно оглянуться, но он удержался.

– Кто ты такой? – спросил он незнакомца. – И кто тебя прислал?

– Люди зовут меня Альвиром Хнувой, скальдом Харальда конунга и другом дочери Рунольва, – бесстрашно ответил человек. – Дроттнинг Вигдис послала меня, сказав, что сыновья Виглафа должны знать, откуда обрушится на них смерть.

– А не сказала тебе твоя Вигдис, – спросил Хельги, – что ты навряд ли ещё раз увидишь её, после того что ты мне тут наговорил?

Но Альвир скальд и на это ответил не моргнув глазом:

– Рунольдоттир говорила о Виглафссонах с уважением. И она обещала, что меня здесь не тронут!

Помолчал и добавил с хитрой улыбкой:

– А ещё она говорила, что вы, пожалуй, решите меня наградить, так чтобы я не отказывался.

Услышав такие слова, Хельги засмеялся. Потом стащил с руки серебряное обручье и бросил его Альвиру:

– Держи! И передай своей дроттнинг, что я при случае подарю ей такое же. Но только сделанное из ремня, и надену ей на шею, а не на руку. А теперь убирайся отсюда и не вздумай ещё раз попасться мне на глаза!

– Погоди, – вмешался Торгейр. – Дай и мне кое-что ему сказать... Ты не припоминаешь меня, Альвир скальд?

Скальд помолчал и проговорил нерешительно:

– Я всё смотрел на тебя... и ты очень напоминал мне Торгейра Гудмундссона. Правда, я знаю, что у старика был только один сын, да и тот...

– Если ты возвратишься к Харальду конунгу, – сказал ему Левша, – будь добр, передай ему, что я жив. Но только ты сам видишь, что теперь я навряд ли смогу послужить ему так, как служил раньше.

Хельги отвернулся: такие речи были ему не по душе. А Торгейр продолжал:

– Скажи ему ещё, что меня выручил из неволи Хельги сын Виглафа Хравна, и многие говорят, что это достойнейший муж. И что лучше бы конунгу назвать своими друзьями троих братьев Виглафссонов, чем одного Рунольва...

Хельги не выдержал:

– Я никого ещё не просил мирить меня с конунгом!

А скальд ответил, поклонившись Торгейру:

– Я передам, Гудмундссон.

9

Холодный предрассветный ветер тормозил озёрную воду, и во всю ширь, от края до края, бежали по ней злые быстрые волны.

Эрлинг Виглафссон прохаживался по палубе кнарра, наблюдая за работой своих людей. Одни натягивали канаты, устанавливая мачту, другие разбирали снасти, третьи вытягивали из трюма свёрнутое полотнище паруса... И прощай, торговый город на озере Лёг!

Работал вместе со всеми и Этельстан. Англ был внешне спокоен, но двигался, точно во сне. Так, словно накануне его жестоко избили и теперь ему больно было двигать руками. Сын Ворона долго приглядывался к Этельстану, потом подошёл.

– Что с тобой? – спросил он, тронув его за плечо. – Ты похож на пьяного, Адальстейн, но ты не пьян.

Этельстан поднял на него глаза и опустил их опять. И ничего не ответил. Эрлинг подтолкнул его:

– Я слышал, ты вчера встретил знакомого...

– Это был лорд Годвин Эдрикссон, – угрюмо сказал Этельстан. – Он и мой отец ходили под знаменем славного короля Хейма... там, дома.

Эрлинг кивнул. Дело было сделано: Этельстан заговорил.

– Он рассказал мне, что дома жива моя мать. И жена, а ведь я всё время думал, что её замучил Рунольв... А ещё он сказал, что наш король Элла, сын Хейма, пленил Рагнара Кожаные Штаны, когда тот грабил в Ирландии. Он велел посадить викинга в яму, и там его закусали гадюки.

– Вот как! – сказал Эрлинг. – Великим вождём был Рагнар Лодброк, и люди думают, что его сыновья удались в отца. Гроза идёт на твоего Эллу конунга, Адальстейн.

Этельстан мучительно вздохнул.

– Рагнар спел в яме песню, в которой перечислил свои деяния, а перед самой смертью сказал так: отчего бы и не зарезать старого кабана, но пусть мясник опасается поросят. Лорд Годвин мне сказал, что его сыновья теперь собирают войско и...

Эрлинг его перебил:

– Так, значит, твой... Гудини ярл предлагал тебе поехать домой вместе с ним, а ты отказался. Я угадал?

Этельстан внезапно рассвирепел:

– Чего ты от меня хочешь, Эрлинг Виглафссон?..

Эрлинг покачал головой:

– Не дело тебе кричать на меня, Адальстейн. Просто я теперь вижу, что ты больше принадлежишь своему Энкланду, чем мне. Так что иди-ка ты на берег, Адальстейн, куда мы ещё не снялись с якорей. Я так тебе велю!

– Отсылаешь? – спросил Этельстан. – Мне что-то не кажется, что я заслуживаю бесчестья, Виглафссон!

Но маленький Эрлинг расправил плечи и, кажется, даже вырос.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, Адальстейн, и не я виноват, если ты увидел в этом обиду! Иди! Или мне приказать, чтобы тебя выкинули за борт?

– Я никуда не пойду, – сказал Этельстан. – Ты дал мне свободу, и я буду идти за тобой, пока жив.

– Пойдешь! – отрезал Эрлинг, и оказалось, что это у него получалось не хуже, чем у самого Халльгрима. – Я дал тебе свободу, а твоя Страна Англов дала жизнь!

И кивнул Скегги, пробежавшему мимо:

– Принеси-ка сюда его котомку... Да, его!

Скегги убежал, оглядываясь. Принёс пожитки англа и отдал их хозяину.

– У каждого своя дорога, – сказал Эрлинг. – Удачи тебе, Адальстейн.

– И тебе удачи, – отозвался англ так же тихо. – И ты вернись когда-нибудь в свой Торсфиорд. Я стану молиться за тебя, Виглафссон, и это поможет тебе не меньше, чем помогал мой меч...

Потом на кораблях подняли якоря.

Набирая ход, три лодьи одна за другой заскользили к воротам гавани – вновь пересечь озеро и скрыться в просторе холодного Восточного моря.

Этельстан стоял по колено в воде. В руках – кожаная котомка, у пояса – добытый в бою топор. Он смотрел на тот из трёх кораблей, что шёл посередине: на круглобокий медлительный кнарр. Он знал, что больше никогда его не увидит. Он возвратится домой, чтобы обнять там мать и жену, но одна часть его жизни отрезана навсегда. И её будет не хватать.

В родном доме приснятся ему продымлённые стропила Сэхейма, Эрлинг хёвдинг и качающаяся палуба корабля...

Этельстан долго стоял неподвижно – до тех пор, пока корабли не скрылись из глаз. Город за его спиной понемногу просыпался: замычала корова, стукнула дверь, приплыл откуда-то запах только что испечённого хлеба...

Этельстан встряхнулся, словно просыпаясь, плеснул водой в лицо и зашагал к дому, где жил лорд Годвин Эдрикссон.

10

По великому морю Неву, из которого вытекала река, всё ещё бродили стаи льдин. И более всего они походили на остатки разгромленных войск, истаивающие под чужим солнцем, в чужой стороне... Ветер относил их на юг, и могучее течение реки непреодолимо увлекало вниз – не остановишься, не вернёшься с середины пути! Пролетали мимо рокочущие пороги, проплывали коварные отмели устья... И открывался впереди широкий Хольмский залив – Котлино озеро!

Разные люди ходили по этим местам, и всякий называл их по-своему. Реку Неву и ту урмане переиначили на свой лад: Нюйя...

Льды уходили всё дальше, мимо острова Котлина, мимо хмурых скал северного берега и песчаных кос южного – в солнечную синеву западного горизонта, на закат.

Шли и шли, и по дороге их делалось всё меньше...

Три корабля стояли у западной оконечности большого острова, поросшего могучими соснами. Как назывался остров, не знал даже Олав кормщик. А местных жителей не было видно ни души. Олав, шедший этими местами в восьмой раз, клялся, что в прежние годы было точно так же... И тем не менее лес видел людей. И недавно.

– Разбежались! – сказал Хельги, когда воины, ходившие в лес, нашли там торопливо загашенные костры. – Это финны, а от них, как мне говорили, иного не следует и ждать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.